

ИД «Академия Естествознания»

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

№ 10 2025

FUNDAMENTAL RESEARCH

Scientific journal

No. 10 2025

PH Academy of Natural History

Фундаментальные исследования

Научный журнал

Журнал издается с 2003 года.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство – ПИ № ФС 77-63397.

«Фундаментальные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, научные обзоры.

Журнал включен в действующий Перечень рецензируемых научных изданий (ВАК РФ). К1.

В журнале публикуются статьи, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты завершённых исследований, проблемного или научно-практического характера. Журнал ориентируется на ученых, преподавателей, экономистов. Авторы журнала уделяют особое внимание экономической эффективности рассматриваемых решений.

Основные разделы журнала – экономические науки.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ледванов Михаил Юрьевич, д.м.н., профессор

Технический редактор

Доронкина Е.Н.

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бичурин Мирза Имамович, д.ф.-м.н., профессор

Корректор

Галенкина Е.С.,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Бизенкова Мария Николаевна, к.м.н.

Дудкина Н.А.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.э.н., проф. *Алибеков Ш.И.* (Кизляр); к.э.н., доцент, *Беспалова В.В.* (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. *Бурда А.Г.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Василенко Н.В.* (Отрадное); д.э.н., доцент, *Гиззатова А.И.* (Уральск); д.э.н., проф. *Головина Т.А.* (Орел); д.э.н., доцент, *Довбий И.П.* (Челябинск); д.э.н., доцент, *Дорохина Е.Ю.* (Москва); д.э.н., проф. *Зарецкий А.Д.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Зобова Л.Л.* (Кемерово); д.э.н., доцент, *Каранина Е.В.* (Киров); д.э.н., проф. *Киселев С.В.* (Казань); д.э.н., проф. *Климовец О.В.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Князева Е.Г.* (Екатеринбург); д.э.н., проф. *Коваленко Е.Г.* (Саранск); д.э.н., доцент, *Корнев Г.Н.* (Иваново); д.э.н., проф. *Косякова И.В.* (Самара); д.э.н., проф. *Макринова Е.И.* (Белгород); д.э.н., проф. *Медовый А.Е.* (Пятигорск); д.э.н., проф. *Покрытан П.А.* (Москва); д.э.н., доцент, *Потышняк Е.Н.* (Харьков); д.э.н., проф. *Поспелов В.К.* (Москва); д.э.н., проф. *Роздольская И.В.* (Белгород); д.э.н., доцент, *Самарина В.П.* (Старый Оскол); д.э.н., проф. *Серебрякова Т.Ю.* (Чебоксары); д.э.н., проф. *Скуфьина Т.П.* (Апатиты); д.э.н., проф. *Титов В.А.* (Москва); д.э.н., доцент, *Федотова Г.В.* (Волгоград); д.э.н., проф. *Филькевич И.А.* (Москва); д.э.н., проф. *Халиков М.А.* (Москва); д.э.н., проф. *Цапулина Ф.Х.* (Чебоксары); д.э.н., проф. *Чиладзе Г.Б.* (Тбилиси); д.э.н., доцент, *Ювица Н.В.* (Астана); д.э.н., доцент, *Юрьева Л.В.* (Екатеринбург)

ISSN 1812-7339

Электронная версия: <http://fundamental-research.ru>

Правила для авторов: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,674

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,473

Периодичность

12 номеров в год

Учредитель, издатель и редакция

ООО ИД «Академия Естествознания»

Почтовый адрес

105037, г. Москва, а/я 47

Адрес редакции и издателя

440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3

Типография

ООО «НИЦ Академия Естествознания»
410035, г. Саратов, ул. Мамонтовой, 5

E-mail

edition@rae.ru

Телефон

+7 (499) 705-72-30

Подписано в печать

31.10.2025

Дата выхода номера

28.11.2025

Формат

60х90 1/8

Усл. печ. л.

16,25

Тираж

1000 экз.

Заказ

ФИ 2025/10

Распространяется по свободной цене

Подписной индекс в электронном каталоге «Почта России»: ПА035

© ООО ИД «Академия Естествознания»

Fundamental research

Scientific journal

The journal has been published since 2003.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. **Certificate – PI No. FS 77-63397.**

"Basic Research" is a peer-reviewed scientific journal, which publishes articles of a problematic, scientific and practical nature and scientific reviews.

The journal is included in the current List of peer-reviewed scientific publications (**HCC RF**). **K1.**

The journal publishes articles of scientific novelty, which are the results of completed research, of a problematic or scientific-practical nature. The journal focuses on scientists, teachers, economists. The authors of the journal pay special attention to the economic efficiency of the considered solutions.

The main sections of the journal are economic sciences.

CHIEF EDITOR

Ledvanov Mikhail Yurievich, Dr. Sci. (Medical), Prof.

Technical editor

Doronkina E.N.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Bichurin Mirza Imamovich, Dr. Sci. (Physical and Mathematical), Prof.

Corrector

Galenkina E.S.,

Dudkina N.A.

EXECUTIVE SECRETARY

Bizenkova Maria Nikolaevna, Cand. Sci. (Medical)

EDITORIAL BOARD

Dr. of Economics, Prof. **Alibekov Sh.I.** (Kizlyar); Cand. of Economics, Docent, **Bespalova V.V.** (Saint Petersburg); Dr. of Economics, Prof. **Burda A.G.** (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. **Vasilenko N.V.** (Otradnoye); Dr. of Economics, Docent, **Gizzatova A.I.** (Uralsk); Dr. of Economics, Prof. **Golovina T.A.** (Orel); Dr. of Economics, Docent, **Dovbiy I.P.** (Chelyabinsk); Dr. of Economics, Docent, **Dorokhina E.Yu.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Zaretsky A.D.** (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. **Zobova L.L.** (Kemerovo); Dr. of Economics, Docent, **Karanina E.V.** (Kirov); Dr. of Economics, Prof. **Kiselev S.V.** (Kazan); Dr. of Economics, Prof. **Klimovets O.V.** (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. **Knyazeva E.G.** (Ekaterinburg); Dr. of Economics, Prof. **Kovalenko E.G.** (Saransk); Dr. of Economics, Docent, **Kornev G.N.** (Ivanovo); Dr. of Economics, Prof. **Kosyakova I.V.** (Samara); Dr. of Economics, Prof. **Makrinova E.I.** (Belgorod); Dr. of Economics, Prof. **Medovyy A.E.** (Pyatigorsk); Dr. of Economics, Prof. **Pokrytan P.A.** (Moscow); Dr. of Economics, Docent, **Potyshnyak E.N.** (Khar'kov); Dr. of Economics, Prof. **Pospelov V.K.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Rozdolskaya I.V.** (Belgorod); Dr. of Economics, Docent, **Samarina V.P.** (Sary Oskol); Dr. of Economics, Prof. **Serebryakova T.Yu.** (Cheboksary); Dr. of Economics, Prof. **Skufina T.P.** (Apatity); Dr. of Economics, Prof. **Titov V.A.** (Moscow); Dr. of Economics, Docent, **Fedotova G.V.** (Volgograd); Dr. of Economics, Prof. **Filkevich I.A.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Khalikov M.A.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Tsapulina F.Kh.** (Cheboksary); Dr. of Economics, Prof. **Chiladze G.B.** (Tbilisi); Dr. of Economics, Docent, **Yuvitsa N.V.** (Astana); Dr. of Economics, Docent, **Yurieva L.V.** (Ekaterinburg)

ISSN 1812-7339

Electronic version: <http://fundamental-research.ru>

Rules for authors: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Impact-factor RISQ (two-year) = 1,674

Impact-factor RISQ (five-year) = 0,473

Periodicity	12 issues per year		
Founder, publisher and editors	LLC PH Academy of Natural History		
Mailing address	105037, Moscow, p.o. box 47		
Editorial and publisher address	440026, Penza, st. Lermontov, 3		
Printing house	LLC SPC Academy of Natural History 410035, Saratov, st. Mamontova, 5		
E-mail	edition@rae.ru	Telephone	+7 (499) 705-72-30
Signed for print	31.10.2025	Number issue date	28.11.2025
Format	60x90 1/8	Conditionally printed sheets	16,25
Circulation	1000 copies	Order	ФИ 2025/10

Distribution at a free price

Subscription index in the Russian Post electronic catalog: PA035

© LLC PH Academy of Natural History

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки (5.2.4 Финансы, 5.2.5 Мировая экономика)

СТАТЬИ

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ	
<i>Бойтуш О.А., Новикова Н.Ю., Плешакова М.В.</i>	8
РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	
<i>Виноградова А.В., Гриневич Ю.А., Летягина Е.Н.</i>	15
ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Евдокимова Т.Р.</i>	20
ОЦЕНКА ИТОГОВ ВНЕДРЕНИЯ «ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА» В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ	
<i>Кротов М.И., Горбунова О.С., Малькова Ю.В., Беликова О.А., Бухарова Д.Х.</i>	27
ПОСТРОЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ СКОРИНГОВОЙ БАНКОВСКОЙ МОДЕЛИ НА ОСНОВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АЛГОРИТМА И НЕЧЕТКОЙ ОЦЕНКИ КАУЗАЛЬНОСТИ ФАКТОРОВ	
<i>Назаров Д.М.</i>	36
АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕСТРИКТИВНОЙ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ	
<i>Невмерзжцкий А.Л., Разумовская Е.А.</i>	43
ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ И ФИНАНСОВАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ: БАЛАНС УДОБСТВА И КОНТРОЛЯ	
<i>Николаев Д.А., Эрдниева К.М.</i>	50
ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Платонова Е.Д.</i>	57
СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ФЕСТИВАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ	
<i>Салынина С.Ю.</i>	63
ОЦЕНКА И СТРАХОВАНИЕ РИСКОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ	
<i>Сугарова И.В., Кулумбегова Л.В.</i>	69
САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ВЕКТОР БУДУЩЕГО: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ	
<i>Чудиновских М.В., Сербина Н.В., Гудошникова Ю.В., Янова Я.А.</i>	75

Экономические науки (5.2.3 Региональная и отраслевая экономика)

СТАТЬИ

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ	
<i>Домнина С.В., Вильгута О.Ф., Рудык Н.В.</i>	87
РЫБНАЯ ОТРАСЛЬ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ	
<i>Левченко Т.А.</i>	95
АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА СОКРАЩЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	
<i>Титова А.В., Пустуев А.А., Буренина И.В., Алчанова Р.Д.</i>	102
ПАНДЕОРИСКИ БИЗНЕС-СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ	
<i>Часовских В.П., Стариков Е.Н., Клейн Н.В., Воробьев В.И.</i>	108
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	
<i>Шадрина Ж.А., Точилова А.Н.</i>	113
НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ	
МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОМПАНИИ	
<i>Капустина Л.М., Власова Н.Ю., Нурматов В.А.</i>	119
ДИНАМИЧНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ	
<i>Шохнех А.В., Кокодей Т.А., Григоренко Л.А., Мифтахов Т.С., Ахметшин Р.Ф.</i>	125

CONTENTS

Economic sciences (5.2.4 Finance, 5.2.5 World economy)

ARTICLES

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE PENSION SYSTEM FOR RUSSIAN CITIZENS

Boytush O.A., Novikova N.Yu., Pleshakova M.V. 8

THE PLATFORM ECONOMY REGULATION AS A FACTOR OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY AT THE PRESENT STAGE

Vinogradova A.V., Grinevich Yu.A., Letyagina E.N. 15

ASSESSMENT OF THE CURRENT STATE OF BUDGET INVESTMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Evdokimova T.R. 20

ASSESSMENT OF THE RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE «DIGITAL TWIN» IN DAIRY CATTLE BREEDING USING THE EXAMPLE OF A SMALL ENTERPRISE

Krotov M.I., Gorbunova O.S., Malkova Yu.V., Belikova O.A., Bukharova D.H. 27

CONSTRUCTION OF A COMPREHENSIVE SCORING BANKING MODEL BASED ON AN INTELLIGENT ALGORITHM AND FUZZY ASSESSMENT OF THE CAUSALITY OF FACTORS

Nazarov D.M. 36

ANALYSIS OF FINANCIAL INDICATORS OF THE REAL ESTATE MARKET IN THE CONDITIONS OF RESTRICTIVE MONETARY POLICY

Nevmerzhitskiy A.L., Razumovskaya E.A. 43

E-COMMERCE AND FINANCIAL TRANSPARENCY: BALANCE OF CONVENIENCE AND CONTROL

Nikolaev D.A., Erdnieva K.M. 50

FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN THE WORLD ECONOMY: CURRENT TRENDS AND PROSPECTS

Platonova E.D. 57

MODERN MODELS OF FESTIVAL PROJECTS FINANCING

Salynina S.Yu. 63

ASSESSMENT AND INSURANCE OF RISKS OF BUSINESS ENTITIES

Sugarova I.V., Kulumbegova L.V. 69

SELF-EMPLOYMENT AS A VECTOR FOR THE FUTURE: INSIDE VIEW OF STUDENT LIFE

Chudinovskikh M.V., Serbina N.V., Gudoshnikova Yu.V., Yanova Ya.A. 75

Economic sciences (5.2.3 Regional and sectoral economics)

ARTICLES

DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE SAMARA REGION
IN THE CONTEXT OF CREATIVE INDUSTRIES

Domnina S.V., Vilguta O.F., Rudyk N.V. 87

THE RUSSIAN FISHING INDUSTRY: MAIN TRENDS,
PROBLEMS, AND DEVELOPMENT FEATURES
IN THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

Levchenko T.A. 95

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL
TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR REDUCING REGIONAL
DISPARITIES IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
USING THE EXAMPLE OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Titova A.V., Pustuev A.A., Burenina I.V., Alchanova R.D. 102

PANDEORISKS IN BUSINESS ENVIRONMENT UNDER
CORPORATE CULTURE TRANSFORMATION OF AN ENTERPRISE

Chasovskikh V.P., Starikov E.N., Klein N.V., Vorobyev V.I. 108

DIGITAL TRANSFORMATION OF AGRO-INDUSTRIAL
COMPLEX ENTERPRISES

Shadrina Zh.A., Tochilova A.N. 113

REVIEWS

A METHODOICAL APPROACH TO ASSESSING
THE COMPETITIVENESS OF AN INDUSTRIAL COMPANY

Kapustina L.M., Vlasova N.Yu., Nurmatov V.A. 119

DYNAMICS OF A REGIONAL BALANCED SYSTEM

Shokhnekh A.V., Kokodey T.A., Grigorenko L.A., Miftakhov T.S., Akhmetshin R.F. 125

СТАТЬИ

УДК 336.14
DOI

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ**

¹Бойтуш О.А. ORCID ID 0000-0002-3171-3420,

¹Новикова Н.Ю. ORCID ID 0009-0001-0009-5144, ²Плешакова М.В.

*¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный экономический университет», Россия, Екатеринбург,
e-mail: boytush-ok@mail.ru;*

*²Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
города Москвы «Московский городской педагогический университет», Россия, Москва*

Цель исследования – разработать модель повышения устойчивости и адекватности пенсионного обеспечения в Российской Федерации в условиях демографического старения и ограниченности источников финансирования. В работе под адекватностью понимается способность пенсионной системы обеспечивать приемлемый уровень потребления в пожилом возрасте; ключевым индикатором выступает коэффициент замещения, то есть отношение среднего размера пенсии к средней заработной плате. Устойчивость трактуется как длительная способность системы исполнять обязательства без нарастания структурного дефицита при заданной демографической нагрузке, то есть соотношении численности пенсионеров и занятых. Эмпирическая база включает официальные статистические ряды по численности пенсионеров, средним пенсиям и заработной плате за 2021–2024 гг., а также модельные оценки по самозанятым и неформально занятым гражданам. Методологически используются динамические и сравнительные методы, индексный подход к измерению адекватности, а также сценарное моделирование влияния расширения базы страховых взносов на доходы системы. Основной результат – интегральная аналитическая таблица макроиндикаторов, показывающая устойчивое снижение коэффициента замещения к значениям около одной четверти средней заработной платы при сохранении высокой демографической нагрузки, и консолидация микроэкономических параметров предлагаемой реформы страховых взносов самозанятых и неформально занятых. Предлагается дифференцированная ставка взноса для самозанятых в размере 5,5% от годового дохода, а также обязательный минимальный взнос для неформально занятых с административной интеграцией данных налогового и банковского мониторинга. Модельные расчеты указывают на потенциальное увеличение доходов пенсионной системы более чем на 1 трлн руб. в год при одновременном сохранении рентабельности предпринимательской активности самозанятых. Научная новизна состоит в увязке макроуровневых индикаторов адекватности и устойчивости с институциональной конфигурацией источников взносов, а также в операционализации параметров реформы через воспроизводимые расчетные таблицы. Практическая значимость – в предоставлении регулятору инструментария для таргетирования коэффициента замещения при заданных бюджетных ограничениях и реалистичных поведенческих предпосылках.

Ключевые слова: пенсионная система, коэффициент замещения, демографическая нагрузка, самозанятые, неформальная занятость, пенсионные взносы, финансовая устойчивость

**DIRECTIONS FOR IMPROVING
THE PENSION SYSTEM FOR RUSSIAN CITIZENS**

¹Boytush O.A. ORCID ID 0000-0002-3171-3420,

¹Novikova N.Yu. ORCID ID 0009-0001-0009-5144, ²Pleshakova M.V.

*¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Ural State University
of Economics, Russia, Yekaterinburg, e-mail: boytush-ok@mail.ru;*

*²State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow
Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow*

The aim of this study is to develop a model for improving the sustainability and adequacy of pension provision in the Russian Federation in the context of demographic aging and limited funding sources. In this paper, adequacy is defined as the pension system's ability to ensure an acceptable level of consumption in old age; the key indicator is the replacement rate, i.e., the ratio of the average pension to the average wage. Sustainability is defined as the system's long-term ability to meet its obligations without accumulating a structural deficit, given the demographic burden, i.e., the ratio of the number of pensioners to the employed. The empirical base includes official statistical series on the number of pensioners, average pensions, and wages for 2021–2024, as well as model estimates for the self-employed and informally employed. The methodological approaches utilize dynamic and comparative methods, an index approach to measuring adequacy, and scenario modeling of the impact of expanding the insurance contribution base on system revenues. The main result is an integrated analytical table of macroindicators demonstrating a steady decline in the replacement rate to values of approximately one-quarter of the average wage while maintaining a high demographic dependency ratio. It also consolidates the microeconomic parameters of the proposed reform of insurance contributions for the self-employed and informally employed. A differentiated contribution rate for

the self-employed of five point five percent of annual income is proposed, along with a mandatory minimum contribution for the informally employed, with administrative integration of tax and banking monitoring data. Model calculations indicate a potential increase in pension system revenues by more than one trillion rubles per year while simultaneously maintaining the profitability of entrepreneurial activity for the self-employed. The scientific novelty lies in linking macro-level indicators of adequacy and sustainability with the institutional configuration of contribution sources, as well as in operationalizing the reform parameters through reproducible calculation tables. The practical significance lies in providing the regulator with tools for targeting the replacement rate under given budget constraints and realistic behavioral assumptions.

Keywords: pension system, replacement rate, demographic burden, self-employed, informal employment, pension contributions, financial stability

Введение

Пенсионное обеспечение – ключевой элемент социальной политики, обеспечивающий межпоколенческое перераспределение доходов на основе страховых взносов и бюджетных трансфертов. Эффективность системы оценивается по двум взаимодополняющим критериям: адекватности выплат и финансовой устойчивости. Адекватность отражает способность пенсий поддерживать приемлемый уровень потребления домохозяйств пожилого возраста; финансовая устойчивость характеризует долговременную выполнимость обязательств без наращивания структурного дефицита при заданной демографической нагрузке. Рынок труда и демографическая структура в последние годы существенно изменились. С одной стороны, занятость демонстрирует устойчивость, с другой – ускорился рост сегментов самозанятости и гибкой занятости, сохраняется значительный объем неформальной деятельности. Эти сегменты традиционно охвачены пенсионным страхованием неполно, что сужает взносную базу и ограничивает возможности наращивания коэффициента замещения без усиления зависимости от бюджетных трансфертов. В то же время общественный запрос на повышение адекватности пенсий усиливается, поскольку домохозяйства сталкиваются с возрастающими издержками жизненного цикла и неопределенностью доходов.

Российская система пенсионного обеспечения прошла несколько волн институциональных изменений. На уровне обязательного пенсионного страхования корректировались правила учета стажа и заработков, параметры индексации и источники финансирования. В накопительном контуре предпринимались попытки переосмыслить архитектуру долгосрочных сбережений и роль финансовых посредников. Однако ключевые макроиндикаторы последних лет свидетельствуют о сохранении напряжения между целями повышения адекватности и ограничениями по источникам финансирования. Опережающий рост заработной платы относительно пенсий сдерживает коэффициент замещения, а умеренное сни-

жение демографической нагрузки не создает достаточного «окна возможностей» для автоматического улучшения показателей без институциональной настройки.

Для полноты контекста разграничим уровни пенсионного обеспечения. Базовый уровень – обязательное пенсионное страхование в составе государственной системы. Добровольный уровень для граждан – индивидуальные программы долгосрочных сбережений и добровольного пенсионного страхования, доступные в том числе самозанятым. Корпоративный уровень – негосударственные пенсионные программы работодателей, финансируемые за счет взносов компаний и (или) работников и администрируемые профессиональными участниками. В дальнейшем рекомендации по расширению взносной базы относятся к обязательному уровню; добровольные и корпоративные механизмы рассматриваются как дополняющие, а не замещающие.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в интеграции макроуровневого анализа динамики ключевых показателей и микроуровневой параметризации институциональных изменений в части страховых взносов. Вместо абстрактных рекомендаций представляется воспроизводимый расчетный контур: консолидация официальных рядов по численности пенсионеров, средним пенсиям и заработной плате; вычисление коэффициента замещения и демографической нагрузки; построение модельных сценариев по ставкам взносов для самозанятых с учетом операционных издержек и требований к минимальной рентабельности; оценка бюджетного эффекта от вовлечения незастрахованных групп. Такой дизайн позволяет связать целевой индикатор – коэффициент замещения – с инструментами регулирования доходной базы, не увеличивая чрезмерно нагрузку на занятость в формальном секторе.

Подходы к реформированию пенсионных систем через баланс адекватности и устойчивости обоснованы в работах К.В. Швандара и А.А. Анисимовой, где подчеркивается необходимость сочетания страховых и бюджетных источников при адаптации

к демографическим трендам [1]. В плоскости борьбы с бедностью пожилых акцент на адресных механизмах и повышении эффективности распределительных каналов делает А.К. Соловьев, указывая на структурные ограничения текущей конфигурации [2]. Юрико-институциональные аспекты профессиональных пенсий, важные для отраслевого таргетирования, рассматривает Г.Г. Пашкова, подчеркивая неоднородность рисков и прав в различных профессиональных группах [3]. Дискуссия о накопительном элементе получила развитие у С.А. Хмелевской и Т.С. Есауловой, где показаны организационные и поведенческие риски модернизации накопительной компоненты [4]. Историко-правовая перспектива накопительного звена и поиски его современной концептуализации представлены Ю.В. Ворониным и А.В. Столяровым, что важно для понимания траекторий реформ [5]. Вопросы эффективности накопительных элементов в международном сравнении анализирует И.К. Биткина, акцентируя значение доверия и качества финансовой архитектуры [6].

Методологию использования коэффициента замещения как инструмента анализа и прогнозирования развивают Ю.М. Горлин, В.Ю. Ляшок и А.А. Салмина, аргументируя его пригодность для таргетирования политики [7]. Проблематизацию коэффициента замещения в качестве единственного критерия эффективности продолжает А.К. Соловьев, подчеркивая риск игнорирования распределительных и поведенческих эффектов [8]. В расширенном эмпирическом контексте факторов роста пенсий в долгосрочной перспективе Ю.М. Горлин и В.Ю. Ляшок связывают траекторию выплат с производительностью и занятостью [9]. Инвестиционные результаты и уроки управления пенсионными накоплениями в России обобщают А. Абрамов и М. Чернова, выделяя институциональные риски и значение регулирования финансовых посредников [10]. Прагматическую критику гарантированных пенсионных планов формулирует И.А. Григорьева, фокусируясь на реализуемости и устойчивости обещаний в корпоративных и отраслевых конфигурациях [11]. Необходимость учета отраслевой специфики в стратегии развития системы, в частности на примере сельского хозяйства, аргументирует И.В. Бальнин [12].

Сравнительный анализ зарубежного опыта дополняет Р.М. Вульфович, рассматривающий германские тенденции с точки зрения федерализма и межтерриториальных различий [13]. Широкая историческая перспектива становления систем обеспече-

ния в европейских империях у Д.И. Раскина демонстрирует институциональные корни современного многоуровневого устройства [14]. Социологическое измерение пенсионных ожиданий населения, значимое для поведенческой реакции на реформы, представлено А.А. Цыгановым [15]. Дискуссия о базовом доходе как возможном контуре трансформации пенсионных систем получает развитие у И.Н. Захарова, где показаны компромиссы между универсализмом и таргетированием [16], а также в обзоре В.Н. Бобкова, А.Г. Пилус и Е.А. Смирновой, систематизирующем эффекты для распределения и стимулов [17]. Концепт «производства пенсионного блага» и институты его формирования на российском материале анализирует В.В. Мосейко, что важно для сопоставления частного и государственно-организованных механизмов [18]. Суммируя приведенные позиции, практико-ориентированная связка выглядит так. Операционализация коэффициента замещения как таргета допустима при одновременном учете ограничений, выделенных в работах по производительности и занятости, и не сводится к механической индексации выплат. Управление накопительными контурами требует институционального качества и прозрачности, иначе положительные эффекты сглаживаются, а поведенческие риски усиливаются. На стороне доходов устойчивое повышение адекватности возможно через расширение взносной базы в сегментах с неполным охватом – при условии параметрической настройки платежей и актуального учета будущих прав. Предложенная в статье параметризация ставок для самозанятых и минимального взноса для неформально занятых как раз строится на этой логике: таргет – коэффициент замещения, инструмент – расширение базы при сохранении стимулов и расчет нетто-эффектов.

Цель исследования – разработка модели повышения устойчивости и адекватности пенсионного обеспечения в Российской Федерации в условиях демографического старения и ограниченности источников финансирования.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база включает официальные статистические ряды по Российской Федерации за 2021–2024 гг.: численность пенсионеров (чел.), средний размер пенсий (руб./мес.), средняя начисленная заработная плата (руб./мес.), численность занятых (чел.). Единицы измерения приведены в первичных источниках; в аналитических таблицах применена консолидация до миллионов человек для численностей, а также сохране-

на номинальная рублевая оценка без дефлятирования, что позволяет сопоставлять относительные показатели на коротком горизонте наблюдений. Коэффициент замещения оценен по индексу отношения среднего размера пенсии к средней заработной плате, выраженный в процентах. Демографическая нагрузка рассчитана как отношение численности пенсионеров к численности занятых, представленное в интерпретации «пенсионеров на 100 занятых» для удобства сравнения во времени. Динамический анализ осуществляется по 2021–2024 гг. с фиксацией уровней и направлений изменений ключевых индикаторов.

В качестве официальной статистической базы использованы: показатель «среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций» (руб./мес.); показатель «средний размер назначенных пенсий, все виды» (руб./мес.); численность получателей пенсий (все виды), а также среднегодовая численность занятых в экономике. Для 2024 г. применена предварительная оценка, а округление численностей до двух знаков после запятой могло привести к визуальному совпадению значений. Демографическая нагрузка определена как число получателей пенсий на 100 занятых. Коэффициент замещения рассчитан как отношение среднего размера назначенных пенсий к среднемесячной начисленной заработной плате, умноженное на 100%. Все сопоставления выполнены в единой методологии и единицах измерения.

Параметризация ставки взноса для самозанятых строится на требовании минимально допустимого личного дохода после взноса (по смыслу – аналог оплаты труда). При годовой выручке Y и доле операционных расходов c взнос $T = \tau Y$, допустим, если $Y * (1 - c - \tau) \geq D_{\min}$.

В расчетах приняты

$$c = 0,30 \text{ и } D_{\min} = 240\,000 \text{ руб./год.}$$

$$\text{При } Y = 450\,000, \tau = 0,055 \\ (5,5\% \text{ от выручки}).$$

Личный доход после взноса равен 290 250 руб./год ($\approx 24\,188$ руб./мес.), что выше порога. Проверка чувствительности: если $D_{\min} = 300\,000$ руб./год (25 000 руб./мес.), верхняя допустимая ставка

$$\tau^* \leq 1 - c - D_{\min} / Y = 0,033 (\approx 3,3\%).$$

Фискальная оценка эффекта выполняется в двух проекциях: валовый эффект (дополнительные поступления взносов) и нетто-эффект с учетом будущих обязательств. Нетто-оценка проводится в логике условно-

накопительной схемы: часть дополнительных поступлений резервируется под будущие права (параметр α), а административные издержки учета/взимания отражены параметром β . Соответственно,

$$EF_{\text{нетто}} = EF_{\text{вал}} * (1 - \alpha) - \beta.$$

На этапе иллюстрации параметры α и β варьируются сценарно; их калибровка требует актуальных данных СФР и выходит за рамки данной статьи.

Результаты исследования и их обсуждение

Сопоставление базовых статистических рядов по численности получателей пенсий, среднему размеру назначенных пенсий, среднемесячной начисленной заработной плате и среднегодовой занятости позволяет получить два производных индикатора, дающих целостное представление о состоянии пенсионной системы: коэффициент замещения и демографическую нагрузку. Первый характеризует относительную «щедрость» выплат по отношению к трудовым доходам, второй – давление на взносную базу. Горизонт 2021–2024 гг. выбран как период, достаточный для фиксации сдвигов после пандемийного шока и перехода к новой конфигурации занятости. Использование номинальных величин корректно в рамках относительных индикаторов: коэффициент замещения нечувствителен к общей инфляции, так как представляет отношение двух номиналов, а демографическая нагрузка – безразмерный показатель в интерпретации «получателей пенсий на 100 занятых» (табл. 1).

Представленные данные фиксируют три важные динамики.

Во-первых, численность пенсионеров сократилась с 42,01 до 41,17 млн чел., что при умеренном росте занятости с 74,9 до 75,5 млн снизило демографическую нагрузку с 56,0 до 54,46 пенсионеров на 100 занятых. Это означает некоторое облегчение «механической» нагрузки на страховую базу за счет демографических сдвигов и рынка труда.

Во-вторых, номинальная средняя пенсия выросла на 37% (с 16 884 до 23 175 руб./мес.), тогда как средняя заработная плата поднялась на 49% (с 65 338 до 97 645 руб. в месяц). Опережающий рост заработной платы относительно пенсий обусловил снижение коэффициента замещения: с 25,8% в 2021 г. до 23,62–23,73% в 2023–2024 гг. На коротком горизонте 2023–2024 наблюдается небольшой «отскок» замещения с 23,62 до 23,73%, однако структурно показатель остается близким к одной четверти средней заработной платы.

В-третьих, сочетание умеренно снижающейся демографической нагрузки и снижающегося коэффициента замещения означает, что бюджетная и страховая устойчивость поддерживались преимущественно за счет относительного «охлаждения» щедрости выплат по отношению к заработной плате, а не за счет широкого расширения базы взносов. Если цель политики состоит в наращивании коэффициента замещения при заданных ограничениях по федеральным трансфертам, то необходима институциональная мера, увеличивающая охват плательщиков и сборы без негативного воздействия на занятость в формальном секторе. Такой мерой выступает технологически осуществимая настройка ставок взносов для самозанятых и администрируемого минимального взноса для неформально занятых. С количественной точки зрения достаточность ресурсов для повышения целевого уровня замещения зависит от того, способен ли расширенный круг плательщиков приносить дополнительные

поступления, сопоставимые с потребностями системы на горизонте ближайших бюджетных циклов.

Микроэкономическая конструкция реформы исходит из трех требований. Первое – обеспечивать минимально допустимый личный доход самозанятого после уплаты пенсионного взноса (по смыслу – аналог оплаты труда), чтобы не создавать стимулов к уходу в тень. Для этого взнос калибруется относительно годовой выручки с учетом операционных расходов и заданного порога личного дохода. Второе – включать неформально занятых через административно реализуемый минимальный взнос, согласованный с параметрами обязательного пенсионного страхования, с поэтапным охватом и защитными режимами для низкодоходных групп. Третье – обеспечивать исполнимость через интеграцию данных налогового администрирования и платежной инфраструктуры: определение базы, расчет взноса, уведомление и контроль исполнения (табл. 2).

Таблица 2

Параметры предлагаемой реформы взносов и ожидаемый эффект (модельные оценки)

Блок	Показатель	Значение
Параметры модели (самозанятые)	Среднегодовая выручка, руб./год	450 000
	Операционные расходы, % выручки	30
	Минимально допустимый личный доход после взноса (аналог оплаты труда), руб./год	240 000
Производные расчеты (самозанятые)	Личный доход до взноса, руб./год	315 000
	Максимально допустимый взнос при $D_{\min} = 240000$, руб./год	75 000
	Предлагаемая ставка взноса, % выручки	5,5
	Предлагаемый годовой взнос, руб./год	24 750
	Личный доход после взноса при ставке 5,5 %, руб./год	290 250
Сопоставление (самозанятые)	Действующий фиксированный платеж (ориентир), руб./год	53 658 ($\approx 11,9\%$ выручки)
	Пороговый минимальный взнос (ориентир), руб./год	15 000 ($\approx 3,3\%$ выручки)
Охват и валовые поступления	Самозанятые: 12,0 млн плательщиков $\times$ предлагаемый взнос, млрд руб./год	297,0
	Неформально занятые: 15,8 млн $\times$ ориентир минимального взноса, млрд руб./год	847,8
	Валовый итог, млрд руб./год	1 144,8
Чувствительность / Нетто-оценка	Верхняя допустимая ставка при $D_{\min} = 300000$, % выручки	$\leq 3,3$
	Нетто-эффект при резервировании 40 % и административных издержках 3 %, млрд руб./год	652,5

Примечание: минимально допустимый личный доход – доход самозанятого после операционных расходов и пенсионного взноса (по смыслу – аналог заработной платы).

Источник: составлено авторами на исследуемых данных.

В части самозанятых расчет иллюстрирует следующая калибровка: среднегодовая выручка 450 000 руб., операционные расходы 30% выручки, порог минимально допустимого личного дохода 240 000 руб. в год (20 000 руб./мес.). При такой конфигурации предлагается ставка 5,5% от выручки: годовой взнос 24 750 руб., личный доход после взноса – 290 250 руб. в год, что выше заданного порога. Для проверки чувствительности: при повышении порога до 300 000 руб. (25 000 руб./мес.) верхняя допустимая ставка не должна превышать примерно 3,3% от выручки. В части неформально занятых фиксируется минимальный годовой взнос, соразмерный страховым параметрам.

В модельной конфигурации для самозанятых предлагаемый взнос 24 750 руб. в год (5,5% от выручки) обеспечивает личный доход после взноса 290 250 руб. в год, то есть выше заданного порога 240 000 руб. Сравнение с действующим фиксированным платежом 53 658 руб. (ориентировочно 11,9% выручки) показывает, что единый высокий платеж непропорционально нагружает низкодходные профили, тогда как долевая ставка сохраняет приемлемый личный доход и снижает стимулы к уходу в тень. При численности 12,0 млн самозанятых дополнительные валовые поступления оцениваются в 297,0 млрд руб. в год. Для неформально занятых административно реализуемый минимальный взнос при ориентировочной численности 15,8 млн плательщиков дает верхнюю оценку ресурса порядка 847,8 млрд руб. в год. Совокупный валовый эффект – около 1144,8 млрд руб. в год. Поскольку вовлечение новых плательщиков формирует будущие права, управленческие выводы следует основывать на нетто-оценке. При резервировании 40% валовых поступлений под будущие выплаты и административных издержках 3% ориентировочный нетто-эффект составит порядка 652,5 млрд руб. в год. Эти величины модельные и служат для калибровки параметров: фактический результат зависит от доли охвата, дисциплины платежей и настроек льгот. Для исполнимости критично обеспечить интеграцию источников данных (налоговый учет, платежные транзакции), автоматизацию расчета и уведомления, а также поэтапное внедрение с региональными пилотами и публикацией парных показателей «вал/нетто». С точки зрения поведения рисков целесообразно сохранять эластичность ставок и предусмотренные послабления для сезонных и низкодходных плательщиков. В целом настраиваемый характер предлагаемой ставки позволяет нарастить ресурсную базу без избыточного

давления на формальный сектор и при сохранении приемлемого личного дохода самозанятых, что делает меру совместимой с целями финансовой устойчивости и постепенного повышения адекватности выплат.

Соотнесение данных в табл. 1 и 2 показывает, что структурный вызов – снижение коэффициента замещения при сохранении умеренно высокой демографической нагрузки – может быть адресован за счет расширения базы взносов. При использовании ресурса порядка 1,15 трлн руб. в год целесообразно таргетировать повышение среднего размера пенсии опережающими темпами относительно заработной платы для постепенного выхода к более высокому уровню замещения. При этом важно избегать усиления фискальной зависимости системы от федерального бюджета, переводя акцент на страховую компоненту.

Заключение

Представленная модель совершенствования пенсионного обеспечения объединяет операциональные макроиндикаторы (коэффициент замещения и демографическая нагрузка) с институциональной настройкой источников страховых взносов для самозанятых и неформально занятых. Консолидация официальных рядов за 2021–2024 гг. выявила устойчивое снижение коэффициента замещения к уровням около одной четверти средней заработной платы при умеренном снижении демографической нагрузки. Модельные расчеты параметров реформы показывают, что дифференцированная ставка взноса 5,5% от дохода для самозанятых и обязательный минимальный взнос для неформально занятых способны сформировать дополнительный ресурс около 1,1 трлн руб. в год без подрыва рентабельности малого предпринимательства. Теоретическая и практическая ценность результатов состоит в переводе дискуссии от декларативных целей к воспроизводимым параметрам, допускающим калибровку и мониторинг. Предложенный подход обеспечивает регулятору возможность таргетировать коэффициент замещения при ограниченных трансфертах, усиливая страховую природу системы.

Ограничения исследования связаны с номинальными измерениями без инфляционной корректировки, отсутствием регионального среза и непараметризованными поведенческими реакциями плательщиков. Эти ограничения очерчивают контур последующей валидации: необходимо дополнить модель дефлированными рядами, расширить ее до региональных панелей, а также оценить эластичность участия в зависимо-

сти от уровня взноса и доходов. Практическая апробация может осуществляться через пилотные проекты с поэтапным масштабированием и встроенными механизмами обратной связи. В целом результаты свидетельствуют, что повышение адекватности пенсионного обеспечения возможно без наращивания долгосрочной фискальной зависимости при условии институционально и технологически реализуемого расширения базы взносов и сохранения стимулов к легальной занятости. Валидация результатов предусматривает актуальную проверку нетто-эффектов, тест на чувствительность к альтернативным ставкам и поэтапную региональную апробацию с публичной отчетностью СФР по валовым и нетто-показателям.

Список литературы

1. Швандар К.В., Анисимова А.А. Подходы к реформированию пенсионных систем в мире и рекомендации для России // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 1. С. 125–135. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-125-135.
2. Соловьев А.К. Задачи повышения эффективности пенсионной системы в РФ для преодоления бедности пенсионеров // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2 (185). С. 98–112. DOI: 10.47711/0868-6351-185-98-112.
3. Пашкова Г.Г. Профессиональные пенсии в России: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 147–158. DOI: 10.17223/22253513/44/13.
4. Хмелевская С.А., Есаулкова Т.С. В поисках новой конфигурации российской пенсионной системы: реформирование института накопительной пенсии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 4. С. 36–65. DOI: 10.17323/1999-5431-2021-0-4-36-65.
5. Воронин Ю.В., Столяров А.В. Трансформация накопительного элемента пенсионной системы Российской Федерации: в поисках концептуализации современной модели // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 94–111. DOI: 10.12737/jrl.2020.020.
6. Биткина И.К. К вопросу об эффективности накопительных элементов пенсионной системы: международный опыт // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 5. С. 24–40. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-5-24-40.
7. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Салмина А.А. Коэффициент замещения как инструмент анализа и прогнозирования пенсионной системы // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 80–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-80-103.
8. Соловьев А.К. Проблемы применения коэффициента замещения как критерия эффективности пенсионной системы России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 2 (191). С. 80–93. DOI: 10.47711/0868-6351-191-80-93.
9. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю. Факторы роста пенсий в долгосрочной перспективе // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 98–117. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-12-98-117.
10. Абрамов А., Чернова М. Инвестирование пенсионных накоплений в России: результаты и уроки // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 3. С. 8–45. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-3-8-45.
11. Григорьева И.А., Квасова О.С. Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 4. С. 37–56. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.2. EDN: GYXFDZ.
12. Бальнин И.В. Учет отраслевых особенностей при реализации стратегии развития пенсионной системы Российской Федерации (на примере сельского хозяйства) // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2023. Т. 18. № 4 (72). С. 96–101. DOI: 10.12737/2073-0462-2023-96-101.
13. Вульфвич Р.М. Актуальные тенденции развития пенсионной системы Федеративной Республики Германия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16. № 1. С. 22–39. DOI: 10.21638/spbu23.2020.102.
14. Раскин Д.И. Развитие систем пенсионного обеспечения в контексте процесса модернизации восточноевропейских империй (Россия, Австро-Венгрия, Германия) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2 (42). С. 142–152. DOI: 10.51255/2311-603X_2024_2_142.
15. Цыганов А.А. Пенсионные ожидания жителей России // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 36–42. DOI: 10.31857/S013216250017479-9.
16. Захаров И.Н. Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 4. С. 482–498. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498.
17. Бобков В.Н., Пилус А.Г., Смирнова Е.А. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // Российский экономический журнал. 2024. № 4. С. 87–113. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_4_87.
18. Мосейко В.В. Особенности производства пенсионного блага в России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 3. С. 200–219. DOI: 10.38050/013001052020310.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 339.9:332.02
DOI

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Виноградова А.В., Гриневич Ю.А., Летягина Е.Н.

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского», Россия, Нижний Новгород, e-mail: len@fks.unn.ru*

В современных условиях развитие цифровой экономики неотъемлемо связано с развитием цифровых платформ, позволяющих упростить и ускорить взаимодействие продавцов и покупателей. Целью исследования является анализ процессов формирования и развития цифровых платформ, а также современных подходов к их регулированию как в России, так и в зарубежных странах. В работе представлено описание и основные тренды государственного регулирования цифровых платформ в России. Обозначены ключевые задачи и вызовы, стоящие перед государством в области концептуального регулирования платформенной экономики. Определены правовые методы, финансовые и технические инструменты государственного регулирования цифровых платформ. Также авторами проанализированы основные аспекты нового закона о платформенной экономике, в частности его сильные стороны и потенциальные риски, а также зарубежный опыт регулирования цифровых платформ. Авторы использовали методы системного и сравнительного анализа. Определено, что государство активно создает законодательную базу регулирования цифровых платформ и использует широкий арсенал методов и инструментов регулирования. Адаптивность государственного регулирования является ответом на новые вызовы, такие как технологические прорывы и геополитика. Установлено, что развитие государственного регулирования цифровых платформ позволяет упорядочить деятельность и повысить контроль за соблюдением прав участников платформ. При этом государственная политика одновременно преследует следующие цели: экономические (поддержка бизнеса и развитие конкуренции), социальные (защита прав) и политические (суверенитет, безопасность).

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровые платформы, регулирование цифровых платформ

THE PLATFORM ECONOMY REGULATION AS A FACTOR OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY AT THE PRESENT STAGE

Vinogradova A.V., Grinevich Yu.A., Letyagina E.N.

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod",
Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: len@fks.unn.ru*

In modern conditions, the development of the digital economy is inherently linked to the development of digital platforms that simplify and accelerate the interaction of sellers and buyers. The aim of the study is to analyze the processes of formation and development of digital platforms, as well as modern approaches to their regulation, both in Russia and abroad. The paper describes and highlights the main trends in government regulation of digital platforms in Russia. The key tasks and challenges facing the state in the field of conceptual regulation of the platform economy are outlined. Legal methods, financial and technical instruments of state regulation of digital platforms are defined. The authors also analyzed the main aspects of the new law on the platform economy, in particular its strengths and potential risks, as well as foreign experience in regulating digital platforms. The authors used methods of systematic and comparative analysis. It is determined that the government is actively creating a legislative framework for regulating digital platforms and using a wide range of regulatory methods and tools. Adaptability of government regulation is a response to new challenges such as technological breakthroughs and geopolitics. It has been established that the development of state regulation of digital platforms makes it possible to streamline activities and increase control over the observance of the rights of platform participants. At the same time, government policy simultaneously pursues the following goals: economic (business support and competition development), social (protection of rights) and political (sovereignty, security).

Keywords: platform economy, digital platforms, regulation of digital platforms

Введение

В современных условиях хозяйствования двигателем экономического роста и инноваций является цифровая экономика, способствующая трансформации бизнеса и социальным изменениям качества жизни

населения [1]. Цифровые технологии и искусственный интеллект обладают огромным потенциалом для хозяйствующих субъектов и общества. Они могут создавать совершенно новые сферы деятельности и экономики, стимулировать инновации и укреплять со-

циально-экономическое положение государства. Возникает новый тип экономики – экономика цифровых платформ, или платформенная экономика.

Платформенная экономика использует цифровые платформы для упрощения транзакций, объединяя покупателей и продавцов с помощью информационных технологий. По данным Международной корпорации данных, к 2027 г. расходы на цифровую трансформацию должны достичь почти 4 трлн долл. [2]. Платформы обеспечивают масштабируемость, автоматизацию и предоставление услуг на основе данных, в то время как традиционные модели делают упор на фиксированную инфраструктуру, личное взаимодействие и прямое владение ресурсами. Традиционная экономика не предполагает цифровых посредников. К факторам, оказывающим существенное влияние на становление и развитие платформенной экономики, относят как технологические факторы, так и факторы глобального характера, например снятие географических барьеров со стороны спроса, а также невозможность традиционных бизнес-моделей удовлетворять современным запросам рынка [3].

Изучению теоретических и методологических аспектов формирования и развития экономики цифровых платформ посвящены научные работы многих исследователей. Высокий рост научного интереса к изучению бизнес-процессов платформенной экономики отмечают в своих работах Е.Д. Платонова и Л. Цзыянь [4]. Авторы отмечают увеличение публикационной активности ученых Китая, США, Великобритании, России и Германии.

Платформы в интернете меняют не только потребительское и развлекательное поведение. Во многих случаях они также предлагают новые формы занятости. С юридической точки зрения возникает проблемный вопрос о том, как классифицировать работающих людей – как наемных работников или как самозанятых. А. Шнайдер-Дёрр и др. предлагают новое определение, которое может быть применено к форме занятости в платформенной экономике – «цифровая работа» [5]. Важную роль платформ в сфере занятости населения на базе теоретических концепций исследования платформ и анализа рынка труда подчеркивают немецкие ученые. Так, Х. Понграц на основе предварительных интернет-исследований и анализа документов исследовал модели платформ и их связи с субъектами в сфере занятости, в первую очередь с временными работниками и кадровыми службами [6].

Существуют убедительные доказательства того, что платформенная экономика

в разных странах устроена по-разному [7]. Неоднородность развития цифровых платформ исследовали с помощью сетевой модели, основанной на непараметрических линейных методах, ученые Э. Лафуэнте, Дж. Ач 3. и Л. Щерб. Выборка исследования составила 116 стран и учитывала географическое разнообразие и многоуровневую структуру платформенной экономики, характеризующую взаимодействие между органами государственной власти, цифровыми платформами, организациями, зависящими от платформ, и конечными пользователями. Таким образом, при разработке государственной политики необходимо применять дифференцированный подход, что позволит получить более эффективные результаты при ее реализации.

Государственная политика, направленная на развитие цифровой платформенной экономики, также должна основываться на анализе ее основных факторов, на основе результатов которого требуется разработка стратегии, направленной на качественное улучшение системы.

Цель исследования – анализ современных подходов к регулированию процессов формирования и развития цифровых платформ в России и других странах.

Материалы и методы исследования

Основу исследования составляет системный анализ механизмов регулирования платформенной экономики. Объектом анализа выступили процессы функционирования цифровых платформ на базе изучения документов стратегического планирования и совокупности рецензируемых источников отечественной и зарубежной литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Государственное регулирование цифровых платформ и сервисов в России за последние годы стало одной из самых динамично развивающихся и комплексных сфер законодательства. С 2025 г. реализуется национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», основными направлениями которого являются поддержка отечественных инноваций в сфере информационных технологий, развитие и внедрение искусственного интеллекта, инфраструктуры данных, а также информационная безопасность [8].

Развитие государственного регулирования цифровых платформ в России прошло несколько этапов и продолжает активно эволюционировать. Изначально (2004–2017) государство занимало позицию невмешательства, способствуя бурному

росту российского IT-сектора и стимулированию конкуренции. Появились сильные национальные платформы электронной коммерции («Яндекс», Ozon, Wildberries, Avito и др.). Эти платформы развивались по собственным правилам. С ростом влияния платформ и геополитической обстановки с 2018 г. государство начало создавать правовые рамки. Ключевым приоритетом стало обеспечение контроля над цифровой инфраструктурой и данными на территории России. На современном этапе создана Концепция государственного регулирования цифровых платформ в России, где основными задачами можно обозначить: технологический суверенитет (стремление контролировать критически важную цифровую инфраструктуру); противодействие иностранному влиянию (ограничение положения зарубежных платформ); защита прав граждан (реакция на злоупотребления со стороны платформ (блокировки аккаунтов, несправедливые алгоритмы, проблемы с возвратом товаров)) и налоговый контроль (стремление вернуть в правовое поле и обложить налогами доходы, генерируемые в платформенной экономике). Сложность в одновременной реализации этих задач заключается в том, что они часто вступают в противоречие. Концепция будущего развития государственного регулирования направлена на создание сбалансированных регуляторных условий для участников цифровых рынков.

Обозначим основные финансовые и технические инструменты государственного воздействия на цифровые платформы и правовые методы. Государство использует финансовые и технические рычаги для стимулирования или наказания. К финансовым можно отнести: субсидии и гранты (поддержка отечественных IT-компаний и стартапов через госпрограммы (например, от Фонда развития информационных технологий); налоговые льготы (для российских IT-компаний действуют льготы по налогу на прибыль и пониженные страховые взносы); штрафы – основной инструмент принуждения (штрафы за удаление запрещенного контента, неисполнение предписаний Роскомнадзора и других органов могут достигать значительных сумм (до 10% от годовой выручки компании)); ограничение денежных переводов (возможность ограничить переводы за рубеж для оплаты услуг иностранных платформ в пользу российских аналогов. К техническим можно отнести: блокировка IP-адресов и доменных имен (Роскомнадзор может требовать от интернет-провайдеров блокировать доступ к ресурсам, нарушающим законода-

тельство); замедление трафика; ограничение работы с платежными системами (запрет на прием платежей через российские банки для не исполняющих требования платформ) [9, 10].

Основные правовые методы и инструменты регулирования:

1. Законодательное и нормативное регулирование (прямое регулирование). Это самый мощный инструмент. Государство принимает законы, которые устанавливают прямые обязанности и запреты для платформ: федеральные законы № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ», № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации», № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Федеральный закон “О связи”».

2. Регистрационно-разрешительные механизмы, контроль за контентом и цензура. Государство обязывает платформы проходить процедуры регистрации, уведомления или лицензирования:

- Реестр организаторов распространения информации (ОРИ): платформы (соцсети, мессенджеры, почтовые сервисы) обязаны встать на учет в Роскомнадзоре. Это накладывает на них обязанность хранить данные пользователей на территории России и предоставлять их по запросу правоохранительных органов.

- Реестр социально значимых информационных ресурсов: попадание в этот реестр накладывает дополнительные обязательства по устойчивости и доступности.

- Реестр новостных агрегаторов: агрегаторы должны регистрироваться и нести ответственность за достоверность распространяемой новостной информации.

- Единый реестр запрещенной информации (Роскомнадзор): государственные органы могут вносить в реестр ссылки на информацию, которую они считают запрещенной (призывы к экстремизму, информация о наркотиках, «фейковые новости»). Платформы обязаны заблокировать доступ к такой информации на территории РФ.

- Обязательная установка российского программного обеспечения: на устройствах (смартфоны, компьютеры, Smart TV), продаваемых в России, должно быть установлено отечественное программное обеспечение.

Развитие безопасной цифровой среды, национальных экосистем и платформ

и национальной экономики – комплексная политика, на которую влияют цели технологического суверенитета, защита прав граждан, поддержка бизнеса и геополитическая обстановка.

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступающий в силу с 1 октября 2026 г. [11], позволит регулировать агрегаторы, маркетплейсы и другие цифровые платформы, даст возможность упорядочить взаимодействие между продавцами, исполнителями, операторами, владельцами ПВЗ и потребителями. Этот закон стал следующим этапом в создании законодательной базы, регулирующей деятельность цифровых платформ. Если ранее большая часть деятельности регулировалась, как и в большинстве стран мира, антимонопольным законодательством и законом, защищающим права потребителя [12], то новый закон позволит более адресно регулировать деятельность платформ, функционирующих в сфере торговли и предоставления услуг.

Закон имеет свои достоинства и недостатки. Положительными сторонами введения закона можно считать более сильные механизмы защиты прав покупателей при приобретении и возврате некачественных товаров, а также защиту продавцов от неправоправных действий самих платформ (в частности, установление скидок без уведомления и согласия со стороны продавца) и операторов (в части регулирования вопросов, связанных с заключением договоров и указания в договоре основных параметров, таких как цены, условия, взаиморасчеты и пр.). Закон позволит упорядочить систему подачи жалоб (решение вопросов в досудебном порядке) и сроки ответа на них (15 дней), даст возможность создать реестр платформ, что усилит управление и контроль за ними со стороны органов власти (в частности, налоговых органов), введет систему штрафов при нарушении требований, определяет логистическую инфраструктуру, а также упорядочивает работу и защищает физических лиц – исполнителей (самозанятых). Все вышеперечисленное позволит снизить степень мошеннических действий, а также повысит прозрачность работы и ответственность со стороны цифровых платформ.

Однако, несмотря на все вышеперечисленные положительные стороны, результатом введения данного закона может стать и ряд негативных последствий, в частности повышение бюрократизации процессов организации работы платформ, что может привести к росту цен для конечного по-

требителя. Одновременно с этим большая защита самозанятых может привести к раскрытию части информации о них.

Вышерассмотренный закон во многом идентичен законодательным актам, функционирующим в зарубежных странах. В целом законодательство о цифровых платформах преследует две основные цели: безопасность для потребителей и справедливое отношение к продавцам. В целом в законодательстве развитых (ЕС и США) и динамично развивающихся (Китай) стран можно выделить следующие схожие направления, такие как защита персональных данных покупателей и продавцов, а также контроль за правомерностью действий на платформе, упрощенные процедуры разрешения споров, контроль за деятельностью самих платформ.

В частности, в США нет единого закона, регулирующего цифровые платформы, однако активно применяются принятые еще в начале XX века антимонопольные законы (Закон Шермана и закон Клейтона), которые позволяют решать вопросы, связанные с самопредпочтением, использованием торговых марок других продавцов, защитой персональных данных и рекламой. При этом в отдельных штатах возможно принятие дополнительных законов, определяющих действия и защиту информации на цифровых платформах, таковы, например, Закон о защите прав потребителей (California Consumer Privacy Act) и Закон о конфиденциальности (California Privacy Rights Act), принятые в Калифорнии. Данные законы обязывают компании предоставлять информацию потребителям об их персональных данных и дают потребителю право на распространение и удаление своих персональных данных.

Если в США отсутствует специальное законодательство, регулирующее цифровые платформы, то в Европейском союзе существуют Закон о цифровых рынках и Закон о цифровых услугах (Digital Markets Act и Digital Services Act), которые также позволяют вести реестры продавцов, в особенности крупных игроков на рынке, регулируют вопросы сбора и распространения персональных данных, защищают от нелегальных товаров, решают вопросы предоставления неправомерной информации, упорядочивают процедуру подачи жалоб и разрешения споров и в целом ограничивают злоупотребления монопольной властью операторов-посредников. Также в ЕС существует аналог закона о правах потребителя (Consumer Rights Directive), который также позволяет защитить стандартные права потребителя. В основном

действие законов направлено на предупреждение злоупотреблений в деятельности цифровых платформ, а также защиту прав пользователей и создание конкурентной среды для компаний [13].

В Китае достаточно жестко законодательно регулируются вопросы, связанные с персональными данными, защитой прав потребителей, недобросовестной конкуренцией, а также жестко контролируются вопросы электронной торговли, электронных платежей, прав продавцов и покупателей, а также вопросы защиты персональных данных. При этом, в отличие от ЕС, Антимонопольный закон и законодательство, регулирующее платформенную экономику, в большей степени направлены на контроль за соблюдением законов при ведении деятельности и жесткое наказание за злоупотребления [14].

Во многих странах мира можно увидеть усиление внимания со стороны государства в отношении цифровых платформ. Так, в Индии с 2019 г. действует Закон об электронной коммерции, в Турции и Австралии законодательство регламентирует удаление незаконного контента [15]. В ЮАР регулируются транзакции, активно реализуется защита прав потребителя и его персональных данных, а также реализуются меры антимонопольного законодательства [16].

Заключение

Неотъемлемой частью функционирования цифровых платформ являются передовые технологии, включающие инструменты искусственного интеллекта, машинное обучение и облачные вычисления, развитие которых во многом определяется государственной политикой. Исследования отечественного и зарубежного опыта регулирования цифровых платформ показало, что законодательная база в сфере платформенной экономики зависит от степени развитости цифровой экономики, традиций в сфере регулирования экономических процессов и приоритетов дальнейшего развития, при этом во всех странах законодательство направлено на защиту конкурентной среды, защиту потребителя и упорядочивание деятельности посредников (платформ) при реализации взаимосвязей между продавцами и покупателями товаров и услуг.

Список литературы

1. Летягина Е.Н., Перова В.И. Нейросетевое исследование устойчивого развития экономики регионов России на основе ESG-принципов // Развитие и безопасность. 2023. № 1 (17). С. 93–105. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_93.

2. Официальный сайт Международной корпорации данных (IDC). [Электронный ресурс]. URL: <https://my.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS52305724> (дата обращения: 23.09.2025).

3. Высоцкая Н.В. Платформенная экономика в России: формирование, развитие, риски // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2021. Т. 20. № 3. С. 10–22. DOI: 10.24182/2073-6258-2021-20-3-10-22.

4. Платонова Е.Д., Цзыянь Л. Платформенная экономика: степень разработанности проблемы становления и развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 9–3. С. 408–415. DOI: 10.17513/vaael.2489.

5. Schneider-Dörr A. Neue Beschäftigungsformen in der Plattformökonomie. In: Bamberg E., Ducki A., Janneck M. (eds) // Digitale Arbeit gestalten. Springer. Wiesbaden. 2022. Vol. 5. P. 97–107. DOI: 10.1007/978-3-658-34647-8_8.

6. Pongratz H.J. Plattformen auf dem Arbeitsmarkt: Digitalisierung und Diversifizierung in der Beschäftigungsindustrie // Köln Z Soziol. 2022. Vol. 74. P. 133–157. DOI: 10.1007/s11577-022-00831-w.

7. Lafuente E., Ács Z.J., Szerb L. Analysis of the digital platform economy around the world: A network DEA model for identifying policy priorities // Journal of Small Business Management. 2022. Vol. 62 (2). P. 847–891. DOI: 10.1080/00472778.2022.2100895.

8. Официальный сайт Минцифры. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformaciya-gosudarstva> (дата обращения: 23.09.2025).

9. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/ (дата обращения: 23.09.2025).

10. Малкина М.Ю., Виноградова А.В. Эффективность институтов государственной поддержки экономики России и ее регионов // Журнал институциональных исследований. 2024. Т. 16. № 4. С. 97–112. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.097-112.

11. Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» от 31.07.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511088 (дата обращения: 23.09.2025).

12. Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. № 2. С. 110–126. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-06.

13. Ларионова М.В. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-04.

14. Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Политика Китайской Народной Республики в сфере регулирования цифровых платформ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. № 2. С. 145–160. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-08.

15. Дупан А.С., Бикбулатова Ю.С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. 2022. № 2. С. 211–218. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-211-218.

16. Игнатов А.А. Регулирование цифровых платформ в БРИКС: приоритеты и опыт ЮАР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. № 2. С. 161–182. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-09.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 336.581(470)
DOI

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евдокимова Т.Р.

*Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Россия, Москва, e-mail: tsafina2002@mail.ru*

Инвестиционные вложения в экономику – необходимое условие инновационного развития российской экономики, без которого невозможно сегодня достичь значимых сдвигов в экономическом и социальном развитии государства. Бюджетное финансирование неразрывно связано с обеспечением экономического роста и повышением качества жизни населения. Цель исследования заключается в изучении современного состояния бюджетных инвестиций в России. Оценка их состояния является необходимым этапом для выработки эффективной инвестиционной политики государства. В работе применены общенаучные методы анализа и синтеза, статистического и сравнительного анализа на основе данных статистики и материалов научных публикаций. Важным направлением бюджетной инвестиционной политики выступает финансирование социальной политики, цели которой также должны охватываться бюджетной политикой государства при определении приоритетов в управлении государственными (муниципальными) финансами. Развитие этого направления – непременное условие достижения экономических успехов государства и благополучия страны. В Российской Федерации недостаточно финансируются направления, связанные с развитием человеческого капитала – сферы образования, здравоохранения, науки, социальной политики. Значительная часть инвестиционных вложений не поддается оценке эффективности, а осуществляемые бюджетные расходы во многом носят непроизводительный характер. Увеличение финансирования отраслей, связанных с развитием социального капитала, выступает обязательным условием для перехода на инновационный этап экономического развития.

Ключевые слова: бюджет, инвестиции, экономика, социальная политика, экономический рост

ASSESSMENT OF THE CURRENT STATE OF BUDGET INVESTMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Evdokimova T.R.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Financial University under the Government of the Russian Federation",
Russia, Moscow, e-mail: tsafina2002@mail.ru*

Investment in the economy is a necessary condition for the innovative development of the Russian economy, without which it is impossible today to achieve significant changes in the economic and social development of the state. Budget financing is inextricably linked to ensuring economic growth and improving the quality of life of the population. The purpose of the study is to study the current state of budget investments in Russia. Assessment of their condition is a necessary stage for developing an effective investment policy of the state. The work uses general scientific methods of analysis and synthesis, statistical and comparative analysis based on statistical data and materials from scientific publications. An important area of budgetary investment policy is the financing of social policy, the objectives of which should also be covered by the budget policy of the state when determining priorities in the management of public (municipal) finances. The development of this area is an indispensable condition for achieving the economic success of the state and the well-being of the country. In the Russian Federation, there is insufficient funding for areas related to the development of human capital – education, healthcare, science, and social policy. A significant part of investments cannot be evaluated effectively, and the budget expenditures carried out are largely unproductive. Increasing the financing of industries related to the development of social capital is a prerequisite for the transition to an innovative stage of economic development.

Keywords: budget, investment, economy, social policy, economic growth

Введение

В современных условиях актуальной функцией инвестиций выступает их способность воздействовать на воспроизводственный процесс в экономике и воссоздавать основной капитал. Осуществление капиталовложений возобновляет производственный цикл, воссоздает основной капитал, увеличивает общественный продукт и удовлетворяет потребности общества в разных сферах – развитии инфраструктуры, образования, здравоохранения. В инве-

стиционном процессе государство выступает не только регулятором, но и инвестором. Важнейшие функции финансирования приоритетных отраслей экономики реализуются не только на уровне национальной экономики в целом, но и на уровне отдельных регионов. Во многом эти задачи выполняются с использованием механизма бюджетных инвестиций.

В научной литературе достаточно большое количество работ посвящено проблемам инвестирования и различным аспектам

осуществления инвестиционной политики [1]. Отдельные исследования посвящены механизмам бюджетного инвестирования и особенностям его осуществления и развития в Российской Федерации [2].

Необходимость поддержания достаточных темпов экономического роста требует обеспечения значительных капиталовложений в основной капитал. Важным источником развития экономики государства выступают сбережения населения. Вовлечение финансовых ресурсов населения в хозяйственный оборот представляет собой их трансформацию в инвестиционные ресурсы. Но в условиях дефицита таких ресурсов, обусловленного главным образом низким уровнем доходов населения, необходимо стимулировать их рост, как за счет совершенствования системы формирования, распределения и перераспределения денежных доходов населения, так и за счет поиска дополнительных источников роста инвестиционных ресурсов. В том числе значительным источником финансовых ресурсов выступают и средства бюджетной системы Российской Федерации.

Цели бюджетного инвестирования включают создание основы для производства общественно полезных благ, повышение эффективности и конкурентоспособности значимых для экономики отраслей и организаций, развитие инфраструктуры, необходимой для жизни общества.

К бюджетным расходам, направляемым на инвестиционные цели, относятся прежде всего бюджетные инвестиции. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ бюджетные инвестиции – это бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества. Но ограничивать сущность бюджетных инвестиций только капитальными вложениями не представляется корректным [3].

Кроме того, под объектами бюджетных инвестиций понимаются инвестиции в объекты капитального строительства или объекты недвижимого имущества, приобретенные в государственную (муниципальную) собственность, закрепленные за государственными (муниципальными) учреждениями, унитарными предприятиями на праве оперативного управления или праве хозяйственного ведения, а также бюджетные инвестиции иным юридическим лицам. Но этим перечнем не охватываются, например, инвестиции на капитальный ремонт или финансовые инвестиции [4].

Также, если бюджетные инвестиции предполагают увеличение стоимости или возникновение права собственности,

возникает вопрос их к расходам бюджета, так как выплаты связаны с поступлением (увеличением) нефинансовых активов [5]. И если цель инвестиционного процесса – это доход или прибыль, то результат бюджетных инвестиций – не увеличение стоимости государственного (муниципального) имущества (неденежной части казны), а будущая польза – выгода, которую сложно определить при существующих положениях бюджетного законодательства.

Цель исследования – изучение современного состояния бюджетных инвестиций в Российской Федерации.

Материалы и методы исследования

В работе применены такие общенаучные методы, как системный, сравнительный и статистический анализ, анализа и синтеза, сопоставления и обобщения. Информационной базой исследования выступили статистические данные Росстата и Министерства финансов Российской Федерации, а также нормативная база и научные публикации периодической печати.

Результаты исследования и их обсуждение

Определение сущности инвестиций должно учитывать толкование инвестиций как вложений с целью получения полезного эффекта в будущем. Бюджетные инвестиции, понимаемые шире, чем капитальные вложения, не учитывают финансовые инвестиции, размещение средств суверенных фондов, размещение временно свободных средств бюджетов в финансовые активы, при этом фактически осуществляется инвестиционная деятельность. Для оценки эффективности бюджетных инвестиций должен быть предусмотрен механизм, позволяющий оценить пользу или благо в результате инвестиционной деятельности.

В зависимости от источников финансирования можно выделить следующие виды бюджетных инвестиций в России: инвестиции за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. Статистические данные отражают доли расходов, потраченных в рамках бюджетного инвестирования, за последние 15 лет. Как показывают нижеприведенные таблицы, с 2009 по 2024 г. постепенно снижалась доля бюджетных инвестиций в ВВП – как бюджетных инвестиций в целом, так и отдельно бюджетных инвестиций из федерального бюджета и бюджетных инвестиций из бюджетов субъектов Российской Федерации. Доля общего объема бюджетных инвестиций по отношению к ВВП снизилась с 3,4 до 1,6 % (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Источники бюджетных инвестиций в России в 2009–2016 гг.

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП (млрд руб.)	39101	44939	54586	62699	66755	71406	83233	86044
Бюджетные инвестиции (млрд руб.)	1321,1	1294,9	1592,6	1712,9	1909,7	1761,3	1921,2	1855,1
в % к ВВП	3,4	2,9	2,9	2,7	2,9	2,5	2,3	2,2
– за счет федерального бюджета (млрд руб.)	688,9	661,9	822,4	926,6	1004,8	933,6	1185,5	995,4
в % к ВВП	1,8	1,5	1,5	1,5	1,5	1,3	1,4	1,2
в % к общему объему бюджетных инвестиций	52,1	51,1	51,6	54	52,6	53	61,7	53,7
– за счет бюджетов субъектов Российской Федерации (млрд руб.)	552,8	542,8	670,9	677	752,1	676,6	599,3	739
в % к ВВП	1,4	1,2	1,2	1,1	1,1	0,9	0,7	0,9
в % к общему объему бюджетных инвестиций	41,8	41,9	42,1	39,5	39,4	38,4	31,2	39,8
– за счет муниципальных бюджетов (млрд руб.)	79,4	90,2	99,3	109,3	152,8	151,1	136,4	120,7
в % к ВВП	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1
в % к общему объему бюджетных инвестиций	6	7	6,2	6,4	8	8,6	7,1	6,5

Источник: составлено автором по данным Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

Таблица 2

Источники бюджетных инвестиций в России в 2017–2024 гг.

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ВВП (млрд руб.)	92082	103627	109362	106968	130795	151456	171041	201152
Бюджетные инвестиции (млрд руб.)	2516,9	2311,1	2151,6	2712,2	2807,6	2496,2	3250,1	3180,9
в % к ВВП	2,7	2,2	2	2,5	2,1	1,6	1,9	1,6
– за счет федерального бюджета (млрд руб.)	1333,6	1148	1009,4	1235,4	1242,7	1193,3	1558,7	1361,5
в % к ВВП	1,4	1,1	0,9	1,2	1	0,8	0,9	0,7
в % к общему объему бюджетных инвестиций	53	49,7	46,9	45,5	44,3	47,8	48	42,8
– за счет бюджетов субъектов Российской Федерации (млрд руб.)	1070,6	996,9	982,8	1306,4	1380,8	1144,6	1509	1734,5
в % к ВВП	1,2	1	0,9	1,2	1,1	0,8	0,9	0,9
в % к общему объему бюджетных инвестиций	42,5	43,1	45,7	48,2	49,2	45,9	46,4	54,5
– за счет муниципальных бюджетов (млрд руб.)	112,7	166,2	159,4	170,4	184,1	158,3	182,4	209,7
в % к ВВП	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
в % к общему объему бюджетных инвестиций	4,5	7,2	7,4	6,3	6,6	6,3	5,6	6,6

Источник: рассчитано автором по данным Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

На протяжении всего рассматриваемого периода доля бюджетных инвестиций из федерального бюджета снизилась с 52 до 43 % от ВВП, доля бюджетных инвестиций из бюджетов субъектов соответственно увеличилась с 42 до 55 % от ВВП, что говорит об изменениях в структуре бюджетных расходов и об усилении роли бюджетных инвестиций в расходах региональных бюджетов по сравнению с федеральным и еще больше возрастающей нагрузке на бюджеты регионального уровня.

Доля бюджетных инвестиций, осуществляемых из муниципальных бюджетов, менялась незначительно, но по отношению к ВВП их доля также снизилась.

Показатель объема инвестиций в основной капитал к уровню ВВП отражает инвестиционный потенциал российской экономики, и от его динамики зависят темпы экономического роста. Увеличение уровня накопления основного капитала до 25–28 % ВВП может обеспечить в экономике достаточный рост экономики (4–5 %) за счет повышения эффективности производства и увеличения инвестиционной активности внутри России [6, с. 5].

Исследователями отмечается не только значительная роль инвестиций как катализатора экономического роста вообще, но также доказанный эффект имеет то обстоятельство, что государственные инвестиции являются основой для дальнейшего привлечения в экономику частного капитала [7–9].

Доля бюджетных инвестиций в ВВП различается в экономиках стран в зависимости от уровня развития экономики. По данным исследователей, в странах ОЭСР государственные инвестиционные расходы в среднем в последние годы (с 2019 г.) составляли около 3 % ВВП – от 1,3 % ВВП в Мексике до 6,5 % ВВП в Венгрии – и в среднем объеме бюджетных инвестиций составлял около 15 % общего объема инвестиций [7, с. 60].

Распределение бюджетных инвестиций по уровням бюджетной системы также зависит от формы государственного устройства страны – федеративной или унитарной. Как правило, в унитарных государствах инвестиции преимущественно из центральных бюджетов: в Чили – 89 %, в Турции – 87 %, в Венгрии – 80 %, в Великобритании – 71 %, а в сильно децентрализованных и федеративных государствах – из региональных бюджетов и, в меньшей степени, из местных бюджетов: в Канаде – из федеральных, региональных и местных бюджетов 5, 54 и 41 %, Бельгии – 24, 52 и 24 %, Мексике – 29, 39 и 28 % соответственно [7, с. 60].

Рост бюджетных инвестиций обеспечивает в экономике экономический рост

и улучшение благосостояния населения в долгосрочной перспективе. Бюджетные расходы, направленные на повышение качества жизни общества, можно рассматривать как инвестиции – «активы длительного пользования» – вложения в инфраструктуру, коммуникации, сферу ЖКХ, систему образования и здравоохранения, науку [10–12].

Пути повышения показателя бюджетных инвестиций в российской экономике включают несколько источников. Во-первых, источником роста выступает рост доходной базы – увеличение налоговых и неналоговых поступлений. Рост собираемости налоговых доходов находится в прямой зависимости от уровня развития экономики – уровня потребления и уровня доходов экономических субъектов. Эффективное налоговое регулирование должно создавать необходимые условия для роста накоплений в экономике и обеспечивать приток инвестиций в реальный сектор. Во-вторых, источники роста инвестиционных ресурсов включают способы повышения эффективности инвестиционного процесса в российской экономике – эффективное управление активами государства и эффективное управление расходами. По данным исследователей, в развивающихся странах из-за недостаточно эффективного управления государственными инвестициями теряется в среднем около 30 % их стоимости. При этом повышение эффективности управления государственными инвестициями может увеличить отдачу от них в 2 раза [7, с. 62].

Положительный эффект на экономику в результате роста инвестиций может проявиться как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, при этом на результативность существенно влияет фактор коррупции и хищений. В связи с этим реализация инвестиционной политики целиком зависит от качества управления государственными финансовыми ресурсами и качества работы системы государственного финансового контроля [13–15].

Динамику объема бюджетных инвестиций по разделам бюджетной классификации расходов федерального бюджета отражает табл. 3.

По данным таблицы 3, на протяжении последних семи лет, с 2018 до 2024 г., и в планируемый период 2025–2027 гг. объем бюджетных инвестиций увеличен почти на 30 %. При этом доли инвестиций по направлениям, связанным с развитием национальной экономики и жилищно-коммунального хозяйства снизилась соответственно с 58 до 43 % и с 3,5 до 1,9 % к общему объему инвестиций.

Таблица 3

Бюджетные инвестиции за счет средств федерального бюджета
(в рамках ФЦП и непрограммной части ФАИП) в 2018–2027 гг.

Показатель	2018 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.	
	млрд руб.	% к итогу	млрд руб.	% к итогу	млрд руб.	% к итогу	млрд руб.	% к итогу	млрд руб.	% к итогу
Всего – из них:	1148	100	1009	100	1235	100	1243	100	1193	100
Общегосударственные вопросы	49	4,3	43	4,3	46	3,7	62	5	70	5,8
Национальная оборона	206	17,9	207	20,5	217	17,6	200	16,1	137	11,5
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	32	2,8	34	3,4	56	4,5	44	3,5	43	3,6
Национальная экономика	667	58,1	518	51,3	626	50,7	628	50,5	670	56,2
Жилищно-коммунальное хозяйство	41	3,5	36	3,6	44	3,6	68	5,5	79	6,6
Охрана окружающей среды	4	0,4	14	1,4	21	1,7	32	2,6	25	2,1
Образование	45	3,9	31	3,1	36	2,9	35	2,8	40	3,3
Культура, кинематография	25	2,2	16	1,6	24	1,9	21	1,7	15	1,2
Здравоохранение	52	4,5	49	4,9	82	6,6	69	5,6	67	5,6
Социальная политика	0,2	0	2	0,2	5	0,4	4	0,3	8	0,7
Физическая культура и спорт	15	1,3	34	3,4	31	2,5	24	1,9	21	1,8
Средства массовой информации	9	0,8	0	0	0	0	0	0	0	0
Межбюджетные трансферты общего характера	4	0,3	25	2,5	49	4	55	4,4	18	1,5
Всего – из них:	1559	100	1362	100	1313	100	1525	100	1470	100
Общегосударственные вопросы	89	5,7	84	6,2	86	6,5	115	7,6	128	8,7
Национальная оборона	213	13,7	126	9,2	294	22,4	335	22	304	20,6
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	53	3,4	41	3	50	3,8	68	4,4	81	5,5
Национальная экономика	727	46,6	772	56,7	648	49,3	666	43,7	635	43,2
Жилищно-коммунальное хозяйство	101	6,5	54	4	47	3,6	51	3,4	28	1,9
Охрана окружающей среды	39	2,5	37	2,7	8	0,6	6	0,4	24	1,6
Образование	80	5,1	73	5,4	38	2,9	62	4,1	72	4,9
Культура, кинематография	29	1,9	35	2,6	19	1,5	48	3,1	39	2,7
Здравоохранение	132	8,5	68	5	67	5,1	118	7,8	108	7,4
Социальная политика	12	0,8	13	0,9	8	0,6	8	0,5	8	0,5
Физическая культура и спорт	23	1,4	16	1,2	6	0,5	13	0,9	12	0,8
Средства массовой информации	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Межбюджетные трансферты общего характера	62	4	43	3,2	42	3,2	34	2,2	31	2,1

Источник: рассчитано автором по данным Минфина. [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/?ysclid=mdd6b1kmqz725863381> (дата обращения: 15.09.2025).

А доли бюджетных инвестиций по направлениям национальной обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности, общегосударственным вопросам увеличились соответственно с 18 до 21 %, с 3 до 6 %, с 4 до 9 % к общему итогу. На протяжении всего исследуемого периода удельный вес бюджетных инвестиций в сфере развития человеческого капитала: образование, здравоохранение, социальная политика – не превышает в сумме 15 % к общему объему бюджетных инвестиций за соответствующий год, занимая достаточно незначительное место.

Заключение

Бюджетные инвестиции, как и любые инвестиции, должны быть нацелены на получение положительного конечного результата, выгоды или пользы для экономики и социального развития страны. Механизм предоставления бюджетных инвестиций предполагает финансирование и участие в капитале организаций, а также может включать различные формы поддержки экономики – например, предоставление государственных гарантий. При этом любая форма участия государства должна оцениваться с точки зрения ее эффективности – возможности решить приоритетные экономические и социальные задачи в сфере развития инфраструктуры, строительства, образования или здравоохранения, заинтересованности со стороны государства в решении приоритетных задач, обеспечении общеэкономической эффективности – экономического роста, рост доходов экономических субъектов и налоговых доходов бюджетов бюджетной системы, повышение качества социальной поддержки населения страны.

Качество осуществления бюджетных инвестиций можно рассматривать как для государства в целом, так и для частных лиц в отдельности. Эффективность, учитывающую все полезные эффекты и для государства, и для других экономических субъектов, можно определить как общественную эффективность. Эффективность бюджетных инвестиций в сфере развития человеческого капитала будет определяться множеством факторов, в том числе уровнем налоговых поступлений, получаемых с доходов лиц, имеющих высшее образование, уровнем расходов на социальную помощь лицам с низким уровнем доходов и безработным, а также косвенными факторами, связанными с ростом деловой и предпринимательской активности, научно-техническим прогрессом.

Таким образом, определение оптимального размера инвестиций в экономике должно учитывать целостное понимание их не только как вложений в основной капитал, но и вложений в другие активы, связанные с социальным капиталом. Полноценное развитие экономики, формирование экономики знаний, обеспечение экономического роста и повышение уровня жизни населения невозможно без своевременного и достаточного финансирования человеческого капитала.

Список литературы

1. Евдокимова Т.Р. Субсидии юридическим лицам и бюджетные инвестиции: понятия, особенности их предоставления в Российской Федерации // Форум молодых ученых. 2019. № 1 (29). С. 1174–1181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidii-yuridicheskim-litsam-i-byudzhetye-investitsii-ponyatiya-osobennosti-ih-predostavleniya-v-rossiyskoj-federatsii/viewer> (дата обращения: 07.07.2025).
2. Мелихова М.Н. Повышение эффективности бюджетных инвестиций в Российской Федерации // Вектор экономики. 2019. № 8. С. 1–16. URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/8/financeandcredit/Melikhova.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).
3. Чудновец Е.В., Шишков П.О. Подходы к определению роли бюджетных инвестиций в системе инвестиционной деятельности государства // Вестник Евразийской науки. 2023. Т. 15. С. 1–8. URL: <https://esj.today/PDF/13FAVN123.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).
4. Комягин Д.Л. Бюджетные инвестиции: публичный расходили трансформация казны? // Реформы и право. 2014. № 4. С. 20–24. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/hotojzr77/139111090.pdf?ysclid=mdd41gkbt121160312> (дата обращения: 09.07.2025).
5. Фирсов Д.А. Бюджетные инвестиции: анализ действующей практики и оценка результативности законодательных новаций // Финансовые исследования. 2015. № 2 (47). С. 64–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetye-investitsii-analiz-deystvuyushey-praktiki-i-otsenka-rezultativnosti-zakonodatelnyh-novatsiy/viewer> (дата обращения: 11.07.2025).
6. Ивантер В. Структурно-инвестиционная составляющая долгосрочной экономической стратегии России // Общество и экономика. 2017. № 8. С. 5–32. URL: https://inecon.org/docs/2017/Ivanter_SE_8_2017.pdf?ysclid=mdd62rlcb4871099616 (дата обращения: 15.07.2025).
7. Ордынская Е.В., Черковец М.В., Савчишина К.Е. Государственные инвестиции и экономический рост в разных странах // Проблемы прогнозирования. 2024. № 6. С. 58–70. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2024/11/byudzhetnye-investitsii-v-rossii-i-mire.pdf?ysclid=mdd4agoiza574066349> (дата обращения: 18.07.2025).
8. Корицкий А.В. Велика ли отдача человеческого капитала в России? // ЭКО. 2018. № 2. С. 35–47. URL: <https://www.sibran.ru/upload/iblock/367/367621e1461d6fd432f0dc92ece1bd90.pdf?ysclid=mdd49haaxk932300291> (дата обращения: 18.07.2025).
9. Игонина Л.Л. Доходы населения как инвестиционный ресурс российской экономики // Фундаментальные исследования. 2022. № 4. С. 28–33. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=43234&ysclid=mdd530u1s7893042967> (дата обращения: 18.07.2025).
10. Дадашев Б.А., Гладких А.А. Основные проблемы государственной инвестиционной политики России // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 20–26. URL: <https://esj.today/PDF/13FAVN123.pdf> (дата обращения: 21.07.2025).

11. Казова З.М., Дышекова А.А. Оценка бюджетных инвестиций // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 4. С. 1–14. URL: https://www.e-rej.ru/Articles/2019/Kazova_Dysheкова.pdf (дата обращения: 21.07.2025).

12. Мардеян Н.А., Тавитов А.Н. Характеристика бюджетных инвестиций в развитие социальной политики в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. № 3 (111). С. 35–40. URL: https://s-lib.com/issues/eiu_2021_03_t2_a6/?ysclid=mdd5nvftxo573706549 (дата обращения: 21.07.2025).

13. Сохов Т.С. Бюджетные инвестиции и повышение их эффективности // Вестник науки. 2019. Т. 5. № 6 (15). С. 55–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetye-investitsii-i-povyshenie-ih-effektivnosti/viewer> (дата обращения: 25.07.2025).

vestitsii-i-povyshenie-ih-effektivnosti/viewer (дата обращения: 25.07.2025).

14. Храмченко А.А., Вакуленко А.А., Салова А.А. Анализ бюджетного инвестирования // Вестник Академии знаний. Секция: Экономика и бизнес. 2020. № 40 (5). С. 447–453. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-byudzhethogo-investirovaniya?ysclid=mdd5ee5f23529027277> (дата обращения: 25.07.2025).

15. Щукина Т.В. Тенденции и проблемы развития бюджетных инвестиций // Вестник университета. 2018. № 9. С. 127–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-problemy-razvitiya-byudzhethyh-investitsiy/viewer> (дата обращения: 25.07.2025).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 336.144.2:332.122:338.43
DOI

ОЦЕНКА ИТОГОВ ВНЕДРЕНИЯ «ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА» В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

¹Кротов М.И. ORCID ID 0009-0000-0904-2766, ²Горбунова О.С.,

²Малькова Ю.В., ³Беликова О.А., ¹Бухарова Д.Х.

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Уральский государственный экономический университет,
Россия, Екатеринбург, e-mail: aktual111@mail.ru;

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Уральский государственный аграрный университет, Россия, Екатеринбург;

³Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Уральский государственный горный университет, Россия, Екатеринбург

Современные реалии отечественной экономики характеризуются серьезными вызовами, связанными с внешнеэкономическими ограничениями. Внешнеэкономические ограничения, в сочетании с внутренними негативными факторами (дефицит кадров, высокая стоимость кредитных ресурсов, низкая производительность труда и др.), оказывают отрицательное влияние на развитие отечественной экономики. Внедрение современных цифровых технологий выступает одним из основных направлений повышения конкурентоспособности отечественного народного хозяйства за счет более рационального использования ресурсов. Цель исследования – дать оценку влияния внедрения цифровых технологий на развитие молочного скотоводства сельскохозяйственной организации. Информационной базой для исследования практических аспектов деятельности хозяйства послужила внутренняя документация предприятия. Изучение научной литературы позволило определить основные тенденции, влияющие на развитие и внедрение цифровых технологий в сельском хозяйстве. При проведении исследования использовались следующие методы: статистико-экономические, монографические и абстрактно-логические. Анализ развития молочного скотоводства, проведенный по итогам реализации проекта «цифрового двойника» в производство, свидетельствует о значительном улучшении производственных показателей. Положительная динамика производственных показателей в молочном скотоводстве обеспечила значительный рост прибыли от реализации молока. Такой результат получен благодаря постепенному вводу элементов цифровизации в производство, за счет получения точной информации о состоянии дел и принятия рациональных управленческих решений. Оценка финансовых показателей предприятия свидетельствует, что хозяйство сохраняет высокий уровень финансовой устойчивости и ликвидности. Таким образом, можно констатировать, что опыт реализации подобных проектов в сельском хозяйстве позволит небольшим хозяйствам повысить эффективность производства и стабильно развиваться в сложных экономических условиях.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровой двойник, оценка проекта, малые предприятия, сельское хозяйство, молочное скотоводство, эффективность производства

ASSESSMENT OF THE RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE «DIGITAL TWIN» IN DAIRY CATTLE BREEDING USING THE EXAMPLE OF A SMALL ENTERPRISE

¹Krotov M.I. ORCID ID 0009-0000-0904-2766, ²Gorbunova O.S.,

²Malkova Yu.V., ³Belikova O.A., ¹Bukharova D.H.

¹ Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg, e-mail: aktual111@mail.ru;

² Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Ural State Agrarian University, Russia, Yekaterinburg;

³ Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Ural State Mining University, Russia, Yekaterinburg

The modern realities of the domestic economy are characterized by serious challenges associated with external economic constraints. External economic constraints, combined with internal negative factors (shortage of personnel, high cost of credit resources, low labor productivity, etc.), have a negative impact on the development of the domestic economy. The introduction of modern digital technologies is one of the main directions for increasing the competitiveness of the national economy through more rational use of resources. The purpose of the study is to assess the impact of the introduction of digital technologies on the development of dairy farming in agricultural organizations. The internal documentation of the enterprise served as an information base for the study of practical aspects of the farm's activities. The study of scientific literature allowed us to identify the main trends affecting the development and implementation of digital technologies in agriculture. The following methods were used in the research: statistical-economic, monographic and abstract-logical. The analysis of the development of dairy cattle breeding, conducted following the implementation of the "digital twin" project in production, indicates a significant improvement in production indicators. The positive dynamics of production indicators in dairy cattle breeding ensured a significant increase in profits from the sale of milk. This result was achieved due to the gradual introduction of digitalization elements into production, by obtaining accurate information about the state of affairs and making rational management

decisions. An assessment of the company's financial performance indicates that the farm maintains a high level of financial stability and liquidity. Thus, it can be stated that the experience of implementing such projects in agriculture will allow small farms to increase production efficiency and develop steadily in difficult economic conditions.

Keywords: digital technologies, digital twin, project assessment, small enterprises, agriculture, dairy cattle breeding, production efficiency

Введение

Современный этап развития отечественной экономики претерпевает серьезные вызовы, связанные с внешнеэкономическими ограничениями. Внешнеэкономические ограничения в сочетании с внутренними негативными факторами (недостаток трудовых ресурсов, высокая стоимость кредита, низкая производительность труда и др.) оказывают отрицательное влияние на развитие отечественной экономики. Внедрение современных цифровых технологий является одним из основных направлений повышения конкурентоспособности отечественного народного хозяйства за счет более рационального использования ресурсов.

Важным направлением цифровизации производственных процессов является реальный сектор экономики, в частности сельское хозяйство. На фоне оттока молодежи с сельских территорий, тяжелого труда, неразвитости социальной инфраструктуры, низкой производительности труда и других факторов, негативно сказывающихся на развитии отрасли, внедрение цифровых технологических решений в сельском хозяйстве может способствовать решению перечисленных проблем.

Роль цифровых технологий в экономическом взаимодействии организаций АПК определяется возможностями их устойчивого развития, приобретения конкурентных преимуществ, сокращения себестоимости продукции [1], роста рентабельности благодаря точечной оптимизации расходов и рациональному распределению финансовых и материальных ресурсов [2].

Анализ научных исследований в области цифровизации сельского хозяйства дает понимание данного определения. Так, Головина Л.А. и Кислицкий М.М. [1] определяют цифровые технологии – как технологии, основанные на электронно-вычислительных алгоритмах и представляющие собой системы управления, хранения, анализа больших данных и выработки проектов решений, технологических карт, инструкций и т.д.

Красильникова Л.Е. [3] рассматривает цифровые технологии как непрерывный процесс сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления по запросу пользователей релевантных данных в электронном виде для принятия управленческих решений.

Цифровые технологии, применяемые в АПК, можно разделить на следующие группы: точное земледелие, беспилотные лета-

тельные аппараты, роботы – умные фермы, АIoT-проект, системы Big Data и искусственного интеллекта [4], квантовые технологии, новые производственные технологии (PML, CAF и др.), технологии визуальной и дополненной реальности [1].

По данным Института статистических исследований и экономики знаний, в отечественной экономике приоритет отдается прорывным разработкам на стыке физического и виртуального миров [5]. Подобные технологические решения нашли свое отражение в реальном секторе экономики в виде «цифровых двойников», или «умных ферм».

Авторы Оборин М.С., Городилов М.А. [6] понимают под «умной фермой» объект сельского хозяйства, функционирующий на роботизированной и автоматизированной основе по производству животноводческой продукции, обладающий высшим уровнем качественных и экологических характеристик.

В работе Воротникова И.Л., Петрова А.Ю., Шмелёва А.П. [7] цифровая ферма определяется как полностью автономный, роботизированный сельскохозяйственный объект, предназначенный для разведения сельскохозяйственных видов (пород) животных (мясные, молочные и др.) в автоматическом режиме, не требующий участия человека (оператора, животновода, ветеринара и др.).

Интеллектуальная функция робототехники состоит в оперативном получении информации, данных о выполняемых процессах и производимой продукции для повышения эффективности принятия и реализации управленческих решений в сельскохозяйственном производстве [8]. В свою очередь, технологии искусственного интеллекта применяются при анализе больших данных, используются в робототехнике, служат основой различных алгоритмов предсказания [9], играют важную роль в управлении жизненным циклом информации, включая обработку данных и управление знаниями.

Исследования [9; 10], проведенные на основе анкетирования представителей сельхозпроизводителей, показывают, что основными сдерживающими факторами внедрения цифровых технологий в сельском хозяйстве являются недостаточность господдержки, высокие затраты на покупку технологий и оборудования, нехватка IT-специалистов [11], денежных средств, нестабильность Интернета [12], низкий уровень качества программно-аппаратных средств [13].

Модернизация ИТ-инфраструктуры требует значительных вложений средств, которые невозможны без поддержки со стороны государства [14], для повышения эффективности роботизации необходима система государственной поддержки [8], субсидии на закупку цифровых технологий и гранты [10]. Государственная поддержка – необходимый источник приобретения цифрового оборудования [15] в виде предоставления грантов и выделения субсидий предприятиям агробизнеса [16].

Созданы определенные законодательно закрепленные стимулы для внедрения цифровых технологий компаниями. К таковым относятся «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], в рамках которых разработки для сельского хозяйства представлены ведомственным проектом «Цифровое сельское хозяйство» [16]. На первом этапе планируется автоматизация сбора информации о землях сельскохозяйственного назначения и других ресурсах, на втором – разработка модуля «Агрорешения» для внедрения комплексных цифровых программ [4] с целью повышения эффективности развития отрасли.

В соответствии с Постановлениями Правительства РФ № 550 и № 1185 возможна грантовая поддержка [16]. Частично компенсируются затраты на инновации через гранты Фонда «Сколково»: на пилотное внедрение цифровых решений (компенсация до 80% затрат) и внедрение цифровых решений с искусственным интеллектом (ИИ) (компенсация до 50%) [17].

Дифференциация субъектов агробизнеса по финансово-экономическим и рыночным критериям в регионах России существенно отличается, поэтому процесс цифровизации является крайне неравномерным [6]: активно осваивают передовые технологии сверхкрупные агрохолдинги, а средние и малые хозяйства теряют конкурентоспособность [18]. Активное внедрение цифровых технологий осуществляется компаниями с достаточным уровнем ресурсов [2; 4], что позволяет им эффективно применять в производстве интеллектуальные технологии [6]. Отчет АНО «Цифровая экономика» подтверждает, что главными заказчиками проектов с искусственным интеллектом являются агрохолдинги [17]. Фактически только агрохолдинги перешли на цифровые технологии и являются лидерами внедрения инноваций [2].

Таким образом, важность внедрения цифровых технологий в реальный сектор экономики не вызывает сомнения. Цифровизация производственной деятельности позволяет более эффективно использовать

ресурсы сельхозорганизации. Отметим, что в научном сообществе сформировалось мнение (большинства), что государство должно поддерживать данное направление инноваций и создавать равные возможности как крупному, так и малому бизнесу для реализации прорывных технологических решений в области цифровизации.

Цель исследования – дать оценку влияния внедрения цифровых технологий на развитие молочного скотоводства сельхозорганизации.

Задачи исследования:

- проанализировать цифровые технологические решения, внедренные в молочном скотоводстве сельхозпредприятия;
- дать оценку эффективности внедрения цифровых технологий.

Материалы и методы исследования

Информационной базой для исследования практических аспектов деятельности хозяйства послужила внутренняя документация предприятия. Изучение научной литературы позволило определить основные тенденции, влияющие на развитие и внедрение цифровых технологий в сельском хозяйстве. При проведении исследования использовались следующие методы: статистико-экономические, монографические и абстрактно-логические. Применение указанных методов позволило выявить положительные и отрицательные факторы при реализации проекта «цифрового двойника» в хозяйстве. Временной охват исследования предполагает оценку внедрения цифровых решений до и после их реализации. В результате проведенного исследования дана оценка реализации проекта «цифрового двойника» в молочном скотоводстве предприятия.

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях ограниченности трудовых ресурсов, низкой производительности труда, роста себестоимости единицы продукции на первый план в экономике страны выходит цифровизация процессов производства, позволяющая нивелировать перечисленные проблемы и обеспечить повышение конкурентоспособности и устойчивый рост отечественного народного хозяйства.

В Свердловской области одним из важных направлений регионального развития является внедрение цифровых технологий, в том числе в аграрном секторе. Первые технологические решения в сельском хозяйстве Свердловской области осуществлялись путём внедрения цифровых технологий в молочном скотоводстве на основе внедрения робототехники, с учетом региональных

особенностей аграрного производства [8]. Введено в эксплуатацию 52 единицы роботов [19], значительная часть которых сосредоточена в малых предприятиях.

Переход организаций сельского хозяйства к цифровым, интеллектуальным технологиям и робототехнике имеет определенную целевую направленность [8]. Проведенные исследования [9] показывают интерес руководителей сельхозпредприятий региона к применению технологий искусственного интеллекта, большинство опрошенных респондентов (65,5%) указывают на возможность роста рентабельности производства за счет рационального использования различных видов ресурсов.

Использование цифровых решений в агробизнесе способствует росту экономической эффективности сельского хозяйства [16]. Их применение позволяет: повысить точность применения технологий [1], снизить занятость на видах работ с высокой монотонностью и там, где процессы можно легко описать алгоритмами [20], минимизировать профессиональную заболеваемость и травматизм на производстве [8], мобильные прикладные программы позволяют значительно повысить эффективность использования ресурсов [21].

Цифровые системы управления процессами микроклимата, доения, кормления, зооветеринарного обслуживания животных, согласно расчетам ФНАЦ ВИМ, могут сократить издержки производства на 35–40% и увеличить продуктивность животных на 15–20% [12]. Мониторинг за состоянием и распознаванием аномального поведения животных позволит повысить точность принятия решений по содержанию особей в целом до 95% [7]. Осуществление мониторинга действий рабочих на ферме повысит мотивацию и производительность труда до 10%.

Важным направлением практического исследования является создание «цифровых двойников» с учетом специфических характеристик отрасли [6]. В научной статье [22] разработана модель цифрового управления животноводством, которая представляет собой совокупность определенных цифровых систем. В свою очередь, применение технологий искусственного интеллекта позволяет дать оценку продуктивности и моделей поведения животных [9], оценить морфологические параметры тела, физиологическое и патологическое состояние организма животных, а также информирует специалистов о статусе здоровья конкретного животного и стада в целом [11]. Данная концепция позволяет оперативно получать информацию о внутренних производственных процессах и на основе поступающих данных принимать рациональные управленческие реше-

ния, тем самым обеспечивая эффективное использование ресурсов организации.

В идеале требуется автоматизация всех производственных процессов в молочном животноводстве. При этом цифровизация производства в животноводстве приводит к повышению требований к уровню квалификации кадров, а также привлечению молодых специалистов в отрасль [20]. Возникает необходимость совершенствования системы повышения квалификации персонала [23].

Полная автоматизация всех процессов в сельском хозяйстве требует значительных финансовых вложений и на данном этапе неподъемна большинству животноводческих ферм (роботизированные фермы с поголовьем до 100 коров стоят – 90 млн руб.) [18]. Однако внедрение отдельных систем управления на основе цифровых технологий на имеющихся средствах производства может обеспечить поступательное и устойчивое развитие субъектам хозяйственной деятельности, в том числе малым предприятиям, занятым в сельском хозяйстве.

Для проведения анализа выбрана сельскохозяйственная организация ООО «Бородулинское», соответствующее критериям малого предприятия. Хозяйство образовано в 2001 году на базе комплекса СДГУП «Кипучий Ключ», расположено в южной части Свердловской области в 25 км от г. Екатеринбург, специализация – молочное скотоводство. Поголовье крупного рогатого скота составляет 1454 головы. Для нужд крупного рогатого скота возделываются зерновые и кормовые культуры на площади пашни – 2200 га.

Основным производственным подразделением является молочно-товарная ферма проектной мощностью – 570 коров. Фактически среднегодовое поголовье коров составляет 600 голов. На базе данного подразделения, начиная с октября 2021 года до февраля 2023 года, реализован проект «цифрового двойника». Долгосрочное сотрудничество с АО «Россельхозбанк» позволило привлечь заемные средства (банковский кредит) на внедрение современных цифровых решений в молочное скотоводство предприятия. Для реализации проекта использовался опыт и готовые решения компании ООО «АЛАН-ИТ».

В таблице 1 представлены основные технологические решения в области цифровизации в молочном скотоводстве хозяйства, реализованные на данный момент.

За 2021–2023 годы были внедрены следующие системы управления: стадом, бизнесом, кормлением, климатом в коровниках. Инвестиции при внедрении цифровых технологий на молочно-товарной ферме составили 10,7 млн руб. Возврат инвестиций осуществляется за счет прибыли от реализации молока (с учетом субсидирования отрасли).

Таблица 1

Внедрение цифровых технологий в животноводство сельхозорганизации

Цифровые решения	Функции систем	Техника, оборудование, ПО	Полученный результат
Система управления стадом DairyComp	Программа автоматизирует учёт и контроль всех процессов на ферме, помогает повысить эффективность производства молока и рентабельность хозяйства	Программное обеспечение. Мини-планшеты. Считыватели	Улучшение показателей по молочно-товарному комплексу
Система управления бизнесом Dairy Production Analytics, Business Scanner	Анализ данных, составление отчетов, прогнозирование процессов	Сервис для сбора данных из внедренных систем хозяйства	Более эффективное принятие управленческих решений
Система управления кормлением TMR Tracer	Анализ данных по кормлению животных (расход кормов, качество, рационы и др.)	Программное обеспечение. Программируемый весовой монитор. Монитор в кабине кормораздатчика	Снижение расхода кормов. Рост продуктивности коров
Система управления климатом в коровниках	Анализ данных температуры, влажности, концентрации аммиака	Датчики. Вентиляторы	Рост продуктивности коров. Снижение заболеваемости
Wi-fi ошейники руминации и активности коров Heatime (управление здоровьем животного)	Анализ данных состояния коров. Составление отчетов двигательной активности и руминации	Программное обеспечение. Оборудование (терминал, идентификационная антенна, блок питания и сетевой кабель, транспондеры)	Рост продуктивности коров. Снижение заболеваемости. Улучшение репродуктивных показателей. Достижение оптимального периода лактации

Примечание: составлено авторами по данным предприятия.

На реализацию данного проекта заемные средства привлечены под 13,5% годовых, с фиксированной ставкой до 2027 года (на 6 лет), с льготными условиями по выплате кредита (от дополнительно полученной прибыли). Партнерские отношения между банком, ИТ-компанией позволили реализовать данный проект в течение четырех месяцев и отладить все системы под нужды хозяйства.

Цифровые решения предполагают внедрение технологий, обеспечивающих получение объективной и достоверной информации о состоянии поголовья коров в реальном режиме времени, что позволило специалистам оперативно реагировать на возникающие внештатные ситуации. Применение цифровых технологий в молочном скотоводстве в производственных процессах направлено на улучшение кормления, микроклимата, доения, снижение заболеваемости и травматизма животных, достижение оптимального периода лактации и других показателей, что отражается на росте продуктивности животных

и качестве производимого молока. Данные бизнес-плана реализации проекта «цифрового двойника» предполагают, что за период с 2022 по 2027 год хозяйство достигнет высоких показателей продуктивности и прибыльности в отрасли животноводства (табл. 2).

Согласно плановым показателям, за период с 2022 по 2027 год хозяйство выйдет на среднегодовой удой с одной коровы 11 200 кг. Дополнительно полученная прибыль увеличится к 2027 году почти до 24,5 млн руб. Относительно небольшие выплаты по реализуемому проекту позволят хозяйству своевременно погашать свои обязательства и до 2027 года полностью их выполнить.

Фактически полученные данные, после внедрения всех систем управления, превзошли ожидания. Положительная динамика роста продуктивности коров и благоприятная рыночная конъюнктура (высокие цены на цельное молоко) обеспечили окупаемость проекта менее чем за год (табл. 3).

Таблица 2

Планируемые показатели реализации проекта «цифрового двойника»

Показатель	Факт 2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027
Сумма инвестиции, тыс. руб.	-	10701	-	-	-	-	
Задолженность по кредиту на конец года, тыс. руб.	-	12247	13224	13382	12444	10128	6100
Поголовье коров, гол.	600	600	600	600	600	600	600
Среднегодовой удой, кг	6461	7200	8000	8800	9600	10400	11200
Уровень товарности молока, %	93	95	95	96	96	96	96
Субсидии на 1 литр молока, руб.	3,3	3,4	3,5	3,6	3,7	3,8	3,9
Прибыль от реализации 1 литра молока, руб.	2,23	3,0	3,3	3,7	4,1	4,5	4,9
Дополнительно полученная прибыль, млн руб.	-	2771	6127	10037	14382	19191	24465
в том числе за счет субсидий	-	1508	3232	5052	6969	8981	11089
Возврат инвестиций не больше 25% от дополнительно полученной прибыли, млн руб.	-	693	1532	2509	3595	4798	6100

Примечание: составлено авторами по данным предприятия.

Таблица 3

Ключевые производственно-экономические показатели внедрения цифровых технологий в молочном скотоводстве

Показатель	2021	2022	2023	2024
Среднегодовое поголовье коров, гол.	600	607	611	612
Среднегодовой удой на одну корову, кг	6461	8432	10512	10622
Объем производства молока, ц	38766	51182	64228	65007
Расход кормов на 1 ц молока, ц/к.ед.	1,06	1,03	0,91	0,93
Затраты труда на 1 ц молока, чел./часов	0,99	0,92	0,83	0,83
Себестоимость 1 ц кормовой единицы, руб.	1307	1254	1216	1204
Производственная себестоимость 1 кг молока, руб.	25,03	25,94	26,68	32,21
Прибыль от реализации 1 литра молока, руб.	2,23	6,64	2,25	2,18
Субсидии на 1 литр молока, руб.	3,32	3,41	4,02	3,83
Дополнительно получено молока, ц	-	12416	25462	26241
Прибыль от реализации дополнительно полученного молока (с учетом субсидий), млн руб.	-	12000	15661	15473
в том числе субсидии	-	4234	10236	10050

Примечание: составлено авторами по данным предприятия.

Реализация современных цифровых технологических решений в хозяйстве позволила увеличить средние надои коров в сутки с 17,7 до 29,1 кг, что обеспечило рост среднегодового удоя с одной коровы с 6461 до 10 622 кг. Положительная динамика продуктивности коров (связана с внедрением цифровых решений в производство) способствовала снижению трудоемкости и расхода кормов на единицу продукции животноводства.

В 2024 году по сравнению с 2021 годом дополнительный объем производства молока отразился на улучшении результатов деятельности хозяйства. Прибыль от реали-

зации дополнительно полученного молока, с учетом уровня товарности (95%) и субсидий, составила почти 15,5 млн руб. Сравнительный анализ плановых и фактических показателей показывает значительное опережение заявленных целей.

Повышение эффективности производства молочного скотоводства, за счет внедрения современных технологий, как правило, способствует повышению рентабельности отрасли. С этой целью целесообразно дать оценку финансовых результатов деятельности молочного скотоводства предприятия (табл. 4).

Таблица 4

Эффективность реализации молока в хозяйстве

Показатель	2021	2022	2023	2024
Объем реализации, ц	36130	48214	60824	61626
Уровень товарности, %	93,2	94,2	94,7	94,8
Выручка, тыс. руб.	99863	165469	189285	196218
Полная себестоимость, тыс. руб.	91806	133455	175600	182784
Прибыль, тыс. руб.	8057	32014	13685	13435
Рентабельность производства, %	8,8	24,0	7,8	7,3
Сумма субсидий, тыс. руб.	12870	17453	25820	24898
Рентабельность производства (с учетом субсидий), %	22,8	37,1	22,5	21,0

Примечание: составлено авторами по данным предприятия.

Таблица 5

Основные показатели сельскохозяйственной организации, тыс. руб.

Показатели	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение 2024 к 2020 г., %
Выручка	186375	157073	216320	228354	210081	112,7
Валовая прибыль (убыток)	32134	7360	34509	24641	-4270	-
Прибыль (убыток) от продаж	264	-22362	13414	-1394	-32091	-
Чистая прибыль	26488	9416	37053	77822	23942	90,4
Основные средства	142398	152006	162434	168663	176936	124,3
Оборотные активы	127643	128482	185048	214042	195516	153,2
Запасы	89933	100009	117091	135496	108725	120,9
Дебиторская задолженность	23774	25099	63475	60317	54214	228,0
Собственный капитал	245558	258141	255085	274957	260099	105,9
Долгосрочные обязательства	6120	10194	34700	54005	48994	800,6
Краткосрочные обязательства	20108	14969	61660	60993	68167	339,0
Рентабельность продаж (по чистой прибыли), %	14,21	5,99	17,13	34,08	11,40	-2,82 п.п.

Примечание: составлено авторами по данным предприятия.

Эффективность реализации молока за 2021-2024 годы показывает значительный рост прибыли от продажи молока (с учетом субсидий), с 20,9 до 38,3 млн руб., что напрямую связано с увеличением объемов реализуемой продукции в 1,7 раза. Рентабельность отрасли сохраняется на достаточно высоком уровне – 21%.

Таким образом, можно констатировать, что молочное скотоводство в хозяйстве остается высокорентабельным (с учетом субсидий). Мероприятия по цифровизации производства в хозяйстве способствовали достижению устойчивых производственно-экономических результатов деятельности в молочном скотоводстве.

Важным направлением анализа является оценка финансово-экономических пока-

зателей сельхозпредприятия, на базе которого реализуется проект. Основные показатели развития исследуемой организации за 2020-2024 годы (до и после реализации проекта) представлены в таблице 5.

Представленные данные таблицы 5 свидетельствуют об ухудшении основных показателей исследуемого предприятия. В 2024 году по сравнению с 2020 годом выручка организации увеличилась на 12,7%, с 186,4 до 210,1 млн руб. При этом отмечается снижение всех видов прибыли (кроме чистой прибыли) и получение убытков в 2024 году. Снижение результатов деятельности организации негативно сказалось на относительных показателях, в частности рентабельность продаж снизилась с 14,21 до 11,4 процента.

Таблица 6

Анализ финансовой устойчивости и ликвидности сельхозорганизации

Показатели	Норматив	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение 2024 к 2020 г., %
Коэффициент финансовой независимости	$\geq 0,5$	0,903	0,911	0,726	0,705	0,689	76,3
Коэффициент финансовой зависимости	$\leq 2,0$	1,107	1,097	1,378	1,418	1,450	131,0
Коэффициент концентрации заемного капитала	$\leq 0,5$	0,097	0,089	0,274	0,295	0,311	321,8
Коэффициент задолженности	$\leq 1,0$	0,107	0,097	0,378	0,418	0,450	421,7
Коэффициент финансовой устойчивости	$\geq 0,8$	0,926	0,947	0,825	0,844	0,819	88,5
Коэффициент абсолютной ликвидности	$\geq 0,2$	0,259	0,177	0,058	0,283	0,119	46,0
Коэффициент быстрой ликвидности	$\geq 1,0$	1,830	1,854	1,098	1,283	1,257	68,7
Коэффициент текущей ликвидности	$\geq 2,0$	6,348	8,583	3,001	3,509	2,868	45,2

Примечание: составлено авторами по данным предприятия.

В 2024 году по сравнению с 2020 годом наблюдается существенный рост долгосрочных и краткосрочных обязательств, соответственно в 8,0 и 3,4 раза. Общая сумма обязательств хозяйства увеличилась с 26,2 до 117,2 млн руб. На этом фоне низкие темпы роста собственного капитала (на 5,9%) и оборотных активов (на 53,2%) могут негативно отразиться на финансовой устойчивости сельхозорганизации.

Проектное финансирование является одним из факторов внедрения инновационных технологий в сельском хозяйстве региона. Данные по количеству используемой робототехники в молочном скотоводстве Свердловской области показывают, что на конец 2023 г. в регионе использовалось 46 роботов [19]. При этом из-за невыполнения требований условий контракта со стороны субъекта хозяйствования были закрыты 3 проекта с последующим демонтажем данного оборудования. Исходя из этого, важно понимать, что внедрение современных технологий, в том числе в области цифровизации, требует привлечения существенных ресурсов для финансирования и особого внимания к финансовым показателям организации.

В этой связи целесообразно дать оценку финансовой устойчивости и ликвидности исследуемого хозяйства (табл. 6). Для расчета обозначенных показателей используем бухгалтерский баланс предприятия и общепринятую методику финансового анализа [24; 25].

Анализ показателей финансовой устойчивости и ликвидности хозяйства свидетельствует о снижении данных показате-

лей, в пределах нормативных значений. В 2024 году по сравнению с 2020 годом отмечается существенный рост коэффициентов задолженности и концентрации заёмного капитала, соответственно в 4,2 и 3,2 раза, что связано с увеличением кредиторской задолженности. Анализ показателей ликвидности показывает значительное снижение коэффициентов абсолютной и текущей ликвидности почти в 2 раза. Из представленных показателей ликвидности только коэффициент абсолютной ликвидности ниже нормативного значения ($\geq 0,2$).

Таким образом, анализ показателей финансовой устойчивости и ликвидности свидетельствует о стабильном финансовом состоянии организации в период реализации цифровых технологических решений в молочном скотоводстве. Сохранение финансового потенциала позволит хозяйству продолжить работу по внедрению цифровых технологий в производство: создание автоматизированной системы освещения, применение болюсов – капсул с датчиками, 3D-камер для видеофиксация процессов производства, реконструкции молочно-товарного комплекса.

Заключение

Проведенный анализ развития сельскохозяйственной организации, после реализации проекта «цифрового двойника» в производство, показал, что реализация подобных решений в небольших хозяйствах способствует значительному улучшению производственных показателей и прибыли от реализации продукции. При этом

в период внедрения цифровых технологий в производство хозяйство сохранило свой финансовый потенциал, что подтверждается показателями финансовой устойчивости и ликвидности.

Данный пример реализации проекта «цифрового двойника» показывает, что отдаленно взятые цифровые решения требуют меньше финансирования, чем полная автоматизация всех процессов с «нуля». На базе имеющихся технологий постепенно вводятся элементы цифровизации в производство, которые обеспечивают эффективность в текущий момент за счет получения точной информации о состоянии дел и принятия рациональных управленческих решений. Опыт реализации подобных проектов в сельском хозяйстве позволит небольшим хозяйствам повысить эффективность производства и стабильно развиваться в сложных экономических условиях.

Список литературы

1. Головина Л.А., Кислицкий М.М. Цифровой вектор во взаимодействии субъектов аграрного производства // Аграрный вестник Урала. 2020. № 09 (200). С. 74–82. DOI: 10.32417/1997-4868-2020-200-9-74-82.
2. Оборин М.С. Цифровые инновационные технологии в сельском хозяйстве // Аграрный вестник Урала. 2022. № 05 (220). С. 82–92. DOI: 10.32417/1997-4868-2022-220-05-82-92.
3. Красильникова Л.Е. Цифровые технологии как фактор инновационного развития информационного обеспечения управления сельскохозяйственным предприятием по производству молочной продукции // Аграрный вестник Урала. 2020. Специальный выпуск «Экономика». С. 38–45. DOI: 10.32417/1997-4868-2021-13-38-45.
4. Смирнова В.В. Цифровые технологии в свиноводстве России // Аграрный вестник Урала. 2022. № 08 (223). С. 91–100. DOI: 10.32417/1997-4868-2022-223-08-91-100.
5. Пискалните А.С., Приворотская С.Г., Серова Т.А. Топ-10 цифровых технологий в России и мире. Институт статистических исследований и экономики знаний. [Электронный ресурс] URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1000590046.pdf> (дата обращения: 11.07.2025).
6. Оборин М.С., Городилов М.А. Возможности адаптации цифровых технологий для развития сельскохозяйственного производства // Аграрный вестник Урала. 2022. Спецвыпуск «Экономика». С. 50–59. DOI: 10.32417/1997-4868-2022-228-13-50-59.
7. Воротников И.Л., Петров А.Ю., Шмелёв А.П. Организационно-экономические основы формирования и развития цифрового технологического уклада аграрной экономики России // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2024. Т. 17. № 2(81). С. 159–167. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2024_2_159.
8. Сковорцов Е.А., Сковорцова Е.Г., Санду И.С., Иовлев Г.А. Переход сельского хозяйства к цифровым, интеллектуальным и роботизированным технологиям // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 1014–1028. DOI: 10.17059/2018-3-23.
9. Сковорцов Е.А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в сельском хозяйстве региона // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 563–576. DOI: 10.17059/2020-2-17.
10. Субаева А.К., Калимуллин М.Н., Низамутдинов М.М., Залалудинов М.М., Асадуллин Н.М. Анализ и тенденции развития сельского хозяйства в условиях цифровизации // Вестник Казанского ГАУ. 2022. № 1 (65). С. 135–141. DOI: 10.12737/2073-0462-2022-135-141.
11. Терентьев С.С., Пашкин А.В., Бузова Е.И. Применение средств цифровой трансформации в молочном скотоводстве и их роль в повышении популяционного здоровья и продуктивности животных // Вестник НГАУ. 2024. № 3(72). С. 277–287. DOI: 10.31677/2072-6724-2024-72-3-277-287.
12. Рахимова Е. А. Мясное скотоводство в хозяйствах малых форм в условиях цифровизации // Аграрный вестник Урала. 2023. № 04 (233). С. 90–102. DOI: 10.32417/1997-4868-2023-233-04-90-102.
13. Киселев С.В., Сеитов С.К., Самсонов В.А., Филимонов И.В. Цифровизация и развитие теневой экономики в сельском хозяйстве России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. Том 68. № 1 (403). С. 61–66. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_1_61.
14. Сафиуллин Н.А., Валиев А.Р. Основные направления повышения уровня цифровой зрелости предприятий агропромышленного комплекса // Вестник Казанского ГАУ. 2025. № 1 (77). С. 134–142. DOI: 10.12737/2073-0462-2025-1-134-142.
15. Субаева А.К., Мухаметгалиев Ф.Н., Мухаметшин И.С., Авхадиев Ф.Н., Гайнутдинов И.Г. Теоретические основы технической модернизации сельского хозяйства в условиях цифровой трансформации // Вестник Казанского ГАУ. 2022. № 2 (66). С. 168–173. DOI: 10.12737/2073-0462-2022-168-173.
16. Субаева А.К., Александрова Н.Р. Государственная поддержка цифровизации сельского хозяйства // Вестник Казанского ГАУ. 2021. № 4 (64). С. 130–135. DOI: 10.12737/2073-0462-2022-130-135.
17. Смирнова В.В. Развитие цифровых технологий сельского хозяйства в условиях деглобализации // Международный сельскохозяйственный журнал. 2024. Т. 67. № 2 (398). С. 163–166. DOI: 10.55186/25876740_2024_67_2_163.
18. Смирнова В.В. Теоретические понятия «организационно-экономический механизм» и «цифровизация» в управлении АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. Т. 68. № 1 (403). С. 51–54. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_1_51.
19. Закирова Э.Р., Трушина И.А., Назарова А.Д., Чеснокова В.Д. Направление и рекомендации использования проектного финансирования в системе устойчивого развития агропромышленных предприятий в условиях цифровизации экономики // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. Т. 68. № 1 (403). С. 71–74. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_1_71. EDN: NYQJSR.
20. Семин А.Н., Сковорцов Е.А., Сковорцова Е.Г. Влияние роботизации сельского хозяйства на гендерный, возрастной состав работников и уровень их образования // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 10. С. 47–53. DOI: 10.32651/2010-47.
21. Зимин А.Е., Седова Н.В. Цифровизация и устойчивое развитие: революция в сельском хозяйстве для более «зелёного» будущего // Международный сельскохозяйственный журнал. 2024. Т. 67. № 3 (399). С. 341–344. DOI: 10.55186/25876740_2024_67_3_341. EDN: IZYRWT.
22. Клычова Г.С., Закирова А.Р., Юсупова А.Р., Клычова А.С., Галлямов Э.А. Применение цифровых технологий для снижения углеродного следа в животноводстве // Вестник Казанского ГАУ. 2022. № 1 (65). С. 122–128. DOI: 10.12737/2073-0462-2022-122-128.
23. Субаева А.К., Авхадиев Ф.Н. Подготовка кадров для сельского хозяйства в условиях цифровой экономики // Вестник Казанского ГАУ. 2021. № 2 (62). С. 133–137. DOI: 10.12737/2073-0462-2021-133-137.
24. Крылов С.И. Финансовый анализ: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 160 с. ISBN: 978-5-7996-1614-4.
25. Пионткевич Н.С., Шатковская Е.Г., Долгих Ю.А., Котова О.В., Князев П.П., Девятова Т.Ю. Финансовый анализ: учебное пособие / под общ. ред. Н.С. Пионткевич. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 190 с. ISBN: 978-5-7996-3412-4.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 336:330.12
DOI

ПОСТРОЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ СКОРИНГОВОЙ БАНКОВСКОЙ МОДЕЛИ НА ОСНОВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АЛГОРИТМА И НЕЧЕТКОЙ ОЦЕНКИ КАУЗАЛЬНОСТИ ФАКТОРОВ

Назаров Д.М.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный экономический университет»,
Россия, Екатеринбург, e-mail: slup20005@mail.ru*

Цель статьи – показать методологические ограничения традиционного кредитного скоринга и представить воспроизводимый способ их преодоления посредством комплексной модели с нечеткой оценкой причинного влияния факторов. Под скоринговой моделью понимается формализованный инструмент количественной оценки кредитного риска, присваивающий заемщику вероятность невыполнения обязательств в фиксированном горизонте. Обосновывается, что при расширении источников данных (кредитные истории, анкета заемщика, внешние поведенческие и цифровые следы) простое наращивание числа предикторов повышает чувствительность к спуровым корреляциям, ухудшает переносимость и калибровку вероятностей на временных сдвигах. В работе интегрируется интеллектуальный алгоритм на базе ансамблевых деревьев с монотонными ограничениями и нечеткая каузальная надстройка, которая присваивает каждому фактору градуированную степень причинного влияния, используемую на этапах отбора признаков и калибровки вероятностей. Эмпирическая база – фактические данные розничного кредитования регионального банка: сравнение набора моделей (базовая традиционная модель, модификации с данными платежной системы, социальных сетей, порталов вакансий и операторов связи), процедура извлечения нечетких представлений факторов и агрегирование по правилу импликации Гогена в комплексную модель. Показано, что предложенный подход улучшает разделяющую способность и калибровку, обеспечивает интерпретируемый вклад факторов и в пилотной эксплуатации снижает проблемность портфеля. В разделе результатов воспроизведены таблицы с десятью наиболее значимыми предикторами традиционной модели и значимостями в комплексной модели с нечеткой каузальностью, а также приведены формулы вычисления нормированного нечеткого представления предикторов, индекса нечеткости и итогового агрегирования. Практическая значимость – повышение точности отбора заявок и риск-прайсинга при прозрачном обосновании решений кредитного комитета; управленческая – совместимость с регуляторными ожиданиями по документации моделей, стабильности и калибровке.

Ключевые слова: кредитный скоринг, банковские риски, нечеткие множества, каузальность факторов, калибровка вероятностей, интерпретируемость, валидация

CONSTRUCTION OF A COMPREHENSIVE SCORING BANKING MODEL BASED ON AN INTELLIGENT ALGORITHM AND FUZZY ASSESSMENT OF THE CAUSALITY OF FACTORS

Nazarov D.M.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Ural State University of Economics, Russia, Ekaterinburg, e-mail: slup20005@mail.ru*

The purpose of this article is to highlight the methodological limitations of traditional credit scoring and present a reproducible approach to overcoming them using a comprehensive model with fuzzy causal influence. A scoring model is defined as a formalized tool for quantitatively assessing credit risk, assigning a borrower a probability of default over a fixed horizon. It is argued that with the expansion of data sources (credit histories, borrower questionnaires, external behavioral and digital traces), simply increasing the number of predictors increases sensitivity to spur correlations and impairs transferability and probability calibration over time shifts. This paper integrates an intelligent algorithm based on ensemble trees with monotonic constraints and a fuzzy causal superstructure that assigns a graded degree of causal influence to each factor, which is used in the feature selection and probability calibration stages. The empirical base consists of actual data on retail lending from a regional bank: a comparison of a set of models (a basic traditional model, modifications with data from a payment system, social networks, job portals, and telecom operators), a procedure for extracting fuzzy representations of factors, and aggregation according to Goguen's implication rule into a complex model. It is shown that the proposed approach improves separating power and calibration, provides an interpretable contribution of factors, and reduces portfolio problematics in pilot operation. The results section reproduces tables with the ten most significant predictors of the traditional model and their significance in a complex model with fuzzy causality, as well as formulas for calculating the normalized fuzzy representation of predictors, the fuzziness index, and the final aggregation. The practical significance is an increase in the accuracy of application selection and risk pricing with transparent justification of credit committee decisions; the managerial significance is compatibility with regulatory expectations regarding model documentation, stability, and calibration.

Keywords: credit scoring, banking risk, fuzzy sets, factor causality, probability calibration, interpretability, validation

Введение

Цифровизация банковских процессов и ужесточение пруденциальных требований усилили роль количественных моделей кредитного риска, однако линейное наращивание «скоринг-поиска» вширь и вглубь необязательно конвертируется в стабильно калиброванные вероятности дефолта. Традиционный скоринг хорошо решает задачу ранжирования в стационарной среде, но сталкивается с тремя устойчивыми ограничениями в меняющейся цифровой экосистеме: зависимость от узких источников данных, повышенная чувствительность к спуровым связям при интеграции новых признаков и ухудшение согласования предсказанных вероятностей с наблюдаемыми частотами на временных сдвигах. Эти ограничения усиливаются тем, что бизнес-процесс кредитования заведомо содержит как формализуемые, так и субъективные элементы, и полностью устранить роль экспертной оценки невозможно – следовательно, модель должна быть не только точной, но и интерпретируемой и воспроизводимой в принятии решений. Практика региональных банков подтверждает, что источники данных гетерогенны: кредитные истории, анкеты заемщиков и внешние цифровые следы (операторы связи, агрегаторы платежей, социальные сети, порталы вакансий). Они различаются по полноте покрытия, структурированности и издержкам доступа; часть источников дает информативный сигнал, часть – шум, причем вклад варьирует по регионам и сегментам клиентов. Поэтому задача сегодня – не просто «расширить матрицу признаков», а научно обосновать, какие источники и в какой форме улучшают качество модели, не разрушая калибровку и интерпретируемость.

Система сопоставительных экспериментов на реальных портфелях демонстрирует неоднородный вклад дополнительных источников: модель на данных социальных сетей близка к случайной; добавление платежной системы дает результат, сопоставимый с базовой моделью; интеграция данных порталов вакансий улучшает ранжирование, но сдерживается низкой долей покрытия; наилучший прогноз достигается при использовании данных операторов связи. Это – прямое эмпирическое свидетельство несовершенства подхода «больше данных – лучше модель»: одинаковый по объему, но разный по природе источник радикально влияет на качество и переносимость.

Рассматривая научную литературу по теме исследования, можно отметить множество проблем существующих моделей, которые подчеркивают ученые. Так,

Абдуллаев Н.А. подчеркивает институциональную обусловленность скоринга: перенос готовых методик между рынками требует адаптации к локальным данным и правовой среде [1]. На этом фоне Помазанов М.В. развивает оценку качества за пределами привычной разделяющей способности, включая метрики точности второго порядка и процедуры калибровки, что приближает моделирование к потребностям риск-прайсинга [2]. Коломиец А.И. систематизирует классические конструкции оценки кредитоспособности и показывает компромисс между простотой и объяснимостью, ключевой для внутренней отчетности и взаимодействия с регулятором [3]. Дорохина Е.Ю. демонстрирует переносимость скорингового принципа в проектное финансирование, где вероятностная логика позволяет стандартизировать решение при высокой разнородности объектов [4]. Тимошенко Н.В., Хаджиев М.Р. и Еремина Н.В. акцентируют роль скоринга на входном фильтре андеррайтинга и взаимосвязь качества модели и регламентов процессов [5]. Кузнецова Е.Ю. расширяет область применения скоринговых подходов к оценке организационных компетенций, что подтверждает универсальность идей агрегирования признаков в интегральные индексы [6]. Тимонин А.С. и Черненький С.В. предлагают практический протокол построения информационной модели кредитной службы и подчеркивают воспроизводимость и документирование – требования, критичные для эксплуатации и аудита [7]. Помазанов М.В., вводя Ф- и Ψ-преобразования, показывает, как корректная трансформация немоновых переменных повышает дискриминацию, сохраняя экономическую интерпретацию факторов [8]. Расторгуев Л.М. и Микишанина Е.А. фиксируют этапы разработки и валидации моделей кредитоспособности, подчеркивая значимость отбора признаков и тестов стабильности [9]. Родионов А.В. иллюстрирует применение скоринга для управленческого контроля качества обучения: здесь скоринговая логика служит механизмом стандартизации решений в нефинансовом домене [10]. Немкина П.О. и Касаева Т.В. демонстрируют, как интегральные скоринговые оценки могут агрегировать доходы и расходы организации для сопоставимых выводов [11]. Кульшин Р.С., Тикшаев И.Д., Сидоров А.А. и Сенченко П.В. переносят скоринг в персональные рекомендации, подчеркивая конвергенцию риск-аналитики и цифровых сервисов [12].

Астахова А., Гришунин С. и Поморцев Г. строят рейтинговую модель в логике международных агентств, где ключевые –

транспарентность и аудируемость, то есть не только предсказательная сила, но и объяснимость [13]. Акжигитова А.Н. показывает адаптацию скоринга для платежеспособности предприятий оборонно-промышленного комплекса, что подтверждает применимость методологии в корпоративном сегменте [14]. Касаева Т.В., Коваленко Ж.А., Немкина П.О. и Чеботарева О.Г. предлагают интегральную оценку качества финансовых потоков на основе скоринга, связывая микропоказатели и сводные индексы [15]. Кармазин А.Р. сравнивает эффективность моделей в факторинге и делает вывод, что выбор алгоритма контекстно зависит от структуры данных и бизнес-ограничений, что сочетается с тезисом о необходимости причинной интерпретации факторов, а не простого наращивания признаков [16]. Совокупно работы формируют рамку для предлагаемой интеграции нечеткой каузальности в скоринг: требуется не только высокая дискриминация, но и корректная калибровка и управленческая объяснимость, обеспечиваемые через количественную оценку причинного вклада факторов и документирование процедур моделирования.

Цель научной работы – разработать комплексную скоринговую модель, сочетающую интеллектуальный алгоритм с монотонными ограничениями и нечеткую оценку каузальности факторов.

Материалы и методы исследования

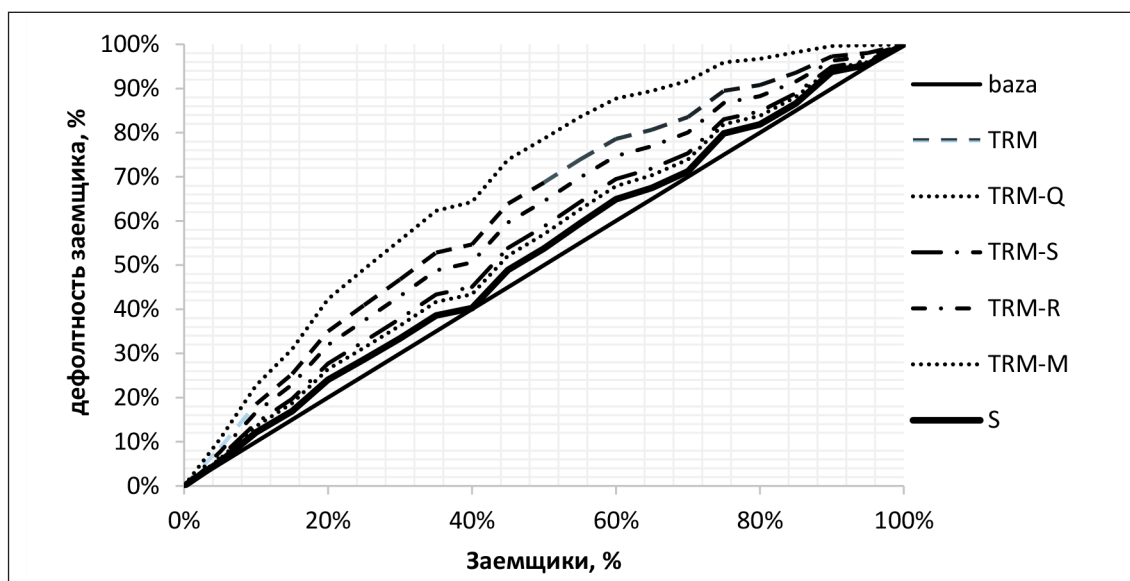
Данные: розничные договоры потребительского кредитования, 11 513 наблюдений, период открытия договоров с января

по июль 2024 года; горизонты наблюдения – двенадцать месяцев; дополнительно – отложенные периоды для вневыборочной проверки. Признаки: анкетные поля, характеристики кредитной истории, агрегированные поведенческие индикаторы, метаданные из внешних источников (платежная система, социальные сети, порталы вакансий, операторы связи). Денежные величины нормировались в тысячах, доли – в процентах, счетчики – в штуках за период; сопоставимость обеспечивалась стратификацией по кварталам и фиксацией определений исходов.

Сравнивались шесть постановок: базовая традиционная модель (TRM), TRM-Q (с добавлением платежной системы), TRM-S (социальные сети), TRM-R (порталы вакансий), TRM-M (операторы связи) и S (модель только на социальных сетях). Качество ранжирования оценивалось через кривые ошибок (ROC) и связанные показатели; калибровка – по согласованию средних вероятностей с наблюдаемыми частотами и регрессии фактов на прогнозы; стабильность – на вневыборочных периодах.

Нечеткая часть методики

1. Преобразование исходных предикторов каждой модели в субнормальные нечеткие множества посредством нормирования.
2. Вычисление α -уровня и индекса нечеткости для отбора существенных предикторов.
3. Оценка истинности правила «если... то...» по импликации Гогена для связи «предиктор – дефолт».
4. Агрегирование максимумов истинности по строкам в комплексную модель.

Контур построения комплексной модели TRM-K
Источник: составлено автором на основе исследуемых данных

Таким образом формировалась TRM-K – комплексная модель, включающая только факторы с максимальной причинной силой, при этом сохранялась воспроизводимость вычислений в стандартных прикладных средах (R, Excel) (рисунок). Для деловой интерпретации рассчитывались вклады факторов и сопоставлялись с изменениями потерь по портфелю на исторических данных и в пилоте, где 30% входящего потока в сентябре–октябре 2024 года обрабатывалось по новой схеме.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим ключевые предикторы традиционной скоринговой модели (TRM), которые фиксируют фундаментальные социально-демографические и трудовые детерминанты риска (подтвержденный доход, стаж в организации, образование) и, как правило, обладают очевидной экономической монотонностью, также хорошо подходят для ограничений в интеллектуальном алгоритме (табл. 1). Напротив некоторых полей (например, «место фактического проживания» или «год рождения первого ребенка») трудно аргументировать причинный механизм устойчиво и вне конкретного региона; они информативны как корреляторы, но их влияние может быть неустойчивым на сдвигах состава заявителей. Это и подталкивает к каузальному фильтру: отделить устойчиво причинные факторы от «ситуативных корреляторов» и, следовательно, улучшить переносимость и калибровку на новых периодах.

Десяток факторов подтверждают важность стабильности занятости и доходов: суммарно поля о стаже и верифицированных доходах дают не менее 16% значимости, а вместе с индустрией и семейным

доходом – порядка 31%. Это объяснимо: при прочих равных возрастают возможности обслуживания долга и снижается вероятность шоков ликвидности домохозяйства. Вместе с тем в перечень входят предикторы, чья интерпретация менее очевидна вне конкретной территории: место фактического проживания и год рождения первенца по 5% каждый – информативны для конкретного банка и периода, но их «механистическое» включение в гибкую нелинейную модель без учета причинности чревато переобучением на локальные паттерны расселения и когортные особенности. Отдельное внимание заслуживают документы и их «возраст» (лет от выдачи паспорта до обращения – 5%): это прокси переменных, связанных с жизненным циклом и формальной активностью; их вклад устойчив, но опять же зависит от регуляторной и культурной среды.

Итак, уже в традиционной модели виден структурный предел: добавление множества внешних признаков может сместить веса и ухудшить переносимость без гарантии улучшения калибровки. Эмпирические сравнения подтверждают, что модель только на социальных сетях близка к случайной, TRM-Q с платежной системой почти не отличается от базовой, TRM-R с вакансиями заметно лучше ранжирует, но охватывает лишь ~10% анкет, тогда как наилучший прирост дает TRM-M с данными операторов связи. Следовательно, требуется механизм, который, с одной стороны, извлекает добавочную информативность, а с другой – фильтрует корреляционные «шумы» и обеспечивает интерпретируемость причинного вклада. Эту роль в архитектуре исполняет нечеткая каузальность, которая будет продемонстрирована далее.

Таблица 1

Ключевые предикторы традиционной скоринговой модели (TRM) и их значимость

№	Предиктор	Значимость, %
1	Код времени работы в данной организации	8
2	Подтвержденный доход	8
3	Образование	7
4	Место фактического проживания	5
5	Год рождения первого ребенка	5
6	Лет от даты выдачи паспорта до даты обращения	5
7	Отрасль экономики	5
8	Совокупный среднемесячный доход семьи	5
9	Год выпуска автотранспорта	4
10	Наличие автотранспорта	4

Источник: составлено автором на основе исследуемых данных.

Чтобы применить инструменты нечеткого моделирования для построения комплексной модели, необходимо из имеющейся информации по моделям получить нечеткую. Делается это для того, чтобы агрегировать самую важную информацию из всех применяемых моделей в комплексную модель и получить требуемый результат.

Пусть X_{ij} – значимость i -го предиктора в j -й частной модели (TRM, TRM-Q, TRM-S, TRM-R, TRM-M, S). Сначала переводим их в субнормальные нечеткие множества:

$$a_{ij} = \frac{X_{ij}}{\max_i X_{ij}}, \quad i = 1..n, j = 1..m \quad (1)$$

И записываем нечеткое множество модели A_j как сингльтон:

$$A_j = \sum_{i=1}^n a_{ij} / \text{предиктор}_i, \quad i = 1..n, j = 1..m \quad (2)$$

Задаем α – уровень для отбора существенных предикторов:

$$\alpha = \max_j \frac{100}{n \cdot \max_i a_{ij}} \quad (3)$$

$$K = \sum_i \max_j s_{ij} / \text{предиктор}_i, \quad i = 1..n_\alpha, j = 1..m, n_\alpha \leq n \quad (5)$$

В результате проведенных процедур в комплексной модели останутся только значимые предикторы, оказывающие влияние на результат, измеряемый процентом и количеством дефолтников. Стоит отметить и то, что полученные влияния можно считать каузальными, то есть причинными. Построенная модель была реализована средствами языка R и Excel.

Количество оставшихся предикторов имеет смысл обозначить n_α . То есть предлагается считать индекс нечеткости для множества A_j^α . Индекс нечеткости $I_{A_j^\alpha}^L$ можно теперь подсчитать по стандартной формуле, например по Хэммингу. Заметим, что исследования проводились на разных наборах данных, в разное время, с различным набором предикторов, а это значит, что агрегация в комплексную модель требует определенного процесса моделирования. Нечеткие технологии управления предлагают такой инструмент, основанный на процедуре нечетких импликаций, которая реализуется в формате «Если... то...» и имеет ряд. Применительно к задаче это будет выглядеть так. Производим оценку влияния предиктора на конечный результат по формуле нечеткой импликации Гогена:

$$P_G = \left\{ s_{ij} = \min \left(1, \frac{b_j}{a_{ij}^\alpha} \right) \right\} \quad (4)$$

Такой подход позволит оценить влияние каждого предиктора на конечный результат с учетом специфики каждой модели, чтобы получить комплексную модель влияния предикторов, необходимо найти максимальное влияние по каждой строке, тогда комплексная скоринговая модель будет выглядеть следующим образом:

Таблица 2

Предикторы и их значимость в комплексной модели TRM-K (нечеткая каузальность)

№	Предиктор	Значимость S_{ij} , %
1	Балл мобильных операторов	14
2	Балл Мегафона	10
3	Подтвержденный доход	7
4	Код времени работы в организации	6
5	Год рождения первого ребенка	6
6	Наличие анкеты на HH.ru / Rabota66.ru	6
7	Образование	5
8	Среднемесячный доход на члена семьи	4
9	Отрасль экономики	3
10	Лет от выдачи паспорта до обращения	3

Источник: составлено автором на основе исследуемых данных.

Таблица 3

Уровень потерь по розничному кредитованию (новая модель), руб.

Год	Потери (TRK)	Потери (TRK-K)	Разница
2022	951 750 000	951 750 000	0
2023	951 750 000	750 676 056	201 073 944
2024	1 078 650 000	850 766 197	227 883 803

Источник: составлено автором на основе исследуемых данных.

Продemonстрируем результаты работы того, как нечеткая каузальность меняет приоритеты факторов в комплексной модели TRM-K (табл. 2). В отличие от «важности признаков» в конкретной частной модели здесь показана степень причинной силы μ (в терминах истинности по импликации Гогена) и итоговая значимость, которая уже учитывает конкуренцию источников и устойчивость сигнала. Концептуально это решает две практические задачи. Первая – отбор факторов для нормативов и автоматических правил: высокий μ означает, что регуляторные, лимитные и пороговые решения могут безопасно опираться на этот фактор. Вторая – калибровка вероятностей: веса факторов в процедуре калибровки возрастают с μ , что снижает систематические ошибки на краях распределений. Приведем десять предикторов с наибольшей значимостью в TRM-K, полученной из экспериментов, где источники включали мобильных операторов, порталы вакансий и другие внешние каналы. По сравнению с таблицей 1 видно, что верхушку занимают поведенческие и инфраструктурные индикаторы мобильной связи и устойчивые «якоря» платежеспособности (доход, стаж у работодателя), тогда как некоторые демографические прокси отступают, поскольку не выдерживают проверку на устойчивую причинность.

Перерасметка приоритетов под действием нечеткой каузальности показательна. Вершину занимает «балл мобильных операторов» с 14% и специфический «балл Мегафона» с 10%: поведенческий след связи выявляет регулярность платежной активности, контактности и устойчивости доходов через прокси-маркеры; при этом высокие значения μ подтверждают устойчивый причинный вклад этих сигналов в риск. Подтвержденный доход (7%) и стаж у работодателя (6%) сохраняют ключевые позиции: их μ стабильно высоки, и они естественные кандидаты для монотонных ограничений. Наличие анкеты на порталах вакансий (6%) оказывается более значимым, чем владение автомобилем и некоторые демографические поля из базовой модели: хотя покры-

тие низкое (около 10% анкет), сам факт присутствия анкеты несет сильный сигнал «формализованной трудовой активности», который причинно связан с платежной дисциплиной. Напротив, «место проживания» из первой десятки TRM исчезает из топ-10 TRM-K: нечеткий фильтр «наказывает» неустойчивые корреляции, очищая состав предикторов. Суммарно три верхних фактора обеспечивают 31% объяснения, а вся десятка – 64%, что согласуется с улучшением разделяющей способности и калибровки при переходе от традиционной постановки к комплексной. Это проявляется и на полевых метриках: в пилоте (30% входа, сентябрь–октябрь 2024) проблемность снизилась с 7,1% до 5,6% (–1,5 п.п., –21,1% относительно), а пересчет исторических потерь показал экономический эффект в сотни миллионов рублей на горизонте двух лет. Эти цифры административно значимы: они поддерживают принятие решений о масштабировании подхода и включении показателей мобильной связи и формализованной занятости в регламенты.

Итоговая комплексная модель TRK-K, построенная с учетом каузальности связи «фактор → риск», отличается от традиционной как составом предикторов, так и распределением их весов. В пилоте на 30% входящего потока (сентябрь–октябрь 2024) проблемность снизилась с 7,1% до 5,6% (–1,5 п.п., –21,1% относительно). Пересчет потерь по портфелю указывает на суммарный эффект 429 млн руб. за 2023–2024 годы при неизменности 2022 года (табл. 3); это подтверждает практическую полезность перехода на TRK-K в розничном сегменте.

Заключение

Исследование показало, что классический скоринг ограничен как источниками данных, так и способностью переносить правила на новые периоды без потери калибровки. Интеграция интеллектуального алгоритма с монотонными ограничениями и нечеткой оценкой каузальности факторов решает эту проблему: факторы получают градуированные степени причинной

силы, используются в отборе и калибровке, а итоговая модель сохраняет объяснимость для деловых решений. На реальных данных регионального банка комплексная модель TRM-K перестроила приоритеты в пользу поведенческих сигналов связи и формализованной занятости, что сопровождалось снижением проблемности с 7,1% до 5,6% в пилотном периоде и существенным уменьшением потерь в ретро-оценке.

Методологический вклад – формализация нечеткого агрегирования по импликации Гогена как воспроизводимого способа отделить устойчивый причинный вклад от корреляционного шума при объединении разнородных источников. Управленческий вклад – совместимость с требованиями к документации, стабильности и калибровке, а также численно выраженная интерпретируемость для кредитного комитета.

Список литературы

1. Абдуллаев Н.А. Кредитные скоринговые модели в оценке рисков и специфика их применения в банках Узбекистана // Сибирская финансовая школа. 2021. № 1(141). С. 67–69. DOI: 10.34020/1993-4386-2021-1-67-69.
2. Помазанов М.В. ROC-анализ и калибровка скоринговых моделей на основе метрик точности второго порядка // Управление финансовыми рисками. 2021. № 2. С. 100–121. DOI: 10.36627/2221-7541-2021-2-2-100-121.
3. Коломиец А.И. Скоринговые модели оценки кредитоспособности // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 2. С. 441–446. DOI: 10.37691/2311-5351-2021-0-2-441-446.
4. Дорохина Е.Ю. Скоринговая модель оценки рисков строительных проектов // Путеводитель предпринимателя. 2021. Т. 14, № 4. С. 44–49. DOI: 10.24182/2073-9885-2021-14-4-44-49.
5. Тимошенко Н.В., Хаджиев М.Р., Еремина Н.В. Применение скоринговых моделей при оценке кредитоспособности потенциального заемщика // Вестник Академии знаний. 2021. № 46(5). С. 394–402. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-5-394-402.
6. Кузнецова Е.Ю. Использование скоринговых моделей для оценки компетенций организации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2, № 4(124). С. 157–161. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.04.02.019.
7. Тимонин А.С., Черненький С.В. Практический метод построения скоринговой информационной модели кре-

дитной службы // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-1. С. 63–66. DOI: 10.18411/trnio-05-2022-16. URL: <https://doicod.ru/doi/10.18411/trnio-05-2022-16.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

8. Помазанов М.В. Ф- и Ψ-преобразования, повышающие дискриминирующую силу немонотонных переменных скоринговой модели // Управление финансовыми рисками. 2022. № 2. С. 108–120. DOI: 10.36627/2221-7541-2022-2-2-108-120.

9. Расторгуев Л.М., Микишанина Е.А. Построение скоринговой модели для определения кредитоспособности потенциального заемщика // Вектор экономики. 2022. № 5(71). URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2022/5/mathematicalmethods/Rastorguev_Mikishanina.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

10. Родионов А.В. Модель скоринговой оценки электронного курса как инструмент управления качеством образовательного процесса // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 10-1. С. 37–41. DOI: 10.17513/snt.39343.

11. Немкина П.О., Касаева Т.В. Скоринговые модели в анализе доходов и расходов организации // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2022. № 2(43). С. 158–168. DOI: 10.24412/2079-7958-2022-2-158-168.

12. Кульшин Р.С., Тикшаев И.Д., Сидоров А.А., Сенченко П.В. Использование скоринговой модели оценки значимости действий пользователя для формирования персонализированных рекомендаций // Электронные средства и системы управления: Материалы докладов Международной научно-практической конференции. 2022. № 1–2. С. 91–93. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50494233_13435647.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

13. Астахова А., Гришунин С., Поморцев Г. Разработка скоринговой рейтинговой модели на основе методологии международных рейтинговых агентств // Корпоративные финансы. 2023. Т. 17, № 1. С. 1–16. DOI: 10.17323/j.jcfr.2073-0438.17.1.2023.5-16.

14. Акжигитова А.Н. Научные подходы к применению скоринговой модели в оценке платежеспособности организаций оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2023. № 3. С. 26–32. DOI: 10.52135/2410-4124_2023_3_26.

15. Касаева Т.В., Коваленко Ж.А., Немкина П.О., Чеботарева О.Г. Интегральная оценка качества доходов и расходов организаций на основе скоринговых моделей // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2023. № 3(46). С. 133–144. DOI: 10.24412/2079-7958-2023-3-133-144.

16. Кармазин А.Р. Сравнительный анализ эффективности различных скоринговых моделей в факторинге // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 9. С. 48–52. DOI: 10.37882/2223-2974.2024.09.18.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 336.1:339.1
DOI

АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕСТРИКТИВНОЙ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

Невмержицкий А.Л., Разумовская Е.А.

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Россия, Екатеринбург, e-mail: rasumovskaya.pochta@gmail.com*

Статья посвящена анализу влияния, которое оказала денежно-кредитная политика Банка России на отечественный рынок недвижимости. При этом в теоретической части статьи авторами рассмотрены вопросы применения финансового менеджмента в строительной отрасли с позиции организации и контроля за финансовыми потоками, которые актуализировались в сложных конъюнктурных условиях. В аспекте актуальности отмечено, что строительная отрасль является одной из наиболее регулируемых через законодательство, защищающее интересы дольщиков, и одновременно строительство выступает драйвером развития других отраслей национальной экономики. Целью статьи является оценка влияния денежно-кредитной политики Банка России на рынок недвижимости вне связи с другими факторами – динамикой доходов населения, темпами застройки и стоимостью квадратного метра – эта оценка важна именно в силу высокой зависимости строительной отрасли от государственной регуляторики. Практический раздел статьи содержит анализ статистических данных по динамике ключевых для деvelopeмента показателей: стоимости жилья по категориям (первичное и вторичное), вводу жилья по всей стране и по Свердловской области, динамике ипотечного жилищного кредитования за несколько лет. По результатам проведенного анализа авторами сделан вывод о наличии корреляции анализируемых показателей с волатильностью внешней конъюнктуры – речь идет о рестриктивной денежно-кредитной политике Банка России, применяемой для сдерживания инфляционной динамики и общего «перегрева» рынка недвижимости. В частности, авторами выявлено влияние мер государственной поддержки на объемы строящегося жилья, на рост стоимости всех его категорий из-за широкого применения льготного ипотечного кредитования, приостановка которого привела к снижению темпов ипотечного жилищного кредитования и строительства жилья. Источниками информации настоящего исследования послужили материалы Банка России, Федеральной службы государственной статистики РФ, аналитика тематических ресурсов сети Интернет.

Ключевые слова: финансовый менеджмент, деvelopeмента, денежные потоки

ANALYSIS OF FINANCIAL INDICATORS OF THE REAL ESTATE MARKET IN THE CONDITIONS OF RESTRICTIVE MONETARY POLICY

Nevmerzhitskiy A.L., Razumovskaya E.A.

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Russia, Yekaterinburg, e-mail: rasumovskaya.pochta@gmail.com*

The article is devoted to the analysis of the impact of the monetary policy of the Bank of Russia on the domestic real estate market. At the same time, in the theoretical part of the article, the authors consider the issues of applying financial management in the construction industry from the standpoint of organizing and controlling financial flows, which became relevant in difficult market conditions. In terms of relevance, it is noted that the construction industry is one of the most regulated through legislation, protecting the interests of equity holders and at the same time being an industry that acts as a driver for the development of other sectors of the national economy. The purpose of the article is to assess the impact of the monetary policy of the Bank of Russia on the real estate market regardless of other factors – the dynamics of household income, the pace of construction and the cost per square meter – this assessment is important precisely because of the high dependence of the construction industry on government regulation. The practical section of the article contains an analysis of statistical data on the dynamics of key development indicators: the cost of housing by category (primary and secondary), the commissioning of housing throughout the country and in the Sverdlovsk region, the dynamics of mortgage housing lending over several years. Based on the results of the analysis, the authors concluded that there is a correlation between the analyzed indicators and the volatility of the external environment – this is about the restrictive monetary policy of the Bank of Russia, used to contain inflation dynamics and the general overheating of the real estate market. In particular, the authors identified the impact of government support measures on both the quantitative amount of housing under construction and its cost. Thus, preferential mortgage lending and the growth of household incomes led to excessive growth rates in the cost of all categories of housing. The impact of the suspension of these measures was also reflected in these indicators: the abolition of preferential mortgages and the increase in the Bank of Russia rate led to a significant decrease in mortgage housing lending and a reduction in housing construction. The sources of information for this study were the materials of the Bank of Russia, the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, and analytics of thematic Internet resources.

Keywords: financial management, development, cash flows

Введение

Современный финансовый менеджмент играет ключевую роль во всех отраслях экономики, но в большей степени в девелопменте – сфере, являющейся драйвером для многих других отраслей реального сектора. Формирование эффективной системы по управлению финансовыми ресурсами и процессами на всех этапах строительства, продвижения, продажи и управления проектами в недвижимости призвано обеспечить успешность бизнеса: минимизацию рисков и увеличение прибыли.

В современной литературе представлено множество вариаций определения термина «девелопмент». Обратимся к некоторым из них.

Девелопмент можно определить как доверительное управление объектами недвижимости и/или профессиональную деятельность в сфере инвестиций в недвижимость, связанную с улучшением качества объектов недвижимости и увеличением их стоимости, а также как процесс развития и преобразования территорий и земельных участков с целью их эффективного использования [1]. В связи с существующими различиями в толковании термина «девелопмент» авторы статьи намерены использовать определение с финансовой точки зрения – под девелопментом рассматривается аккумулирование разрозненных денежных потоков отдельных субъектов проекта до уровня денежного потока всего проекта. При таком объединении могут быть использованы новые возможности для распределения и контроля потоков – эффект финансового рычага, масштаба и др. [2].

В девелопменте важно управление вложением средств в проект, включающее в себя: выбор эффективного проекта строительства объекта жилой недвижимости; получение от органов власти всех предусмотренных разрешений на его реализацию; преобразование объекта жилой недвижимости; определение условий привлечения средств в проект, поиск инвесторов; разработка механизмов и форм возврата вложенных в проект средств, отбор и привлечение подрядчиков и субподрядчиков, контроль их работы [3]. Безусловно, каждый из перечисленных факторов играет важную роль в успешном осуществлении девелоперского проекта и ведет к достижению поставленных целей, которые также зависят от организации плана работ, грамотного распределения обязанностей, ответственности участников проекта и правильного составления и содержания проектной документации [4]. Этим определяется значимость девелопмента, выступающего флагманской отраслью

отечественной экономики по многим показателям, и от его динамики во многом зависят другие сектора. Поэтому оценка рынка недвижимости создает основания для прогнозирования динамики финансовых показателей всей национальной экономики, а также формирования инвестиционного рынка на основе активов, связанных с недвижимостью [5]. Одной из наиболее важных функций девелопмента недвижимости является комплексное развитие территорий, поскольку современные требования к застройщикам весьма широки и игнорировать их не представляется возможным в условиях регулирования [6]. Именно данными факторами обусловлено исследовательское внимание к анализу тенденций, которые складываются на девелоперском рынке в изменяющихся условиях [7, 8]. Анализ при этом должен опираться на изменения конъюнктуры: отмену льготных программ ипотечного жилищного кредитования, повышение стоимости кредитных ресурсов и темпы динамики доходов населения, в совокупности дающие понимание тенденций рынка девелопмента [9, 10].

Цель исследования – оценка влияния денежно-кредитной политики Банка России на рынок недвижимости без включения других факторов.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели в исследовании применены общенаучные методы, такие как синтез и дедукция применительно к обработке аналитических данных, а также методы сравнительного анализа на основе аналитики Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и других источников.

Результаты исследования и их обсуждение

Финансовый менеджмент, в сущности, применяется в целях регулирования финансовой деятельности организации для повышения эффективности использования как собственного, так и привлеченного капитала, а также минимизации рисков и роста прибыли. Финансовый менеджмент в девелопменте представляет собой совокупность методов, инструментов и подходов, направленных на планирование, организацию, координацию и контроль финансовых потоков на протяжении всего жизненного цикла проекта. Важность финансового менеджмента в этой сфере обусловлена сложностью и многообразием задач, которые приходится решать девелоперам, одной из которых выступает ответственность за привлекаемые средства населения.

Таблица 1

Ввод в действие жилых домов в Российской Федерации, млн м²

Годы	Всего построено	В том числе		Удельный вес в общем вводе, %	
		населением за счет собственных и привлеченных средств	жилищно-строительными кооперативами	жилых домов	жилых домов жилищно-строительных кооперативов
2014	84,2	36,2	0,4	43,0	0,4
2015	85,3	35,2	0,6	41,2	0,7
2016	80,2	31,8	1,0	39,6	1,2
2017	79,2	33,0	0,8	41,6	1,0
2018	75,7	32,4	0,4	42,9	0,5
2019	82	38,5	1,0	46,9	1,2
2020	82,2	39,8	0,8	48,4	1,0
2021	92,6	49,1	0,7	53,1	0,8
2022	102,7	57,2	0,5	55,7	0,5
2023	110,4	62,3	0,6	58,8	0,5
2024	107,8	61,8	0,5	61,1	0,5

Источник: составлено авторами на основе:

1) Официальный сайт информационного агентства Интерфакс. Жилищное строительство в РФ в 2023 г. выросло на 7,5 %, до 110,4 млн кв. м. [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/150929/> (дата обращения: 13.03.2025).

2) Официальный сайт Банка России. Ипотечное жилищное кредитование под залог прав требования по договорам участия в долевом строительстве. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/SCPA/ (дата обращения: 10.03.2025).

3) Официальный сайт правовой системы КонсультантПлюс. Статья 15.5. «Особенности открытия, ведения и закрытия счета эскроу для расчетов по договору участия в долевом строительстве» Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/7e20edcc51ba599c70fb328204e3ac1226e7d912/ (дата обращения: 08.03.2025).

В Российской Федерации эта задача нашла решение на государственном уровне – в «Федеральном законе от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”, статья 15.5. “Особенности открытия, ведения и закрытия счета эскроу для расчетов по договору участия в долевом строительстве”»¹. Однако для самих девелоперов принятие данного закона означало, что привлечение денег на строи-

тельство будет осложнено – им пришлось кредитоваться в банках, в которых открыты соответствующие эскроу счета под обеспечение средств населения на них. Именно этим обстоятельством обусловлен исследовательский интерес авторов к анализу объемов строительства, ипотечного жилищного кредитования и стоимости жилья, формирующих, в совокупности, условия финансового менеджмента в девелопменте.

Существует множество факторов, влияющих на прогноз движения денежных средств в строительных проектах. Некоторые из этих факторов носят субъективный характер, однако остальные являются объективными. Выплаты от девелопера всегда планируются ежемесячно, что является основой для оценки величины притока денежных средств [11]. Иногда может произойти несколько непредвиденных событий, например подрядчик может не получить точную сумму в дату контракта из-за плохого финансового положения компании. Если платеж задерживается,

¹ Официальный сайт правовой системы КонсультантПлюс. Статья 15.5. «Особенности открытия, ведения и закрытия счета эскроу для расчетов по договору участия в долевом строительстве» Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/7e20edcc51ba599c70fb328204e3ac1226e7d912/ (дата обращения: 08.03.2025).

время расчета поступления денежных средств должно быть скорректировано в модели поступления денежных средств. Чтобы учесть влияние субъективных и объективных факторов притока и оттока денежных средств в экономико-математических моделях, следует использовать методики количественной оценки из объемов и динамики.

Рынок недвижимости является индикатором социально-экономического развития страны, региона или города, отражает динамику валового внутреннего продукта, уровень инфляции и безработицы, доступность кредитных ресурсов и прочие макроэкономические показатели [12]. Поэтому в данном разделе статьи будет уделено особое внимание динамике развития рынка недвижимости как страны в целом, так и Свердловской области в частности.

Обратимся к табл. 1, где содержатся данные о вводе жилых домов на территории всей страны в период с 2014 по 01.02.2024.

Здесь необходимо отметить, что начиная с августа 2019 г. в общем вводе жилых домов учитываются жилые дома, построенные населением на специально отведен-

ных под индивидуальное жилищное строительство земельных участках, что связано с соответствующими изменениями законодательства – во многом именно этим обусловлен резкий прирост введенных в эксплуатацию жилых домов.

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС – Росстат), динамика ввода жилых домов имеет положительную тенденцию, однако в 2016–2018 гг. наблюдается некоторое снижение темпов их строительства, в части построенных жилищно-строительными кооперативами. Это обусловлено понижением спроса на новостройки в связи с высокими ставками по ипотечному кредитованию [13]. Нельзя не отметить заметный рывок строительства в 2022–2023 гг., обусловленный ростом доходов населения, в частности семейной военнослужащих – участников специальной военной операции (СВО) и во многом – государственными программами льготного ипотечного кредитования. Именно сворачивание льготной ипотеки в середине 2024 г. вызвало снижение строящегося и вводимого в эксплуатацию жилья, а также высокие кредитные ставки [14].

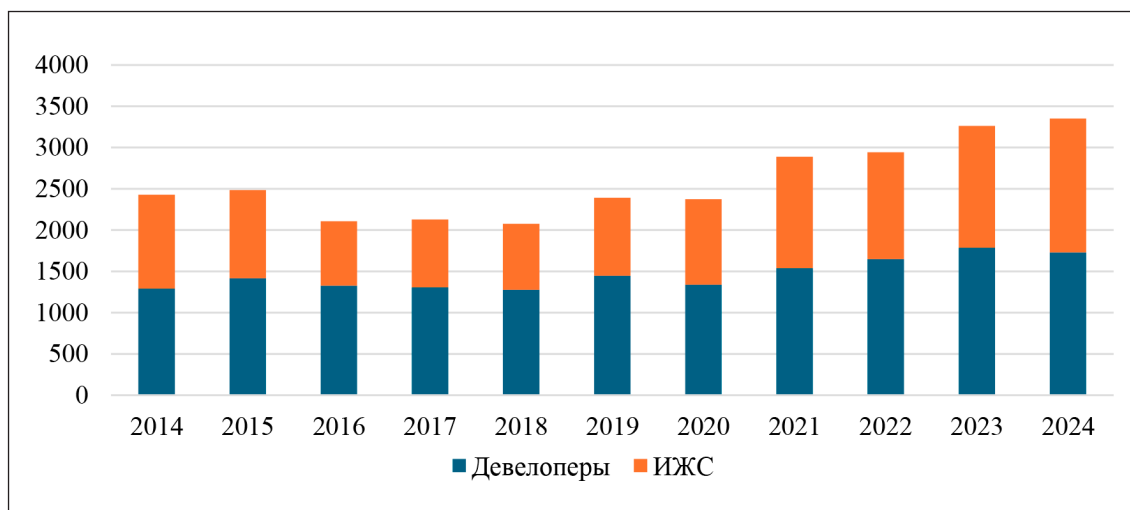

Рис. 1. Ввод жилья в эксплуатацию в Свердловской области, тыс. м²

Источник: составлено авторами на основе

1) Официальный сайт информационного агентства Интерфакс. Жилищное строительство в РФ в 2023 г. выросло на 7,5%, до 110,4 млн кв. м. [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/150929/> (дата обращения: 13.03.2025).

2) Официальный сайт Банка России. Ипотечное жилищное кредитование под залог прав требования по договорам участия в долевом строительстве. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/SCPA/ (дата обращения: 10.03.2025).

3) Официальный сайт правовой системы КонсультантПлюс. Статья 15.5. «Особенности открытия, ведения и закрытия счета эскроу для расчетов по договору участия в долевом строительстве» Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/7e20edcc51ba599c70fb328204e3ac1226e7d912/ (дата обращения: 08.03.2025).

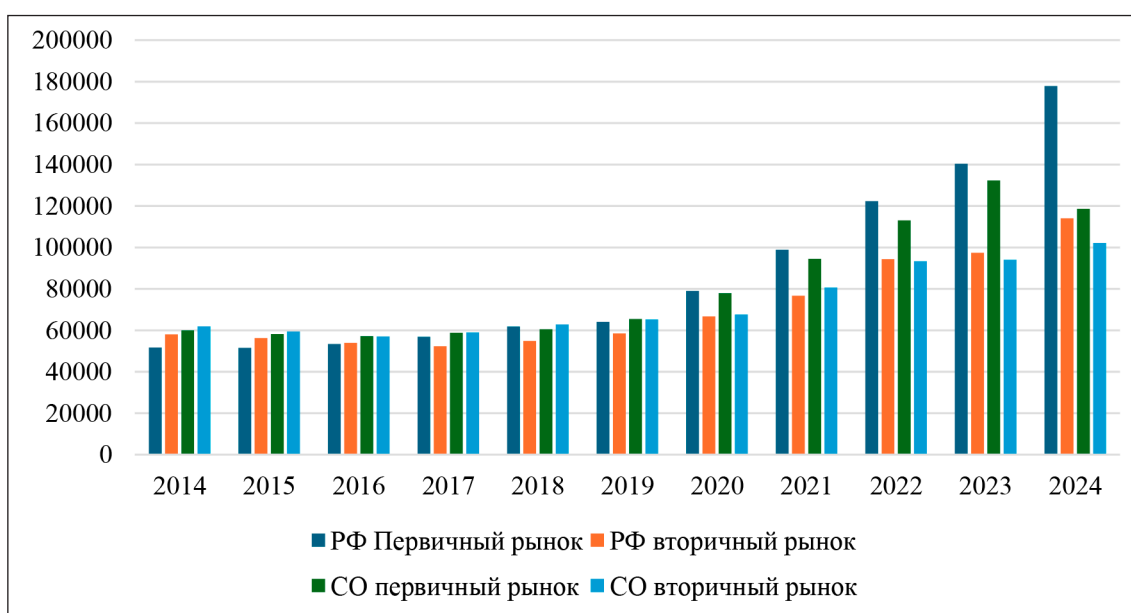

Рис. 2. Динамика стоимости жилья в РФ и в Свердловской области, руб./м²

Источник: составлено авторами на основе

1) Официальный сайт информационного агентства Интерфакс. Жилищное строительство в РФ в 2023 г. выросло на 7,5 %, до 110,4 млн кв. м. [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/150929/> (дата обращения: 13.03.2025).

2) Официальный сайт Банка России. Ипотечное жилищное кредитование под залог прав требования по договорам участия в долевом строительстве. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/SCPA/ (дата обращения: 10.03.2025).

3) Официальный сайт правовой системы КонсультантПлюс. Статья 15.5. «Особенности открытия, ведения и закрытия счета эскроу для расчетов по договору участия в долевом строительстве» Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/7e20edcc51ba599c70fb328204e3ac1226e7d912/ (дата обращения: 08.03.2025).

Обращаясь к данным по Свердловской области, имеет смысл разделить нововведенные жилые постройки на группы «от девелоперов» и «ИЖС» (индивидуальное жилищное строительство). Динамика ввода в эксплуатацию данных групп жилой площади рассмотрена на рис. 1.

Наиболее заметной в структуре введенного жилья является доля индивидуального жилищного строительства – порядка 40–50 % от площадей всех новых жилых помещений составляют именно ИЖС, другими словами частные индивидуальные постройки. То есть на территории Свердловской области сопоставимо пользуются спросом как квартиры, так и частные дома. Более того, на рис. 1 доминирует положительная динамика, но в 2016–2018 гг., так же как и в табл. 1, наблюдается спад.

На рис. 2, составленном авторами по данным Росстата, представлена информация о динамике стоимости квадратного метра жилья как на первичном, так и на вто-

ричном рынке. Информация представлена по Российской Федерации в целом и по Свердловской области в частности.

Из данных рис. 2 следует, что первичный рынок жилой недвижимости явно начинает доминировать над вторичным как в РФ, так и в Свердловской области с 2020 г. Это говорит о том, что более высоким спросом пользуются непосредственно новостройки, которые как раз таки в ведении девелоперов, то есть возрастает конкуренция на рынке между девелоперскими организациями.

Стоит уделить внимание и тому обстоятельству, что при высоком спросе на квартиры в новостройках возрастает и потребность населения в кредитных средствах. В 2020 г. в РФ как стимулирующая мера была введена программа льготной ипотеки для нескольких категорий покупателей [14]. Именно она послужила драйвером роста спроса на первичный рынок недвижимости, а ипотечные жилищные кредиты начали пользоваться наибольшей популярностью.

Таблица 2

Объем предоставленных ипотечных жилищных кредитов, руб.

Периоды	Ипотечные жилищные кредиты, руб.	
	под залог прав требования по договорам участия в долевом строительстве (ДДУ) и приобретенные права требования по ипотечным жилищным кредитам под залог ДДУ	предоставленные физическим лицам – резидентам и приобретенные права требования по ипотечным жилищным кредитам
2018	868 741	2 962 258
2019	905 337	2 905 515
2020	469 594	4 253 673
2021	1 435 564	5 614 022
2022	1 979 447	5 268 302
2023	3 251 372	7 690 335
2024	2 294 666	5 382 574

Источник: составлено авторами на основе: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Строительство. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения: 13.03.2025).

В 2020 г. наблюдается резкий рост (в 1,5 раза) по ипотечным жилищным кредитам, а с 2021 г. (по сравнению с 2020 г.) в 3 раза увеличились объемы по ипотекам, выданным под залог прав требования по договорам долевого участия (ДДУ) в строительстве, как видно из динамики объемов предоставленных населению кредитов, приведенных авторами в табл. 2.

Еще одной заметной тенденцией является «рывок» объемов ипотечного жилищного кредитования в 2022–2023 гг., в частности рост в 2023 г. год к году составил 164% по ипотечным жилищным кредитам под залог прав требований по договорам долевого участия и 146% по ИЖК физическим лицам с учетом приобретенных прав требования [15].

Совсем иная ситуация сложилась по итогам 2024 г. в связи сразу с двумя событиями, существенно изменившими положение девелоперов: сворачиванием программ льготного ипотечного жилищного кредитования и увеличением ставки Банка России. По показателю ипотечных жилищных кредитов, выданных под залог договоров долевого участия в строительстве, имеет место снижение на 29,42%; по приобретенным правам требований в сегменте ИЖК снижение составило ровно 30%.

Заключение

Таким образом, можно говорить о непосредственной связи между спросом на первичном рынке недвижимости (который зависит от ставки по ипотечному кредитованию, а значит, от денежно-кредитной по-

литики ЦБ) и количеством жилой площади, введенной в эксплуатацию девелоперами. В свою очередь, спрос на недвижимость от девелоперов является дополнительным стимулом для поднятия конкурентоспособности таких компаний.

Из обзора рынка первичной и вторичной недвижимости следует, что тенденции имеют общую направленность как в целом по РФ, так и по Свердловской области. Все большим спросом у населения пользуется первичный рынок недвижимости, что подтверждают возрастающие объемы ипотечного кредитования и непосредственно стоимость квадратного метра такого жилья. Именно девелоперские компании создают новые жилые площади, поэтому для них открываются как новые возможности, так и риски, связанные с усилением конкуренции. Девелопмент, как сектор экономики, ведет капиталоемкую и высоко рискованную деятельность, которая зависит не только от внешней ситуации, но и от цикличности, и от государственного регулирования, и в значительной степени – от денежно-кредитной политики Центрального Банка. Значение регулирования состоит в балансе, при котором девелоперские проекты будут оставаться источником развития территорий, создания новых рабочих мест и увеличения благосостояния общества.

Список литературы

1. Грахов В.П., Мохначев С.А., Тарануха Н.Л. Девелопмент как экономическая основа развития рынка жилой недвижимости // Фундаментальные исследования. 2018. № 6. С. 94–98. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42173> (дата обращения: 02.08.2025). EDN: XUETID.

2. Разумовская Е.А., Невмержицкий А.Л. Формирование системы финансового менеджмента в строительстве на основе цифровых финансовых технологий // *Финансы и кредит*. 2024. Т. 30. № 6 (846). С. 1290–1309. DOI: 10.24891/fe.30.6.1290. EDN: ARNGBQ.
3. Невмержицкий А.Л., Разумовская Е.А. Моделирование факторного анализа в системе корпоративного финансового менеджмента на основе проектного финансирования // *Журнал прикладных исследований*. 2024. № 12. С. 47–51. DOI: 10.47576/2949-1878.2024.12.12.006.
4. Алироева З.Р., Шардан С.К., Багаева А.И. Построение системы финансового управления предприятиями недвижимости // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024. Т. 5. № 4 (145). С. 12–18. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2024.04.05.002. EDN: WPMMSA.
5. Виноградова К.В., Фролова В.Б. Развитие подходов к оценке инвестиционных рисков при вложении в цифровые финансовые активы на рынке недвижимости // *Вестник европейской науки*. 2025. Т. 17. № 1. EDN: ZYGADG.
6. Райгородская В.С., Шестов А.В., Кочетова Г.Г. Девелопмент недвижимости и комплексное развитие территорий // *Аллея науки*. 2024. Т. 1. № 4 (91). С. 81–88. EDN: ZCKYDQ.
7. Ландаревский А.А., Ефимов К.Д., Скуридин М.Д., Шишкин Е.А., Шалимов М.Г. Анализ основных тенденций развития рынка девелопмента в России // *Инновации и инвестиции*. 2024. № 6. С. 274–278. EDN: BGKLBI.
8. Волнов Н.А. Тенденции развития рынка недвижимости в Российской Федерации // *Вестник Академии*. 2023. № 3. С. 51–59. DOI: 10.51409/v.a.2023.10.03.006. EDN: CQGJEM.
9. Гениберг Т.В. Динамика, анализ и результативность применения льготных программ ипотечного кредитования в Российской Федерации в 2020–2024 гг. // *Вестник экономики, права и социологии*. 2024. № 4. С. 21–25. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-21-25. EDN: FEIQTХ.
10. Ольшанская М.В. Девелопмент как особый вид деятельности // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. № 3. С. 187–191. DOI: 10.23672/SAE.2024.92.13.017. EDN: SRBYSR.
11. Андреева О.С., Ермакова А.М. Влияние ценообразующих факторов на стоимость рынка жилья в региональном аспекте // *Московский экономический журнал*. 2022. № 10. С. 507–513. URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal10-2022-16/> (дата обращения: 10.03.2025). DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_10_580.
12. Доронина С.А., Александрова Е.В., Тимошкина Е.В., Кондратьев Д.В., Рыжкова О.И., Абашева О.Ю. Финансовые факторы и тенденции изменения инвестиционной привлекательности основных сегментов рынка недвижимости // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2024. № 12 (ч. 2). С. 224–231. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3909> (дата обращения: 05.05.2025). DOI: 10.17513/vaael.3909.
13. Арсеньев А.А., Боркова Е.А. Рынок недвижимости России: проблемы и перспективы // *Economy and Business: Theory and Practice*. 2024. Vol. 12–1 (118). P. 17–20. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-1-17-20.
14. Романова А.В., Щукин С.Ю., Челокиди С.В., Спирина Н.Е., Хакимова Л.Р., Коптев Л.А. Льготная ипотека: дискриминация или дифференциация // *Вестник университета*. 2023. № 12. С. 181–198. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-12-181-198.
15. Ерофеева М.Ю., Некрасов В.В., Филиппов Д.И. Современные условия развития рынка жилой недвижимости в Российской Федерации // *Прогрессивная экономика*. 2024. № 6. С. 238–251. DOI: 10.54861/27131211_2024_6_238.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 336:339.187
DOI

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ И ФИНАНСОВАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ: БАЛАНС УДОБСТВА И КОНТРОЛЯ

Николаев Д.А. ORCID ID 0000-0002-1043-3905, Эрдниева К.М.

*Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Россия, Москва,
e-mail: DNikolaev@fa.ru*

Бурное развитие электронной коммерции, охватывающей широкий спектр онлайн-операций, усиливает актуальность обеспечения финансовой прозрачности как основы доверия в цифровой экономике. Целью исследования является выявление и комплексная оценка угроз финансовой прозрачности в сфере электронной коммерции и разработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по достижению оптимального баланса между операционной эффективностью цифровых сервисов и необходимостью усиления финансового контроля. В работе использовались методы сравнительного и статистического анализа, а также изучение международного регуляторного опыта, включая анализ нормативных актов и научных трудов. В результате исследования было установлено, что цифровая трансформация, изменения в глобальных цепочках создания стоимости и высокая концентрация рынков порождают системные вызовы, благоприятствующие злоупотреблениям, таким как уклонение от налогов, легализация доходов и мошенничество. Был проведен сравнительный анализ регуляторных подходов, применяемых в России, ЕС и США, который позволил определить, что устойчивость цифровых рынков зависит от институциональных механизмов, включая про-конкурентное регулирование. Кроме того, была проведена оценка потенциала современных цифровых технологий для борьбы с выявленными угрозами. Проведенное исследование подтверждает, что достижение финансовой прозрачности требует комплексного подхода, интегрирующего технологические решения (блокчейн, искусственный интеллект) и совершенствование правового поля. На основе анализа были сформулированы научно обоснованные рекомендации для бизнеса, государства и потребителей, направленные на повышение эффективности комплаенса и цифровой грамотности.

Ключевые слова: электронная торговля, электронная коммерция, онлайн-торговля, цифровая экономика, финансовая прозрачность

E-COMMERCE AND FINANCIAL TRANSPARENCY: BALANCE OF CONVENIENCE AND CONTROL

Nikolaev D.A. ORCID ID 0000-0002-1043-3905, Erdnieva K.M.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Financial University under the Government of the Russian Federation»,
Russia, Moscow, e-mail: DNikolaev@fa.ru*

The rapid development of e-commerce, encompassing a wide array of online operations, heightens the relevance of ensuring financial transparency as the foundation of trust in the digital economy. The research objective is to identify and comprehensively assess threats to financial transparency within the e-commerce sphere and, based on this, to develop scientific recommendations for achieving an optimal balance between the operational efficiency of digital services and the necessity of strengthening financial control. The study employed comparative and statistical analysis methods, alongside an examination of international regulatory experience, including the analysis of regulatory acts and scholarly works. The research established that digital transformation, shifts in global value chains, and high market concentration generate systemic challenges conducive to abuses such as tax evasion, income legalization, and fraud. A comparative analysis of regulatory approaches applied in Russia, the EU, and the USA was conducted, which allowed for the determination that the resilience of digital markets depends on institutional mechanisms, including pro-competitive regulation. Furthermore, the potential of modern digital technologies to counter the identified threats was evaluated. The study confirms that achieving financial transparency requires an integrated approach combining technological solutions (blockchain, artificial intelligence) and the improvement of the legal framework. Based on this analysis, scientific recommendations were formulated for business, government, and consumers, aimed at enhancing compliance effectiveness and digital literacy.

Keywords: electronic commerce, e-commerce, online trading, digital economy, financial transparency

Введение

Электронная коммерция (e-commerce) является одним из наиболее динамично развивающихся сегментов цифровой экономики. Она охватывает широкий спектр операций – от розничной онлайн-торговли и цифровых платежей до платформенной занятости и трансграничных сделок. Удоб-

ство, масштабируемость и скорость операций сделали электронную торговлю неотъемлемой частью современной экономики. Вместе с тем рост объемов онлайн-операций усиливает актуальность финансовой прозрачности, которая является основой доверия между государством, бизнесом и потребителями.

Актуальность тематики обусловлена, тем, что современное общество стоит на перепутье: с одной стороны, стремление к удобству, скорости и цифровой свободе, а с другой – необходимость обеспечивать честность, безопасность и прозрачность финансовых отношений. Найти этот устойчивый баланс-вызов – ключевая задача участников рынка электронной коммерции.

Цель исследования – выявление и комплексная оценка угроз финансовой прозрачности в сфере электронной коммерции и разработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по достижению оптимального баланса между операционной эффективностью цифровых сервисов и необходимостью усиления финансового контроля. Научная новизна исследования заключается в системном анализе сочетания удобства цифровых сервисов и необходимости финансового контроля.

Материалы и методы исследования

В основу исследования положены труды ученых, нормативные документы и статистические данные, использованы методы сравнительного и статистического анализа, а также изучение международного регуляторного опыта.

Результаты исследования и их обсуждение

Электронная коммерция – неотъемлемый элемент глобальной экономической системы, кардинально трансформировавший традиционные цепочки создания стоимости и потребительские практики [1]. Парадигма «удобство любой ценой» порождает системные вызовы, снижая финансовую прозрачность, создавая благоприятную среду для злоупотреблений, таких как уклонение от уплаты налогов, отмывание денег и масштабное платежное мошенничество. Асимметрия информации между участниками цифровой платформенной экономики – фундаментальная проблема, подрывающая доверие и устойчивость рынка [2].

Развитие электронной коммерции в России следует рассматривать через призму трансформации глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС). Традиционно e-commerce опиралась на глобальные сети поставок, однако в условиях геополитической турбулентности наблюдается переориентация на региональные цепочки, особенно в рамках ЕАЭС и БРИКС. Такой подход позволяет адаптировать теорию ГЦСС к новым реалиям, учитывая тенденции регионализации и локализации производств [3–5]. Дополнительное значение приобретает концепция стратегической адаптивности,

подчеркивающая необходимость гибкости и быстрого реагирования на внешние вызовы, включая цифровую трансформацию и изменение моделей управления рисками. Важна и геоцифровизация, учитывающая взаимодействие цифровых технологий и геополитических ограничений. В российских условиях это означает ориентацию на цифровой суверенитет и создание устойчивых региональных экосистем [3]. Устойчивость цифровых рынков зависит от институциональных механизмов прозрачности и контроля в многосторонних платформах. Традиционных подходов недостаточно, требуется проконкурентное регулирование, иные правила работы платформ [6–8].

Трансграничная и дистанционная природа e-commerce создает значительные возможности для минимизации налоговых обязательств и уклонения от них. Одной из наиболее распространенных практик является дробление бизнеса (splitting). Крупные продавцы искусственно разделяют обороты между множеством юридических лиц (часто микропредприятий) или самозанятых, чьи доходы остаются ниже порога, необходимого для применения общих режимов налогообложения или обязательной регистрации в качестве плательщика НДС.

В 2023 г. ФНС России выявила схему одной из крупных платформ, где через более чем 200 аккаунтов самозанятых, формально независимых, но фактически скоординированных, проводились операции на общую сумму свыше 500 млн руб. в год без уплаты соответствующих налогов¹.

Другой комплексной проблемой является определение налогового резидентства и постоянного представительства в схемах дропшипинга² и при работе транснациональных платформ. Размывание цепочки создания стоимости между юрисдикциями приводит к эрозии налоговой базы и нарушает принципы справедливого налогообложения, что требует международной гармонизации налоговых правил.

Анонимность, скорость и объем электронных платежей создают привлекательную среду для легализации преступных доходов. Можно выделить несколько типичных схем:

– фейковые интернет-магазины (имитационные торговые площадки для продажи

¹ Мониторинг международных трендов правового регулирования для развития законодательства в сфере цифровой экономики в России // Институт экономической политики им. Е. Гайдара. 2025. № 4. № 7. URL: <https://www.iep.ru/ru/numbers/> (дата обращения: 03.08.2025).

² Дропшипинг (drop-shipping) – логистическая модель, при которой товары отправляются от производителя или поставщика напрямую конечному потребителю или розничному продавцу, минуя посредников и дополнительные складские звенья.

несуществующих товаров), где средства, поступающие от покупателей (часто с украденных карт), легализуются, после чего сайт прекращает существование;

– обналачивание через товары-посредники (покупка с использованием криминальных средств высоколиквидных активов: подарочные карты, криптовалюты, цифровые коллекционные предметы, с их последующей продажей за «чистые» деньги);

– сложные схемы с возвратами (charge-back fraud) (организованные группы осуществляют массовые покупки с последующим оспариванием транзакций как несанкционированных, добиваясь возврата средств на подконтрольные счета.

Статистика электронной торговли в разных странах позволяет судить о существенной диспропорции в развитии сектора (таблица). Наибольший объем электронной торговли формируется в Китае (2500 млрд дол.), где доля интернет-продаж в структуре розничной торговли составляет 36,8%, что обусловлено уникальной экосистемой суперприложений (Alipay, WeChat) и агрессивной государственной политикой цифровизации [9].

Китай доминирует на мировом рынке онлайн-продаж, составляя почти половину (2500 млрд дол.) и более чем вдвое опережая США (1210 млрд дол. при 16,3% доли в ритейле, но высоким ВВП на душу населения – 89,7 тыс. дол.). Это отражает не только размер экономики, но и модель потребления, интегрированную вокруг суперприложений и развитой логистики.

США и Китай образуют устойчивую дуополию, контролируя 63% объемов топ-8 рынков, что создает геополитический дисбаланс и зависимость других стран. Великобритания (172 млрд дол.) и Германия представляют европейский сегмент, уступающий азиатскому, что указывает на перераспределение центров электронной коммерции [10].

Россия, несмотря на умеренный абсолютный объем рынка (122 млрд дол.), демонстрирует высокую долю онлайн-торговли в ритейле (20,3%) при глубоком проникновении интернета (92%). Это свидетельствует об успешной адаптации населения и активной стадии роста, в отличие от зрелых рынков США и ЕС [11]. В 2024 г. Россия установила рекорд по объему онлайн-продаж (более 1 трлн руб. в месяц). Лидерами российского рынка являются Wildberries и Ozon, обеспечивая 76% заказов и 53% продаж³.

³ E-commerce в 2025 г.: основные изменения и тренды рынка. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/adv/edu/materials/trendy-ekoma> (дата обращения: 03.08.2025).

Индия с низким показателем онлайн-торговли имеет колоссальный потенциал роста, коррелирующий с уровнем проникновения интернета и ВВП на душу населения. Высокая динамика в Индии и Индонезии при низкой покупательной способности отражает глобализацию e-commerce.

Ключевым драйвером роста e-commerce является не только доступ к интернету, но и глубина интеграции онлайн-торговли в повседневные практики и эффективность цифровых экосистем, на что указывают высокие показатели Южной Кореи (125 млрд дол. при 97% проникновения) и Великобритании (172 млрд дол. при 95%) при аналогичном уровне проникновения в США.

Высокая концентрация на рынке маркетплейсов усиливает сетевые эффекты и информационную асимметрию, повышая риски злоупотреблений [6, 7]. В России Wildberries и Ozon контролируют более 77% заказов и 53% оборота, что свидетельствует о высокой концентрации российского рынка⁴. При этом Wildberries контролирует 55% всех заказов при доле в объеме продаж 29%. Это создает риск экосистемной зависимости, наделяя маркетплейс значительной монополией на внимание потребителя и рыночной властью над продавцами, что подтверждается антимонопольными делами. Доминирование двух крупнейших игроков повышает эффективность логистики, но снижает конкуренцию и прозрачность цепочек поставок, в то время как доля прочих участников остается незначительной из-за высоких барьеров входа [12].

В сегменте высоких чеков наблюдается диверсификация. Ozon имеет меньшую долю в выручке (21%) по сравнению с долей заказов (27%), а другие площадки занимают 47% объема продаж против 23% заказов. Это указывает на предпочтение потребителей совершать крупные покупки (электроника, бытовая техника) через специализированные каналы (сильные бренды, D2C-сайты⁵, Yandex Market), тогда как маркетплейсы используются для массового спроса.

Выявленная концентрация представляет макроэкономический риск: сбой или регуляторные ограничения у одного из двух ключевых игроков способны парализовать до 77% всех заказов в стране, создавая уязвимость для системного шока. Это требует от регулятора мер по обеспечению отказоустойчивости инфраструктуры цифровой торговли.

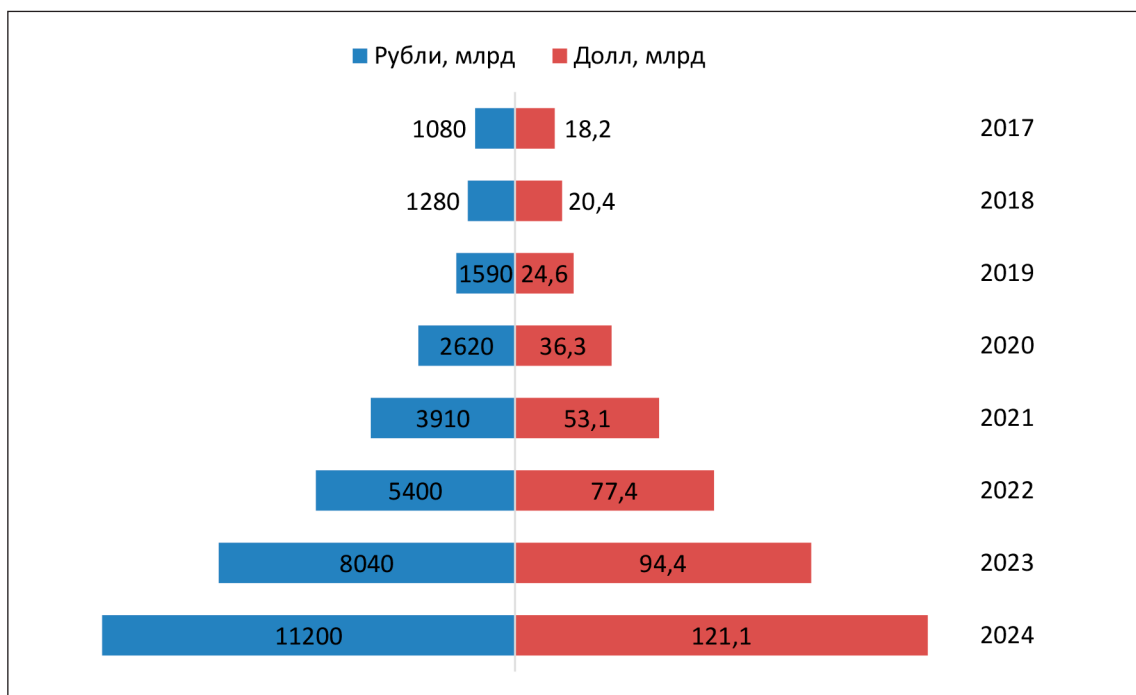
⁴ Интернет-торговля в России 2025 // Data Insight. [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2025 (дата обращения: 03.08.2025).

⁵ D2C (Direct-to-consumer) – модель продаж, при которой производитель товара продает его напрямую потребителю.

Ключевые рынки электронной коммерции

Показатели	Население, 2024 г., млн чел.	% захват интернета	Прогноз ВВП на душу населения, 2025, тыс.	Доля интернет-торговли в ритейле, 2024, %	Конечное потребление домохозяйств, 2024, млрд	Объем B2C интернет торговли, 2024, млрд
Китай	1418	77	\$ 13,9	36,8	\$ 6962	\$ 2500
США	346	97	\$ 89,7	16,3	\$ 18822	\$ 1210
Великобритания	69	95	\$ 54,3	26,1	\$ 1910	\$ 172
Япония	123	85	\$ 35,6	14,7	\$ 2365	\$ 163
Южная Корея	52	97	\$ 37,7	29,0	\$ 838	\$ 125
Россия	145	92	\$ 12	20,3	\$ 1006	\$ 122
Индия	1455	46	\$ 2,9	11,1	\$ 2152	\$ 109
Германия	94	92	\$ 57,9	14,9	\$ 2259	\$ 103
Индонезия	283	69	\$ 5,2	29,7	\$ 746	\$ 72
Франция	67	87	\$ 49,5	12,0	\$ 1628	\$ 68
Канада	40	94	\$ 55,9	7,9	\$ 1181	\$ 63
Италия	59	87	\$ 41,7	10,8	\$ 1340	\$ 52
Турция	87	86	\$ 16,9	16,6	\$ 664	\$ 50

Источник: составлено авторами по данным: Интернет-торговля в России 2025 // Data Insight. [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2025 (дата обращения: 03.08.2025).

Онлайн-продажи в России в 2024 г.

Источник: составлено авторами по данным: Интернет-торговля в России 2025 // Data Insight. [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2025 (дата обращения: 03.08.2025).

Российский рынок электронной торговли (рисунок) демонстрирует фундаментальный и необратимый сдвиг в потребительском поведении, превысив в 2024 г.

10 трлн руб. (\$100 млрд). Этот показатель является точкой невозврата, превращая e-commerce из дополнительного в основной канал розничной торговли. Крутой восходя-

ший тренд, особенно в 2020–2022 гг., подтверждает качественное изменение роли цифровых каналов, подкрепленное не только внешними шоками, но и сформировавшейся привычкой, доверием к онлайн-платежам и развитием логистики [12].

Рынок e-commerce, выросший с 1,8 млрд руб. в 2017 г. до 11,8 млрд руб. в 2024 г. на фоне волатильности традиционной розницы, доказывает свою антихрупкость. Он способен стать стабилизирующим фактором в периоды экономической нестабильности, обеспечивая непрерывность товарных потоков и свидетельствуя о тесной взаимосвязи с макроэкономикой.

Опережающий рост e-commerce относительно фискального и комплаенс-контроля создает «окно уязвимости», требующее упреждающего внедрения регуляторных новаций (например, закон о платформенной экономике). Высокие темпы роста, концентрация рынка и глобальная конкуренция обуславливают необходимость опережающей стратегии, ориентированной на диверсификацию, конкуренцию и прозрачные технологические решения.

Несмотря на преимущества, электронная коммерция сопряжена с серьезными угрозами, такими как уклонение от уплаты налогов (потери ОЭСР оцениваются в десятки миллиардов долларов ежегодно); отмывание денег (ФАТФ фиксирует использование C2C-платформ⁶ для нелегальных транзакций); мошенничество с платежами (в 2024 г. объем мошеннических операций с банковскими картами в России превысил 10 млрд руб. по данным ЦБ РФ; кибератаки (DDoS-атаки и утечки данных снижают доверие потребителей и приводят к убыткам компаний).

По мнению зарубежных ученых, инновационные технологии, такие как блокчейн, искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение, являются ключом к балансу между ростом e-commerce и необходимым уровнем контроля [2, 13]. Блокчейн предлагает децентрализованную фиксацию транзакций, исключая подделку данных (пример: контроль НДС в ЕС). Искусственный интеллект анализирует транзакции в реальном времени для выявления аномалий, а машинное обучение прогнозирует поведение клиентов и схемы уклонения от налогов. Финансовая прозрачность в e-commerce достигается через регулирование платежей, налогообложение, цифровую маркировку товаров и контроль персональных данных. Международный опыт демонстрирует, что комплексный подход к внедрению мер

является критически важным для достижения положительных результатов и предотвращения системных сбоев⁷.

Следует отметить, что успешные практики включают внедрение двухфакторной аутентификации в ЕС (снижение мошенничества с картами на 50%), российские онлайн-кассы и маркировку («Честный знак», выявление свыше 150 млрд руб. налогов), интеграцию платежных систем с госконтролем в Китае (Alipay, WeChat Pay) и автоматическую передачу данных о транзакциях в налоговые органы в Гане (e-VAT⁸, рост поступлений НДС более чем на 30%). Неудачные примеры демонстрируют последствия слабого надзора за платежной системой в случае Wirecard (банкротство), недостаточной защиты пользовательских данных Wildberries (утечки информации), массового перевода транзакций в электронный формат без защиты в Индии (всплеск фишинга) и отсутствия интеграции с банковским надзором в Кении (M-Pesa⁹, рост криминальных транзакций) [14].

Ключевым в российской практике является Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики», который закладывает правовые основы для маркетплейсов, обязывая обеспечивать прозрачность сделок, защиту прав участников и взаимодействие с налоговыми органами, снижая риски уклонения налогов и повышая доверие к цифровой торговле.

В России ФНС, ЦБ, Роскомнадзор и ФТС обеспечивают фискальную прозрачность, надзор за платежными системами, контроль обработки персональных данных и трансграничной электронной коммерции соответственно, однако утечки данных сохраняются. ЕС делает ставку на двухфакторную аутентификацию, защиту персональных данных и контроль финпосредников, что повышает прозрачность и доверие. В США FTC¹⁰, CFPB¹¹ и FinCEN¹² контролируют электронную

⁷ Мониторинг международных трендов правового регулирования для развития законодательства в сфере цифровой экономики в России // Институт экономической политики им. Е. Гайдара. 2025. № 4. № 7. URL: <https://www.iep.ru/numbers/> (дата обращения: 03.08.2025).

⁸ e-VAT (value added tax) – система электронного налога на добавленную стоимость.

⁹ M-Pesa – платежный сервис на базе мобильных телефонов в Кении.

¹⁰ FTC (Federal Trade Commission) – Федеральная торговая комиссия.

¹¹ CFPB (Consumer Financial Protection Bureau) – Бюро финансовой защиты потребителей.

¹² FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network) – Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями (в составе Минфина США).

⁶ C2C (Consumer-to-consumer) – модель продаж, при которой одно частное лицо продает товары другому.

коммерцию, защищают потребителей и борются с отмыванием денег¹³.

Сравнительный анализ демонстрирует, что успешное обеспечение финансовой прозрачности в электронной коммерции требует сочетания государственного контроля, цифровых технологий и развитого правового поля. Недостаточная защита данных, как показывает опыт России, и отсутствие системного регулирования, напротив, приводят к негативным последствиям. Ключевую роль в этом процессе играют профильные органы (ФНС, ЦБ, Роскомнадзор, ФТС в РФ; ЕБА¹⁴, Еврокомиссия, ESMA¹⁵ в ЕС; FTC, CFPB, FinCEN в США) и качество правовой базы.

Россия делает ставку на цифровизацию налогового контроля (онлайн-кассы, маркировка), что эффективно для фискальной прозрачности, но слабо защищает персональные данные. ЕС акцентируется на кибербезопасности и защите данных (PSD2, GDPR), в результате чего произошло снижение уровня мошенничества и повышение доверия к e-commerce. США опираются на многоуровневую систему регуляторов, где FTC и CFPB фокусируются на защите потребителей, а FinCEN – на AML¹⁶, что представляет собой баланс между развитием рынка и безопасностью.

Таким образом, мировая эмпирика подтверждает, что цифровизация налогового администрирования (электронные счет-фактура и отчетность в режиме, близком к реальному времени) уменьшает потери по НДС и повышает финансовую прозрачность; при этом регуляторы фиксируют новые профили рисков в быстрых платежах, что обуславливает необходимость технологических мер комплаенс [15].

Заключение

Достигнув в 2024 г. объема свыше 10 трлн руб., российский рынок электронной коммерции, где доминируют Wildberries и Ozon с более чем половиной всех онлайн-продаж, сталкивается с ужесточением государственного регулирования. Внедрение систем маркировки, цифровых касс и обязательной отчетности, а также принятие в 2025 г. закона о платформенной экономике

задают новые стандарты взаимодействия участников. В то время как Россия фокусируется на фискальном контроле и маркировке, международный опыт показывает иные приоритеты: ЕС делает акцент на защите пользователей и кибербезопасности, а США – на многоуровневом регулировании, включающем права потребителей и AML. Эти новые регуляторные рамки призваны минимизировать значительные риски, связанные с электронной коммерцией, такие как уклонение от налогов, отмывание денег, платежное мошенничество (объем которого в России в 2024 г. превысил 10 млрд руб.) и кибератаки. Важнейшим условием устойчивого развития сектора является финансовая прозрачность, для достижения которой международный опыт демонстрирует эффективность комплексных мер регулирования, что может быть успешно интегрировано в российскую практику. Технологии, включая блокчейн, искусственный интеллект и машинное обучение, предлагают перспективные решения для борьбы с мошенничеством и повышения доверия. В этих условиях бизнесу необходимо сосредоточиться на автоматизации финансового учета и использовании сертифицированных платежных систем, государству – на совершенствовании регулирования и международном сотрудничестве, а потребителям – на повышении цифровой грамотности.

Список литературы

1. Ряховский А.О. Инновационные подходы к стратегии развития в электронной коммерции // Инновации и инвестиции. 2024. № 5. С. 40–43. EDN: UTRHIF.
2. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin and Cryptocurrency is Changing the World. Penguin, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cointopsecret.com/wp-content/uploads/2022/01/Blockchain-Revolution-How-the-Technology-Behind-Bitcoin-and-Other-Cryptocurrencies-Is-Changing-the-World-by-Tapscott-Don-Tapscott-Alex.pdf> (дата обращения: 03.08.2025).
3. Фэн Ц. Инновационные стратегии российских e-commerce компаний в условиях глобальной конкуренции // Современное общество, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей III Международной научно-практической конференции (Пенза, 10 марта 2025 г.). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 44–48. EDN: RGTZLO.
4. Кириллов В.Н., Миллер Я.В. Глобальные цепочки создания стоимости в контексте новых вызовов развития мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 2. С. 86–97. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-2-86-97. EDN: OHNXEN.
5. Романов И.Г. Современные тенденции развития глобальных цепочек создания стоимости в мировой экономике // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2025. Т. 60. № 2. С. 106–125. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-6. EDN: TYDRIR.
6. Голованова С.В., Корнеева Д.В., Заяц С.А. Новые правила для конкурентной политики в отношении цифровых платформ: сравнительный анализ (Россия, США, Китай, ЕС) //

¹³ Мониторинг международных трендов правового регулирования для развития законодательства в сфере цифровой экономики в России // Институт экономической политики им. Е. Гайдара. 2025. № 4. № 7. URL: <https://www.iep.ru/ru/numbers/> (дата обращения: 03.08.2025).

¹⁴ ЕБА (Euro Banking Association) – Европейская банковская ассоциация.

¹⁵ ESMA (European Securities and Markets Authority) – Европейское управление по ценным бумагам и рынкам.

¹⁶ AML (Anti-Money Laundering) – противодействие отмыванию доходов.

Общественные науки и современность. 2023. № 5. С. 73–86. DOI: 10.31857/S0869049923050064. EDN: MQGZZE.

7. Шаститко А.Е., Курдин А.А., Филиппова И.Н. Мезо-институты для цифровых экосистем // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 61–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-61-82. EDN: EASJW.

8. Розанова Н.М. Конкуренция и монополия в цифровую эпоху // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 63–72. DOI: 10.31857/S086904990014000-2. EDN: OBBBSR.

9. Zhang Ch. Research on management of the e-commerce development in rural areas of China: problems and solutions // State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023. № 2. P. 288–294. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-288-294. EDN: DSMZLO.

10. Zagoruyko P.I. Transformation of the Global Economy: The Impact of E-commerce on Financial Flows // Сегодня и завтра российской экономики. 2023. № 118. P. 49–65. DOI: 10.26653/1993-4947-2023-118-04. EDN: XCAXFZ.

11. Todorovic S. E-commerce as strategy for market entrance // Экономика и предпринимательство. 2023. № 5 (154). P. 1462–1466. DOI: 10.34925/EIP.2023.154.5.292. EDN: LVQMVY.

12. Карахан Т.Е. Эволюция электронной коммерции и роль маркетплейсов в современной торговле // Экономические системы. 2025. Т. 18. № 2. С. 100–106. DOI: 10.29030/2309-2076-2025-18-2-100-106. EDN: PQDYLO.

13. Zhou F., Liu Y. Blockchain-Enabled Cross-Border E-Commerce Supply Chain Management: A Bibliometric Systematic Review // Sustainability. 2022. Vol. 14, Is. 23. P. 15918. DOI: 10.3390/su142315918. EDN: UUQMQR.

14. Обухова А.С., Беляева О.В., Булгакова А.А., Ершов Н.Ю. Тенденции управления электронной коммерцией в условиях цифровизации // Вестник Академии знаний. 2025. № 2 (67). С. 1126–1129. EDN: MKXIDG.

15. Heinemann M., Stiller W. Digitalization and cross-border tax fraud: evidence from e-invoicing in Italy // International Tax and Public Finance. 2024. DOI: 10.1007/s10797-023-09820-x. EDN: MPNHTC.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 339.97
DOI**ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В МИРОВОЙ
ЭКОНОМИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ****Платонова Е.Д. ORCID ID 0000-0003-2077-6108***Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»,
Россия, Москва, e-mail: chair.etm@bk.ru*

Цель статьи – выявить основные тренды в сфере прямых иностранных инвестиций мировой экономики и определить перспективы иностранного инвестирования в реальный сектор мировой экономики. Проанализированы эмпирические материалы, содержащиеся в международных отчетах Организации Объединенных Наций, Всемирного банка, Международного валютного фонда, рейтинговом списке 2025 Fortune Global 500, публикациях зарубежных и российских авторов. Методы исследования: общетеоретические методы (абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, единство логического и исторического, аналогия, сравнение), системный и сравнительный подходы, экономико-статистические методы, анализ тематической научной литературы, а также визуализация данных в графической форме. Показано, что в 2023–2024 гг. преобладающим трендом было общее снижение объемов прямого инвестирования в мировую экономику за исключением экономики Соединенных Штатов Америки и ряда стран с развивающимися рынками (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Центральной Америки, Африки). В 2024 г. цифровая трансформация мировой экономики послужила основным драйвером роста мировой экономики и обеспечивалась увеличением объемов прямых иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли, темпы роста которых опережали среднемировые. Значительно снизилось прямое инвестирование сфер мировой экономики, которые обеспечивают решение задач по достижению целей устойчивого развития наименее развитыми странами к 2030 г., кроме здравоохранения и образования. Перспективы выхода прямых иностранных инвестиций на восходящий тренд их роста зависят от нивелирования геополитических и геоэкономических рисков, повлиявших на их снижение в 2023–2024 гг., а также проведения разумной технико-технологической и социально-экономической политики всех субъектов инвестирования.

Ключевые слова: инвестиции, прямые иностранные инвестиции, мировая экономика, трансформация, цифровая экономика, цели устойчивого развития, темпы роста

**FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN THE WORLD ECONOMY:
CURRENT TRENDS AND PROSPECTS****Platonova E.D. ORCID ID 0000-0003-2077-6108***Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Moscow Pedagogical State University", Russia, Moscow, e-mail: chair.etm@bk.ru*

The purpose of the article is to identify the main trends in the field of direct foreign investment in the global economy and to determine the prospects for foreign investment in the real sector of the global economy. The empirical materials contained in the international reports of the United Nations Organization, the World Bank, the International Monetary Fund, the 2025 Fortune Global 500 rating list, and publications by foreign and Russian authors are analyzed. Research methods: general theoretical methods (abstraction, analysis and synthesis, induction and deduction, generalization, unity of the logical and the historical, analogy, and comparison), systemic and comparative approaches, economic and statistical methods, analysis of thematic scientific literature, and visualization of data in graphical form. It was shown that in 2023–2024, the prevailing trend was a general decrease in direct investment in the world economy, with the exception of the economy of the United States of America and a number of emerging market countries (Association of South East Asian Nations, Central America, and Africa). In 2024, the digital transformation of the world economy served as the main driver of global economic growth, driven by increased foreign direct investment in high-tech industries that grew faster than the global average. Direct investment in sectors of the world economy that contribute to achieving the Sustainable Development Goals by the least developed countries by 2030, excluding healthcare and education, has significantly decreased. The prospects for foreign direct investment to reach an upward trend depend on the mitigation of geopolitical and geo-economic risks that contributed to their decline in 2023–2024, as well as the implementation of reasonable technical, technological, and socioeconomic policies by all investment entities.

Keywords: investments, foreign direct investment, world economy, transformation, digital economy, sustainable development goals, growth rates

Введение

Значительное внимание международного экономического сообщества к проблематике прямых иностранных инвестиций (ПИИ) обусловлено той ролью, которую играют прямые вложения в реальный сектор мировой экономики, поскольку они

определяют не только динамику ее развития, но и обновленную конфигурацию, отражающую инновационные тренды в технико-технологической и социально-экономической основе.

В российской экономической литературе начиная с 2000-х гг. преобладали опти-

мистические ожидания, связанные с приходом западных инвесторов и иностранными инвестициями, которые должны были преобразовать отечественную экономику и вывести ее на качественно новый уровень, сопоставимый с технологическими лидерами (США, Западная Европа, Япония), а также обеспечить включение экономики страны в систему мирохозяйственных связей [1–3]. Однако в историческом аспекте в трансформационный период российская экономика не только не получила достаточный объем иностранных инвестиций, но и выступила инвестиционным донором для развитых стран [4, с. 270–275].

Санкционное давление коллективно-го Запада на российскую экономику, усилившееся с 2014 г., привело к угасанию и без того небольшого потока мировых иностранных инвестиций [5; 6]. Бегство большинства западных инвесторов с российского рынка позволило российским экономическим властям переоценить значение иностранных вложений и взять курс на импортозамещение в важнейших сегментах российской экономики. Вместе с тем при изменении неблагоприятного для России и стран с развивающимися рынками сценария в геополитической области современного миропорядка возможно привлечение прямых иностранных инвестиций в развитие ряда отраслей и территорий РФ. В этой связи поставлена **цель исследования** – выявить основные тренды в сфере прямых иностранных инвестиций мировой экономики и определить перспективы развития данной сферы мировой экономики.

Материалы и методы исследования

Проблематике ПИИ уделяют значительное внимание международные организации, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты ЮНКТАД ООН, регулярное обновление эмпирических данных о мировых инвестициях Всемирным банком, Международным валютным фондом (МВФ), аналитические материалы исследовательских центров (Международный институт управленческого развития (IMD), Fortune Global 500), зарубежные и отечественные периодические издания. Эмпирической основой исследования являлись материалы отчета Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) за 2025 г. «World Investment Report: International investment in the digital economy» (далее WIR2025)¹.

¹ 2025 World Investment Report: International investment in the digital economy. Сайт Конференции Организации объединенных наций по торговле и развитию. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

В исследовании применялись общетеоретические методы (абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, единство логического и исторического, аналогия, сравнение), системный и сравнительный подходы, экономико-статистические методы, анализ тематической литературы, а также визуализация данных в графической форме.

Результаты исследования и их обсуждение

В экономической литературе к позитивному влиянию ПИИ на национальную экономику авторы относят возможность, во-первых, передачи иностранными инвесторами высоких технологий своим дочерним или зависимым компаниям, работающим в экономике принимающей стороны; во-вторых, имплементации передовых методов организации и управления бизнес-единицами в рыночных условиях [7]; в-третьих, создания экспортно-ориентированного сектора экономики и приток иностранной валюты [8]; в-четвертых, увеличения числа высокотехнологичных рабочих мест и формирования профессиональных компетенций у сотрудников [9]. Эти положения, по мнению экономистов, нашли свое подтверждение в практике некоторых государств Юго-Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Сингапур, Малайзия и др.), которые воспользовались преимуществами ПИИ и обеспечили технологическую модернизацию экономики, рассматривая ПИИ как инструмент повышения ее конкурентоспособности [10–12].

По данным Всемирного банка, в период с 1970 по 2024 г. в мировой экономике наращивались объемы прямого иностранного инвестирования: если в 1970 г. ПИИ составляли 12,36 млрд долл. США, то в 2024 г. – 1,56 трлн долл. США. Достаточно стремительный рост объемов прямых инвестиций чередовался с их взлетом и падением: в 2007 г. – это 3,11 трлн долл. США, в 2018 г. – только 1,1 трлн долл. США². Эти процессы отражают турбулентность мировой экономики, которая усилилась с начала XXI в.

В WIR2025 отмечается позитивная роль ПИИ в качестве драйвера цифровой трансформации мировой экономики, которая выступает одним из основных трендов ее современного развития, а также оказывает влияние на динамику экономик многих стран мира. На данные факты и закономерности указывается в работах отечественных исследователей, в которых показывается взаимосвязь развития цифрового

² URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (дата обращения: 25.07.2025).

сектора экономики и ПИИ в странах АСЕАН [13], а также в странах Африки [14]. Содержательные аспекты WIR2025 продолжают тематику ежегодного отчета ЮНКТАД за 2024 г. «World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government», в котором подчеркивалась необходимость учета влияния цифровых решений на уровне государств и активизацию инвестиционного процесса в сфере цифровых технологий³. Однако в WIR2025 более развернута и определена роль цифровой экономики: «Цифровая экономика является важной составляющей мировой экономики и стала основной движущей силой глобального экономического роста»⁴. В следующем десятилетии по расчетам международных экспертов цифровая экономика будет обеспечивать более двух третей создания новой стоимости в мировой экономике, а ее ежегодный рост прогнозируется на уровне 10–12 %, что значительно выше общемировых темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП). Основными сферами ПИИ в процессе цифровой трансформации мировой экономики, по мнению авторов WIR2025, будут являться вложения в цифровое сельское хозяйство, цифровое высокотехнологичное производство, цифровой сервис.

Для оценки перспективных направлений ПИИ цифровую экономику целесообразно рассматривать в аспектах, во-первых, «узкой» цифровой экономики, представленной электронной коммерцией, платформенной и шеринговой экономикой, финтехом, искусственным интеллектом, автоматизацией процессов и сервисными услугами, цифровым контентом; во-вторых, «ключевой» цифровой экономикой, основанной на развитии электронно-цифрового оборудования и инфраструктуры (электроника, компьютеры и периферийные устройства, телекоммуникационное оборудование, интегральные схемы, программное обеспечение и центры обработки данных), а также цифровых услуг в области телекоммуникации, интернета и услуг передачи данных, облачных сервисов и других базовых цифровых услуг. Вместе взятые они составляют цифровую экономику в «широком» значении, ПИИ в которую обеспечивают экономический

прогресс и цифровую трансформацию мировой экономики в целом.

В процессе цифровой трансформации мировой экономики встает вопрос о субъектах ПИИ в цифровую экономику в «широком» значении. К их числу следует отнести представителей крупного транснационального бизнеса (ТНК), а также национальные и международные фонды прямых инвестиций, венчурные фонды, суверенные фонды благосостояния, благодаря вложениям которых в 2024 г. на 28 % выросла доля новых инвестиционных проектов (greenfield project), направленных на цифровую трансформацию экономик развитых и развивающихся стран, а их проектная стоимость превысила 360 млрд долл. США⁵.

Среди крупного транснационального бизнеса, занимающего верхние строки в рейтинговом списке 2025 Fortune Global 500, выделяются компании из Китая – State Grid, China National Petroleum, Sinopec⁶. Закономерно, что Китай и китайская провинция Тайвань являются, соответственно, первым и вторым по величине источниками цифровых инвестиций, что усиливает роль Азии как принимающей ПИИ стороне, так и их источника. Данный факт отмечается исследователями цифровизации экономики КНР, которые всесторонне рассмотрели уровень, факторы и перспективы применения цифровых технологий [15; 16, с. 157–167].

К числу относительно устойчивых трендов в области ПИИ относится значительная активность субъектов иностранного инвестирования, вкладывающих средства в страны с развивающимися рынками: в период с 2020 по 2024 г. развивающиеся страны привлекли более 530 млрд долл. США на новые инвестиционные проекты в сфере цифровой экономики. При этом почти 80 % цифровых новых инвестиционных проектов приходится на 10 стран во главе с Индией, Малайзией, Сингапуром. Кроме того, наблюдается растущая роль проектов «с инвестициями с нуля» (greenfield investment) по линии Юг – Юг в цифровую экономику в «широком» значении: их доля в общем объеме ПИИ возросла с 37 % в 2019–2022 г. до 40 % в 2023–2024 гг.⁷

Среди развитых стран инвестиционную активность в сфере цифровой экономики проявляли американские ТНК. Так, в 2024 г. компании QTS Realty Trust и Amazon.com объявили о новых инвестиционных про-

³ World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government. Сайт Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (дата обращения: 31.07.2025).

⁴ 2025 World Investment Report: International investment in the digital economy. Сайт Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

⁵ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

⁶ URL: <https://fortune.com/ranking/fortune500/2025/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁷ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

ектах по созданию крупных центров обработки данных (data centers и data processing) в Великобритании и Саудовской Аравии с объемами капиталовложений в 36,9 млрд долл. США⁸. Кроме того, информационно-коммуникационный гигант Microsoft повысил свои зарубежные активы более чем на 20 %, объявив о строительстве 10 новых центров обработки данных в Европе, в Бразилии и Индонезии.

Если в 2024 г. динамика вложений ПИИ в цифровую трансформацию мировой экономики показывала устойчиво восходящий тренд по объемам вложений, то в целом глобальные потоки ПИИ в мировой экономике сокращались второй год подряд: в 2023 г. потоки ПИИ снизились незначительно – на 2 %, а в 2024 г. – уже на 11 % с негативным прогнозом на 2025 г. Значительное сокращение потоков ПИИ наблюдалось в экономику развитых стран – в 2024 г. снижение составило 22 % по сравнению с 2023 г. По данным ЮНКТАД среди развитых стран резкое падение притока ПИИ в Европу (-58 %) контрастировало с ростом потоков ПИИ в Северную Америку (+23 %)⁹, что отражает геополитическую ситуацию утраты Европой своих экономических позиций в мире. Величина совокупных потоков ПИИ в страны с развивающимися рынками остались практически на прежнем уровне, несмотря на значительный рост стоимостных объемов ПИИ в африканские страны (+ 75 %), стимулировавшие положительную динамику развития цифровой экономики. Снижение ПИИ охватило экономику Китая, которая традиционно генерировала значительный объем иностранных инвестиций: в 2024 г. ПИИ упали на 27,1 % и составили 115,56 млрд долл. США¹⁰.

Вместе с тем, несмотря на слабый рост количества новых инвестиционных проектов в мировой экономике (+3 %), объемы финансирования цифровой экономики быстро росли (+107 %), включая производство полупроводников (+149 %)¹¹.

В настоящее время в мировой экономике наблюдается ситуация, когда сокращение потоков ПИИ не привело к падению других макроэкономических показателей, в частности валового внутреннего продукта и объема мировой торговли. Это

подтверждает отложенный эффект воздействия прямого инвестирования на мировой экономический рост. В определенной степени на данную ситуацию влияет производственная политика ТНК по перераспределению производственных мощностей в условиях нестабильной конъюнктуры на основных мировых продуктовых рынках. Определенное воздействие оказывают сделки по трансграничному слиянию и поглощению (M&A), которые определяют часть потоков ПИИ в развитые страны, которые в 2024 г. выросли на 14 %, достигнув 443 млрд долл. США¹². Однако эти объемы M&A значительно ниже среднего показателя за предшествующее десятилетие. ТНК все чаще останавливаются на M&A внутри национальных экономик, что отражает их стремление нивелировать геополитические риски и регуляторные барьеры, в том числе санкционные.

В WIR2025 особое внимание обращено на выявление трендов прямого иностранного инвестирования, связанных с достижением Целей устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 г., которые были объявлены в 2015 г. членами ООН.

В 2024 г. преобладал ярко выраженный негативный тренд в сфере ПИИ, которые должны обеспечивать достижение ЦУР в современном мире. Так, совокупная стоимость объявленных новых инвестиционных проектов и сделок по проектному финансированию достижения ЦУР в развивающихся странах снизилась на 27 %. Это снижение затронуло объемы прямого финансирования инфраструктуры (-35 %); возобновляемой энергии (-31 %); водоснабжения, санитарии, гигиены (-30 %); агропродовольственных систем (-19 %)¹³.

При этом в странах, отнесенных к наименее развитым странам (least developed countries), объемы ПИИ в новые инвестиционные проекты, направленные на достижение ЦУР, в 2024 г. упали на 93 % по сравнению с 2023 г. Это относится, прежде всего, к объемам финансирования проектов по обеспечению чистой и доступной энергией (-95 %), проектов в сфере телекоммуникации (-54 %), проектов по улучшению агротехники и ликвидации голода (-25 %). Однако к позитивным изменениям в сфере ПИИ относится увеличение объемов ПИИ в социальные проекты для стран с развивающимися рынками в сфере здравоохранения (+22 %) и образовании (+28 %). Рост ПИИ в социальные проекты для наи-

⁸ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeciainf2025d1_en.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

⁹ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁰ URL: https://insights.made-in-china.com/China-s-Economy-Report-Card-for-2024-GDP-Trade-FDI_HTZGgbkUFQlx.html (дата обращения: 30.07.2025).

¹¹ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹² URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

¹³ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

менее развитых стран в 2024 г. оказался еще более динамичным: прирост объема ПИИ в сферу здравоохранения для этой группы стран составил (+70%), а образования – (+104%) [7, с. 51]. Позитивная динамика ПИИ в здравоохранение и образование в этих странах свидетельствует о значительном потенциале роста ПИИ в отрасли ЦУР, реализация которого необходима для скорейшего сокращения отставания от планов ООН по достижению ЦУР к 2030 г.

Для определения перспектив выхода ПИИ на восходящий тренд их уверенного роста кратко выделим факторы, которые обусловили негативные тренды в сфере прямого иностранного инвестирования современной мировой экономики. Прежде всего, это беспрецедентная со времен холодной войны геополитическая напряженность, которая в экономической проекции выражается в ведении санкционных («пакетных») войн, что ограничивает свободу перемещения капитала, сужает экономическое пространство для прямых иностранных инвестиций, фрагментируя его и разрушая инвестиционный климат.

Исходя из представленных в WIR2025 данных, в 2024 г. происходили сложные и разнонаправленные процессы в мировой экономике, когда наблюдались нисходящие и восходящие тренды в сфере ПИИ. С одной стороны, имело место общее падение ПИИ на 11 % в мировую экономику, что замедляет достижение ЦУР к 2030 г., но, с другой стороны, устойчиво растут ПИИ в отрасли, обеспечивающие цифровую трансформацию мировой экономики, в том числе в странах с развивающимися рынками: с период с 2020 по 2024 г. эти страны привлекли в общей сложности 531 млрд долл. США в новые инвестиционные проекты в развитие цифровой экономики.

Географически, несмотря на резкое падение ПИИ в Европе (-58%), развитые страны благодаря Северной Америке генерировали положительную динамику ПИИ: приток ПИИ в США и Канаду вырос по сравнению с 2023 г. на 63 млрд долл. США, или на 23 %. Лидером развивающегося мира по притоку ПИИ выступает Африка (+75%), в то время как Азия и Латинская Америка с Карибским бассейном показывали негативные результаты: -12% и -3% соответственно.

В отраслевом разрезе более быстрыми темпами развивалась цифровая экономика в «широком» значении ввиду роста вложений ПИИ крупными международными компаниями, инкорпорированными в раз-

витых и развивающихся странах, в сферу производства ИКТ, цифровых услуг и полупроводников. В этом сегменте мировой экономики наблюдалась сверхвысокая концентрация цифровых ПИИ: в 10 развивающихся странах сосредоточено до 80 % объема ПИИ в цифровые проекты.

С международной позиции в 2024 г. отчетливо проявился негативный тренд в сфере ПИИ, которые направлены на достижение ЦУР, определенных ООН в «Повестке дня в области устойчивого развития» в 2015 г. Общие объемы ПИИ в отрасли ЦУР развивающихся стран снизились на 27 % по сравнению с 2023 г., а в наименее развитых странах – на 93 %.

Заключение

В настоящее время перспективы возврата к восходящему тренду развития сферы ПИИ мировой экономики во многом определяются нормализацией межгосударственных инвестиционных отношений и зависят от скорости нивелирования геополитических и геоэкономических рисков до приемлемого уровня. Вместе с тем мировая экономика находится на этапе технико-технологической модернизации и перехода на качественно новый технико-технологический уклад, требующий значительных венчурных вложений, дополнительных инвестиций в инновационные стартапы и вложений в человеческий капитал. В этой связи перспективы развития сферы ПИИ мировой экономики будут определяться разумной технико-технологической и социально-экономической политикой всех субъектов инвестирования.

Список литературы

1. Фишер П. Прямые иностранные инвестиции для России: Стратегия возрождения промышленности. М.: Финансы и статистика, 1999. 512 с. ISBN 5-279-02172-5.
2. Духаев А.Д. Сферы притяжения иностранных инвестиций в национальную экономику России // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2004. № 2. С. 90–97. EDN: IAFKRT.
3. Онгоро Т.Н. Прямые иностранные инвестиции в экономику развивающихся стран: опыт анализа западных теоретических оценок и международной статистики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов, 2006. 176 с. ISBN 5-7310-2119-8.
4. Платонова Е.Д. Современная теория и практика накопления (трансформационный аспект): монография. М.: Academia, 2006. 367 с. ISBN 5-8429-0196-X2.
5. Казанцев С.В. Санкции и прямые иностранные инвестиции: ущерб для России и стран-санкционеров // Мир новой экономики. 2020. № 14 (1). С. 44–53. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-1-44-53.
6. Арсанукаев С.А. Влияние санкционных ограничений на привлечение иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 6 (75). С. 41–47. EDN: VPWVGK.

7. Mamatkulov A.V. Foreign direct investment and Key growth theories // *Economy: Analysis and Forecasts*. 2021. № 3 (14). P. 105–108. EDN: QZBHLO.
8. Веселовский М.Я., Погодина Т.В. Прямые иностранные инвестиции как фактор технологического развития национальной экономики // *Вопросы региональной экономики*. 2020. № 4 (45). С. 226–232. URL: https://unitech-mo.ru/upload/files/science/problems-of-regional-economy/file/2020_4.pdf (дата обращения: 05.08.2025). DOI: 10.21499/2078-4023-2020-45-4-226-232.
9. Платонова Е.Д. Иностранные инвестиции в реальный сектор транзитивной экономики России: подходы инвесторов и направленность вложений // *Экономические науки*. 2017. № 149. С. 20–25. EDN: ZMZMYL.
10. Авдокушин Е.Ф. О сути и особенностях китайской экономической модели // *Вопросы новой экономики*. 2013. № 1 (25). С. 23–28. EDN: PWKSVX.
11. Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции стран Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия. М.: КноРус, 2018. 210 с. ISBN 978-5-4365-2537-2.
12. Торкунов А.В. О Центре АСЕАН и силе его притяжения // *Международная жизнь*. 2016. № 5. С. 26–45. EDN: VVGSIZ.
13. Митюшкина А.А., Тырква Х.В. Цифровой сектор экономики и прямые иностранные инвестиции: пример стран АСЕАН // *Вестник МИРБИС*. 2022. № 4 (32). С. 6–13. DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.4.1.
14. Приходько Д.В. Цифровизация в странах Африки и факторы ее сдерживающие // *Фундаментальные исследования*. 2024. № 2. С. 31–36. DOI: 10.17513/fg.43567.
15. Юань Кай. Цифровая экономика Китая: уровень и факторы развития // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2024. № 2 (78). URL: <https://eee-region.ru/article/7804/> (дата обращения: 07.08.2025). DOI: 10.24412/1999-2645-2024-278-4.
16. Трошинский П.В. Цифровая экономика и цифровизация современного Китая // *Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016–2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.): сборник трудов конференции (Москва, 21 апреля 2021 г.)* / отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2021. 312 с. ISBN 978-5-8381-0400-7.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 658.14.012:7.091.4
DOI

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ФЕСТИВАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Салынина С.Ю.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры», Россия, Самара,
e-mail: SalyninaSU@mail.ru*

Цель исследования состоит в определении перспектив использования современных моделей финансирования фестивальных проектов на примере фестивального движения Республики Кыргызстан. В статье рассмотрены фестивали как форма организации социальных и культурных событий, способ проводить масштабные культурно-массовые мероприятия. Выделены критерии организации и продвижения фестивальных проектов, одним из которых является обеспечение разнообразными источниками финансирования. Проведена оценка значимости государственного финансирования фестивальных проектов Кыргызстана на основе анализа доли бюджетного финансирования расходов на организацию и проведение фестивалей и распределения государственного финансирования фестивальных проектов по регионам Кыргызстана за 2024 г. Сформулированы достоинства и недостатки данной модели финансирования и предложены перспективные направления развития государственного финансирования фестивальных проектов. Проанализированы возможности применения в стране такой инновационной модели финансирования, как краудфандинг, приведены мировые примеры успешных краудфандинговых кампаний для фестивальных проектов. Уделено внимание другим современным моделям финансирования: спонсорство, меценатство и грантовая поддержка. Обосновано, что грамотное применение различных моделей финансирования способствует интеграции фестивалей в креативные кластеры регионов, закладывает основы для дальнейшей коммерциализации творческой продукции участников фестивалей и развития событийного туризма.

Ключевые слова: фестиваль, фестивальное движение, модели финансирования, финансирование фестивальных проектов, краудфандинг, спонсорство

MODERN MODELS OF FESTIVAL PROJECTS FINANCING

Salynina S.Yu.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Samara State Institute of Culture», Russia, Samara, e-mail: SalyninaSU@mail.ru*

The purpose of the research is to determine the prospects of using modern models of financing festival projects on the example of the Kyrgyzstan Republic festival movement. The article considers festivals as a form of organizing social and cultural events, a way to hold large-scale cultural and mass events. The criteria for the organization and promotion of festival projects are highlighted, one of which is the provision of various sources of funding. The significance of public funding of festival projects in Kyrgyzstan has been assessed based on the analysis of the share of budget financing of the costs of organizing and conducting festivals and the distribution of public funding of festival projects by regions of Kyrgyzstan for 2024. The advantages and disadvantages of this model of financing are formulated and promising directions for the development of public funding of festival projects are proposed. The possibilities of application in the country of such an innovative model of financing as crowdfunding are analyzed, global examples of successful crowdfunding campaigns for festival projects are given. Attention is paid to other modern financing models: sponsorship, patronage and grant support. It is substantiated that the competent application of various models of financing promotes the integration of festivals into creative clusters of regions, lays the foundation for further commercialization of creative products of festival participants and development of event tourism.

Keywords: festival, festival movement, funding models, funding of festival projects, crowdfunding, sponsorship

Введение

В современном мире фестивали играют значительную роль в социальной, культурной и экономической жизни общества. Фестивали способствуют развитию туризма, созданию рабочих мест, укреплению культурной идентичности и активизации местного бизнеса.

Одним из критериев организации и продвижения фестивальных проектов выступает обеспечение надежными и разнообразными источниками финансирования. Это могут быть не только государственные и частные

гранты, но и инвестиции, способные превратить фестивальный проект в самокупаемое мероприятие. Вторым критерием выступает грамотное маркетинговое планирование и непосредственная организация фестивального движения, что требует многоплановой управленческой деятельности, а именно профессиональной подготовки, знаний и соответствующих навыков не только в области культуры, но и в сфере экономики, предпринимательства, менеджмента, маркетинга.

В связи с тем, что финансирование фестивальных проектов является важным

аспектом развития государственной политики и экономики, рассмотрение существующих и потенциальных моделей финансирования фестивальных проектов приобретает особую актуальность.

Цель исследования – определение перспектив использования современных моделей финансирования фестивальных проектов (на примере фестивального движения Республики Кыргызстан).

Материалы и методы исследования

Фестиваль – форма организации социальных и культурных событий, способ проводить масштабные культурные мероприятия. Важность проведения фестивалей подтверждает тот факт, что сегодня некоторые из них включены в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. Фестиваль (фр. *festival* от лат. *festivus* – «праздничный») – массовое празднество. Фестивали зарождались в культуре обрядового народного праздника и стали активно развиваться в период урбанизации и глобализации. На сегодняшний день под фестивалем понимается показ или смотр достижений музыкального, театрального, эстрадного, циркового искусств, а также киноискусства [1, с. 107].

Фестиваль рассматривается в качестве одной из форм сохранения нематериального культурного наследия не только на уровне одного государства, но и мира в целом. Существуют международные организации, которые поддерживают фестивали, участвуют в развитии фестивального движения и повышении его качественного уровня:

- Европейская ассоциация фестивалей;
- Всемирная ассоциация фестивалей WAF;
- ЮНЕСКО.

С точки зрения маркетинговых стратегий большинство фестивалей отдают приоритет своей целевой аудитории, часто ориентируясь на привлечение зрителей и слушателей из среднего класса. Такой преднамеренный подход обеспечивает высокую посещаемость фестивальных площадок и позволяет проводить более эффективную маркетинговую кампанию [2, с. 38]. С другой стороны, сами фестивали выступают эффективным средством маркетинга дестинаций [3, с. 98].

Изучением теоретико-методологических и прикладных аспектов организации фестивального движения и его финансирования занимаются ученые Российской Федерации и Республики Кыргызстан: Б.К. Абытов, Р.Ш. Зайнулин, С.Ю. Салынина исследуют исторические аспекты организации фестивального движения [4–6]; труды Ю.В. Мысливцевой посвящены выявлению роли

фестивалей в современном общественном пространстве [1]; изучением вопросов общественного финансирования проектов в сфере культуры и искусства занимаются А.Я. Рубинштейн, В.Ю. Музычук [7]; М.М. Чотонов рассматривает процессы финансирования учреждений культуры и искусства Республики Кыргызстан в контексте разработки комплексной программы международного культурного сотрудничества [8]; особенности и преимущества краудфандинговых платформ в финансировании проектов описаны в статьях Е.Б. Стародубцевой, М.Б. Медведевой [9], анализом тенденций бюджетного финансирования сферы культуры Кыргызской Республики занимается С.Т. Байсубанова [10]; и др.

Тем не менее эти исследования не в полной мере раскрывают существо проблемы развития фестивального движения, а также в них недостаточно уделяется внимание рассмотрению теоретических вопросов общественного финансирования этого вида культурной деятельности, что подтверждает необходимость их дальнейшего обсуждения.

В своем исследовании автор использовал метод теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования, материалов периодической печати; метод системного анализа и синтеза; метод сравнения, метод графического представления данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Государственное финансирование фестивальных проектов играет значительную роль в поддержке и развитии культурного наследия, а также в экономическом росте и социальном развитии страны. В Кыргызстане государственное финансирование включает в себя предоставление средств на организацию, проведение и развитие фестивальных мероприятий, а именно:

- прямое финансирование, когда государство выделяет средства на определенные фестивали или проекты;
- косвенное финансирование, включающее налоговые льготы и субсидии для участников фестивалей;
- поддержка через государственные программы и инициативы, направленные на развитие культурного туризма и сохранение культурного наследия.

Все средства, выделенные для финансирования фестивальных проектов, проходят через Департамент культуры. Ежегодно в государственном бюджете Кыргызстана закладываются значительные суммы для финансирования культурных проектов, в том числе фестивалей. Общий объем финансирования сферы культуры республики Кыр-

Кыргызстан за период с 2022 по 2024 г. увеличился в 1,4 раза, составив в 2024 г. 7,5 млрд сомов или 1,7% общих расходов республиканского бюджета¹.

Преимущества государственного финансирования фестивальных проектов в Кыргызстане заключаются в следующем.

1. Стимулирование культурного разнообразия и творчества: государственное финансирование позволяет поддерживать фестивали, которые могут быть экономически нерентабельными, но важными с культурной точки зрения (например, фестиваль конных игр, фестиваль ловчих птиц, фестиваль национальных блюд).

2. Развитие инфраструктуры и экономического роста: фестивали могут привлекать туристов и стимулировать развитие инфраструктуры [11, с. 26–34] (на юге оз. Иссык-Куль фестивали за 2021–2022 гг. увеличили приток туристов более чем на 40%²).

3. Социальное взаимодействие и интеграция: фестивали способствуют обмену идеями, укреплению общественных связей и формированию национального самосознания.

Недостатки государственного финансирования фестивальных проектов в Кыргызстане выражаются в двух составляющих:

1) Риск неправильного распределения средств: государственное финансирование может быть направлено на проекты, которые не являются приоритетными с точки зрения культурного развития.

2) Бюрократические препятствия: процесс получения государственного финансирования может быть сложным, непрозрачным и длительным.

Кроме того, фестивали могут стать слишком зависимыми от государственного финансирования, что снижает их творческую свободу и инициативу.

В настоящее время перспективы развития государственного финансирования фестивальных проектов состоят в оптимизации, для которой необходимо:

– разработать четкие критерии и принципы распределения средств, в том числе между регионами, чтобы обеспечить справедливость и прозрачность процесса;

– стимулировать взаимодействие между государством, местными властями, организаторами фестивалей и обществом для

совместного развития культурного пространства;

– разработать механизмы содействия государственно-частному партнерству в сфере фестивальных проектов, чтобы привлечь дополнительные ресурсы и опыт проведения.

Информация о структуре государственных расходов на финансирование фестивальных проектов за 2024 г. в разрезе областей Кыргызской Республики представлена в таблице и на рисунке. Как видно, структура расходов на финансирование фестивалей коррелирует со структурой государственных расходов на финансирование социально-культурной сферы Кыргызстана, когда основной объем выделяемых средств приходится на Чуйскую область.

На современном этапе в Кыргызстане государственное финансирование на 50–90% покрывает такие фестивали, как:

– Нооруз (Бишкек) – 50%, остальное – за счет средств спонсоров;

– Фестиваль «Курак, терме, сайма и оймо» (Джалал-Абадская область) – 70%, остальное – за счет средств спонсоров;

– Фестиваль «Всемирные игры кочевников» (Иссык-Кульская область) – 89%, остальное – за счет средств спонсоров;

– Фестиваль национальных блюд (Джалал-Абадская область) – 80%, остальное – за счет средств спонсоров.

К сожалению, полноценной статистики по объемам / долям применения различных инструментов финансирования фестивальных проектов в республике не ведется. Открытая информация об объемах и структуре финансирования конкретных фестивалей содержится в новостных лентах информационно-аналитических порталов Кыргызской Республики.

С развитием интернет-технологий и социальных сетей появилось множество новых возможностей для появления и закрепления в Кыргызстане иных моделей финансирования социокультурных проектов. Одной из таких инновационных моделей стал краудфандинг, который представляет собой сбор средств на реализацию проекта с помощью интернет-платформ и привлечения массового внимания [9, с. 25].

Краудфандинг основан на принципе взаимопомощи и сотрудничества, когда участники сети вносят свой вклад в реализацию проекта, получая взамен определенные блага или услуги. Для фестивальных проектов в Кыргызстане можно использовать несколько видов краудфандинга:

– донейшн (пожертвования) – участники вносят пожертвования без ожидания материальных благ взамен;

¹ Сайт Министерства финансов Кыргызской Республики. Гражданский бюджет по республиканскому бюджету Кыргызской Республики на 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.kg/storage/files/shares/Post/Post-1117/documents/07f5b1a52585da21ec4fcd1495f1f1dc.pdf?ysclid=mg4t1cd16d626651618> (дата обращения: 02.09.2025).

² Сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Официальная статистика. Туризм. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/turizm/> (дата обращения: 02.09.2025).

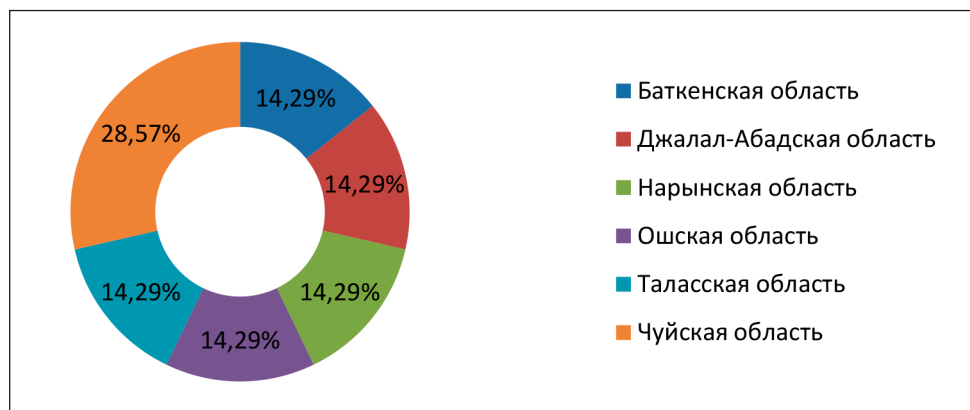
Распределение средств государственного финансирования сферы культуры
в разрезе регионов Кыргызской Республики за 2024 г.

Наименование регионов	Гос. расходы на финансирование соц.-культ. сферы		Гос. расходы на финансирование фестивалей	
	млн сом	% к итогу	тыс. сом	% к итогу
Баткенская область	387,6	1,52	500,0	14,28
Джалал-Абадская область	2174,5	8,54	500,0	14,29
Иссык-Кульская область	1503,2	5,90	–	14,29
Нарынская область	658,6	2,59	500,0	14,29
Ошская область	3131,6	12,29	500,0	14,29
Таласская область	552,9	2,17	500,0	14,28
Чуйская область	17068,4	67,00	1000,0	28,57
Всего	25476,8	100,00	3500,0	100,00

Источники:

1. Сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. Январь 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/271bfd29-a088-4a61-9c2c-7852762be366.pdf> (дата обращения: 02.08.2025);

2. Информационно-аналитический портал Report.kg. Общество [Электронный ресурс]. URL: <https://report.kg/obschestvo/2665-v-2024-godu-minkultury-profinansirovalo-7-festivalej-remeslennikov-na-35-mln-somov.html?ysclid=mg3f6s5egq984158487> (дата обращения: 02.08.2025)

Распределение государственного финансирования

фестивальных проектов по регионам Кыргызстана в 2024 г., % к итогу

Источник: Информационно-аналитический портал Report.kg. Общество [Электронный ресурс].

URL: <https://report.kg/obschestvo/2665-v-2024-godu-minkultury-profinansirovalo-7-festivalej-remeslennikov-na-35-mln-somov.html?ysclid=mg3f6s5egq984158487> (дата обращения: 02.08.2025)

– реворд (вознаграждения) – участники получают некоторые блага или услуги, связанные с проектом, взамен своего вклада;

– эквити (долевое участие) – участники вкладывают средства в обмен на долю в компании или проекте;

– лендинг (займы) – участники предоставляют займы проекту, ожидая возврата средств с процентами.

Стоит отметить, что в Кыргызстане краудфандинг может стать альтернативой традиционным источникам финансирования, таким как государственные субсидии,

спонсорские взносы или продажа билетов. Он позволяет привлечь внимание широкой аудитории и собирать средства даже для небольших и нишевых проектов, а также позволяет создать сообщество вокруг проекта и вовлечь людей в его реализацию, что может способствовать его успеху и долгосрочной устойчивости. Кроме того, краудфандинговые платформы предоставляют инструменты для продвижения проекта, что помогает привлечь дополнительное внимание и увеличить его известность. В настоящее время в пилотном режиме

краудфандинг в Кыргызстане тестируют на базе фестиваля Shamal.

Мировыми примерами успешных краудфандинговых кампаний для фестивальных проектов можно считать:

- фестиваль Burning Man: один из самых известных фестивалей, который ежегодно собирает тысячи участников в пустыне Невада, США. Организаторы фестиваля успешно применяют краудфандинг для финансирования различных арт-объектов и инфраструктурных проектов на территории фестиваля;

- фестиваль Glastonbury: крупнейший музыкальный фестиваль Великобритании также использует краудфандинг для сбора средств на реализацию экологических и социальных проектов, связанных с проведением фестиваля.

Краудфандинг представляет собой эффективный инструмент для финансирования фестивальных проектов, позволяя привлечь средства, вовлечь аудиторию и активизировать маркетинговые усилия. Однако для успешной реализации краудфандинговой кампании необходимо тщательно продумать стратегию, выбрать подходящую платформу и активно работать с аудиторией [12, с. 701].

Еще одной перспективной моделью общественного финансирования фестивальных проектов в Кыргызстане может стать грантовое финансирование. Гранты представляют собой безвозмездную финансовую поддержку, предоставляемую различными организациями, фондами и государством для реализации конкретных проектов. Получение гранта для фестивального проекта требует тщательной подготовки и представления заявки, в которой необходимо подробно изложить цели и задачи мероприятия, его концепцию, план реализации и прогнозируемые результаты. Ключевыми факторами успеха заявки на грант являются качество и актуальность представленного проекта, его соответствие требованиям и приоритетам донора, а также наличие четкого и реалистичного бюджета [13, с. 259–260].

В зависимости от источника финансирования и направленности проекта гранты могут быть разделены на следующие виды.

1. Государственные гранты: предоставляются различными уровнями государственной власти для поддержки культурных и творческих проектов, способствующих развитию региона или страны.

2. Международные гранты: предоставляются международными организациями и фондами для поддержки проектов, имеющих международное значение и способствующих сотрудничеству между странами.

3. Частные гранты: предоставляются частными фондами, корпорациями и благотворительными организациями для поддержки проектов, соответствующих их интересам и целям [7, с. 19].

В Кыргызстане грантовое финансирование фестивальных проектов осуществляют только международные фонды и организации, в частности Международный банк реконструкции и развития, Европейский банк реконструкции и развития, Фонд Ага-Хана. За счет этих грантов финансируются мероприятия для молодежи, а также для сохранения культурного наследия, в частности:

- международный джаз-фестиваль «Бишкек Джаз Весна» (Бишкек);

- фестиваль «Музыка без границ» (Бишкек);

- фестиваль историко-культурного наследия (Бишкек, Каракол);

- фестиваль «Каракол FEST» (Каракол).

Спонсорство выступает еще одной формой добровольного предоставления финансовых или материальных ресурсов компанией или частным лицом с целью поддержки определенного проекта или мероприятия. В обмен на поддержку спонсоры получают возможность привлечь внимание к своему бренду, увеличить клиентскую базу и укрепить репутацию [14, с. 95].

Спонсорство может быть разделено на следующие виды:

- финансовое – предоставление денежных средств на организацию и проведение фестиваля;

- техническое – предоставление оборудования, инфраструктуры или услуг, необходимых для проведения мероприятия;

- информационное – распространение информации о фестивале через средства массовой информации, социальные сети и другие каналы коммуникации;

- статусное – привлечение известных личностей или компаний в качестве почетных гостей или участников фестиваля, что может повысить престиж мероприятия и привлечь дополнительное внимание к нему.

В Кыргызстане в большей степени развиты техническое, информационное, статусное спонсорство со стороны крупных компаний и публичных личностей. Примерами выступают фестивали инновационного формата в сфере креативных индустрий CREATE4, Shamal, Кольфест. Информационными спонсорами славянского фестиваля Ивана Купала в Бишкеке традиционно выступают Российский центр науки и культуры в Бишкеке, Совет молодых российских соотечественников в Кыргызстане, Радио Спутник Кыргызстан и ХитФМ.

Меценатство как разновидность благотворительной деятельности реализуется главным образом в сфере культуры, науки, образования. В его основе лежит целенаправленная долговременная поддержка творческой личности или коллектива [15, с. 103]. В Кыргызстане меценатство в нерегулярной форме осуществляется со стороны частных лиц, чаще всего владельцев компаний. Такая форма финансирования реализуется в Чуйской и Иссык-Кульской областях. Меценатство не предполагает непосредственной выгоды для донора. В Кыргызстане часто меценаты финансируют проекты, которые соответствуют их интересам и ценностям. Добровольные взносы и пожертвования могут быть направлены на покрытие расходов на организацию мероприятий, а также на поддержку талантливых участников и развитие культурных программ.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что современные модели финансирования фестивальных проектов в Кыргызстане в основном построены на государственных ассигнованиях, спонсорстве, благотворительности и международных грантах. Перспективной моделью для страны можно считать краудфандинг, как эффективный и инновационный способ получения денег на реализацию культурных проектов. Важно помнить, что каждый проект уникален и требует индивидуального подхода к финансированию. Грамотное сочетание различных моделей и источников финансирования способствует интеграции фестивалей в креативные кластеры регионов, закладывает основы для дальнейшей коммерциализации творческой продукции участников фестивалей и развития событийного туризма.

Список литературы

1. Мысливцева Ю.В. Фестиваль в системе современной праздничной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 1. С. 107–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12835750> (дата обращения: 02.09.2025).
2. Меньшиков А. Разработка маркетинговой стратегии фестивального проекта // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2004. № 1. С. 37–46. URL: <https://grebennikon.ru/article-zh37.html> (дата обращения: 02.09.2025).
3. Кучумов А.В. Организация фестивалей и мероприятий для маркетинга дестинаций // Техно-технологические проблемы сервиса. 2023. № 2 (64). С. 97–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53931400/> (дата обращения: 02.09.2025).
4. Абытов Б.К. Русские востоковеды о кыргызах и Кыргызстане // Вопросы востоковедения. 2022. № 1. С. 4–15.

URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53805614> (дата обращения: 02.09.2025). DOI: 10.52754/16948653_2020_1_1.

5. Зайнулин Р.Ш. Развитие туризма на Великом шелковом пути как способ популяризации историко-культурного наследия Кыргызстана // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2009. Том 9. № 5. С. 43–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13227299> (дата обращения: 25.08.2025).
6. Салынина С.Ю. История зарождения и развития фестивального движения: от истоков до наших дней. В сборнике: Модернизация культуры: пространство, границы, переходы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Самара, 2024. С. 231–237. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=77069302> (дата обращения: 02.09.2025).
7. Культура и рынок. Опекаемые блага / Российская академия наук, Институт экономики РАН; под ред. А.Я. Рубинштейна, В.Ю. Музычук. СПб.: Алетейя, 2013. 396 с. (Библиотека Новой экономической ассоциации). ISBN 978-5-9940-0408-1.
8. Чотонов М.М. Международные связи и финансирование учреждений культуры и искусства Кыргызской Республики // Известия вузов Кыргызстана. 2016. № 3. С. 41–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26088238> (дата обращения: 25.08.2025).
9. Стародубцева Е.Б., Медведева М.Б. Краудфандинг как современная форма финансирования // Финансы и кредит. 2021. № 1. С. 22–40. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fc/detail.php?ID=76852> (дата обращения: 25.08.2025). DOI: 10.24891/fc.27.1.22.
10. Байсубанова С.Т. Анализ тенденций бюджетного финансирования сферы культуры Кыргызской Республики // Вестник Академии государственного управления при президенте Кыргызской Республики. 2018. № 25. С. 85–91. URL: <http://apap.kg/uploads/pdf/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B%D0%B8%D0%BA/2007-2019/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%8%D0%BA%20%E2%84%9625%202018.pdf>. (дата обращения: 15.09.2025).
11. Тимофеева Л.С., Ахметова А.Р., Галимзянова Л.Р. Фестивальный туризм: модель Татарстана // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1. С. 26–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/festivalnyy-turizm-model-tatarstana> (дата обращения: 02.09.2025).
12. Домнина С.В. Проблемы и составляющие развития фандрайзинга в сфере культуры // Экономика и предпринимательство. 2023. № 2 (151). С. 700–703. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53744301> (дата обращения: 25.09.2025). DOI: 10.34925/EIP.2023.151.2.132.
13. Сибгатуллина Р.Н., Соловьева Ю.В. Особенности формирования проектной заявки в грантовом конкурсе (на примере конкурса грантов Министерства по делам молодежи Республики Татарстан) // Материалы международной научно-практической конференции: Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. Казань, 2023. С. 258–264. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54393730> (дата обращения: 25.09.2025).
14. Лазарев Б.Н. Содержание и сущность использования современных тенденций концертного и фестивального менеджмента // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2024. № 4–2 (97). С. 94–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75211168> (дата обращения: 25.09.2025). DOI: 10.36871/2306-8329_2024_97_4-2_94.
15. Зайцева И.А. Инновационная проектная деятельность в сфере культуры. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2018. 160 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/cit_items.asp?publid=628317940 (дата обращения: 02.09.2025).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 336:368
DOI

ОЦЕНКА И СТРАХОВАНИЕ РИСКОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

^{1,2}Сугарова И.В. ORCID ID 0000-0002-6139-8548,

¹Кулумбегова Л.В. ORCID ID 0009-0002-0002-3993

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»,
Россия, Владикавказ;

²Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Владикавказский филиал, Россия, Владикавказ, e-mail: sugaririna@yandex.ru

Актуальность темы научной статьи обусловлена необходимостью совершенствования механизма оценки и страхования рисков. В современных экономических условиях роста рыночной сферы, усиления конкурентной борьбы, прогресса в области технологий появляется вероятность несоответствия фактически достигнутых результатов хозяйствующего субъекта запланированным целям. Цель работы – исследование механизма оценки и страхования рисков хозяйствующих субъектов с целью обеспечения устойчивости их бизнес-моделей. В статье обобщены требования, предъявляемые к экспертам, проводящим оценку рисков, а также компоненты, включаемые в современную парадигму системы оценки рисков. Отдельный акцент сделан на анализе ключевых показателей, отражающих динамику страховых рисков хозяйствующих субъектов. Отмечается, что оценка и страхование рисков являются ключевыми факторами успешного процесса бизнес-планирования, поскольку позволяют управлять потенциальными угрозами и возможностями, которые могут повлиять на достижение поставленных целей. Проанализированы научные труды отечественных ученых-экономистов, нормы действующего законодательства, статистические данные Центрального Банка и Федеральной службы государственной статистики. В статье использованы следующие методы научного исследования: анализ, сравнение, систематизация. В результате авторами сформулированы выводы относительно необходимости внедрения новых методов и подходов к оценке и страхованию рисков, способствующих хозяйствующим субъектам адаптироваться к быстро меняющимся внешним и внутренним условиям.

Ключевые слова: риск, хозяйствующий субъект, оценка рисков, страхование рисков, методы оценки риска, убытки

ASSESSMENT AND INSURANCE OF RISKS OF BUSINESS ENTITIES

^{1,2}Sugarova I.V. ORCID ID 0000-0002-6139-8548,

¹Kulumbegova L.V. ORCID ID 0009-0002-0002-3993

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education North Ossetian State University
named after K.L. Khetagurov, Russia, Vladikavkaz;

²Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education Financial University
under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz branch, Russia, Vladikavkaz,
e-mail: sugaririna@yandex.ru

The relevance of this scientific article stems from the need to improve risk assessment and insurance mechanisms. In today's economic environment, characterized by market growth, increased competition, and technological advances, there is a growing risk that the actual results achieved by an economic entity may not align with its planned goals. The aim is to study the risk assessment and insurance mechanism for economic entities to ensure the sustainability of their business models. The article summarizes the requirements for experts conducting risk assessments, as well as the components included in a modern risk assessment system paradigm. Particular emphasis is placed on the analysis of key indicators reflecting the dynamics of economic entities' insurance risks. It is noted that risk assessment and insurance are key factors in the successful business planning process, as they enable the management of potential threats and opportunities that may impact the achievement of goals. The article analyzes the scientific works of Russian economists, current legislation, and statistical data from the Central Bank and the Federal State Statistics Service. The article utilizes the following research methods: analysis, comparison, and systematization. As a result, the authors drew conclusions regarding the need to implement new methods and approaches to risk assessment and insurance that help economic entities adapt to rapidly changing external and internal conditions.

Keywords: risk, economic entity, risk assessment, risk insurance, risk assessment methods, losses

Введение

Оценка и страхование рисков хозяйствующих субъектов являются критически важным аспектом управления компанией в целях минимизации негативных возмож-

ных последствий, направленным на повышение конкурентоспособности и эффективности функционирования бизнеса, особенно в условиях изменчивости внешней среды [1].

Отметим, что риск – это возможность возникновения события, влияющего на достижение поставленных целей. При этом оценка и страхование рисков, возникающих в ходе выполнения бизнес-процессов и реализации проектов, являются необходимым элементом риск-менеджмента.

Цель исследования – изучение перспектив совершенствования системы оценки и страхования рисков хозяйствующих субъектов с целью обеспечения устойчивости их бизнес-моделей.

Материалы и методы исследования

При осуществлении исследования использовались документы и материалы Банка России, Федеральной службы государственной статистики, нормативно-правовые акты, Национальный стандарт Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили методы системного и структурного анализа, метод сравнения.

Результаты исследования и их обсуждение

Риск рассматривается авторами как многомерная категория, связанная с неопределенностью, которая может иметь негативное влияние на достижение целей хозяйствующего субъекта, а в конечном итоге обеспечивать устойчивость и успешность деятельности.

Реализация функций риска предполагает наличие необходимой организационной структуры, которая отвечает за управление рисками, мотивированность исполнителей, политики и процедур управления и т.д. [2, 3] (рис. 1).

Оценка рисков хозяйствующего субъекта – это сложная работа с высокими профессиональными требованиями, она требует от менеджеров распределять и регулировать человеческие и материальные ресурсы предприятия, а также разнообразные ресурсы, такие как фонды и информация, начиная с целостности развития предприятия, чтобы оптимизировать распределение ре-

сурсов и максимально использовать ресурсы предприятия в ограниченных ресурсах и среде, что принесет большую полезность и желание реализовать стремление к получению экономических выгод [4, 5].

Оценка рисков хозяйствующих субъектов предполагает использование различных методов оценки рисков (рис. 2).

На современном этапе одним из наиболее распространенных количественных способов оценки финансового риска хозяйствующих субъектов является VaR-методика (Value at Risk – «стоимость в зоне риска»), который наряду со своей собственной формулой расчета предполагает использование параметрического метода, метода исторического моделирования и метода Монте-Карло. Однако в зависимости от определяемого при проведении исследования уровня доверительной вероятности и временного отрезка получаемые результаты могут дифференцироваться. Как правило, при оценке указанных рисков используется период, равный одному календарному году. Существует зависимость: больший временной отрезок, исследуемый при проведении оценки, увеличивает вероятность ошибки.

Преимуществами VaR являются:

- универсальность (возможно применение к множеству различных финансовых инструментов);
- упрощенная интерпретация полученных результатов;
- унифицированность (в связи с широким распространением сформированы единообразные подходы к порядку проведения оценки, что создает возможности сравнения показателей между различными организациями).

К минусам использования показателя VaR можно отнести то, что не учитываются сценарии за пределами установленного порога (получения организацией существенных убытков) при наступлении маловероятных рисков: происходит «игнорирование «экстремальных» событий».

Рис. 1. Функции риска

Источник: составлено авторами по результатам данного исследования

Рис. 2. Методы оценки рисков
Источник: составлено авторами по результатам данного исследования

Компоненты современной системы оценки рисков

Компонент	Содержание
Идентификация рисков	Анализ и определение потенциальных рисков, которые могут повлиять на предприятие. Включает в себя как внутренние, так и внешние факторы, такие как экономические, политические, технологические, социальные и экологические угрозы
Оценка вероятности и влияние рисков на деятельность предприятия	Определение вероятности возникновения риска и его потенциального воздействия на предприятие. Это позволяет приоритизировать риски и определить, на каких из них необходимо сосредоточить основное внимание
Анализ уязвимостей	Оценка уязвимостей предприятия, которые могут усилить воздействие рисков и увеличить вероятность их возникновения
Оценка управляемости рисков	Анализ возможностей и эффективности мер по управлению рисками включает в себя оценку стоимости и сложности реализации различных стратегий по управлению рисками
Использование данных и аналитики	Использование данных и аналитических методов для более точного прогнозирования рисков и их воздействия на предприятие
Учет изменяющейся среды	Система оценки рисков должна быть гибкой и способной адаптироваться к изменяющимся условиям среды
Интеграция рисков в стратегическое управление	Риски должны рассматриваться в контексте стратегического управления предприятием и включаться в процесс принятия решений на всех уровнях управления
Мониторинг рисков	Система оценки рисков должна регулярно мониториться и обновляться с учетом изменений внешней и внутренней среды хозяйствующего субъекта

Источник: составлено авторами на основе [6].

Современная парадигма системы оценки рисков должна включать ряд компонентов (таблица).

Страхование рисков является ключевым фактором успешного бизнес-планирования, поскольку позволяет управлять потенциальными угрозами и возможностями, которые могут повлиять на достижение поставленных целей [7, 8].

Выявление особенностей страхования рисков хозяйствующих субъектов предпо-

лагает проведение анализа динамики ключевых показателей, отражающих их состояние в современных условиях.

Динамика страховых премий и выплат по страхованию рисков хозяйствующих субъектов представлена на рис. 3.

Страхование имущества – один из основных видов страхования рисков хозяйствующих субъектов. Динамика страховых премий по страхованию имущества юридических лиц представлена на рис. 4.

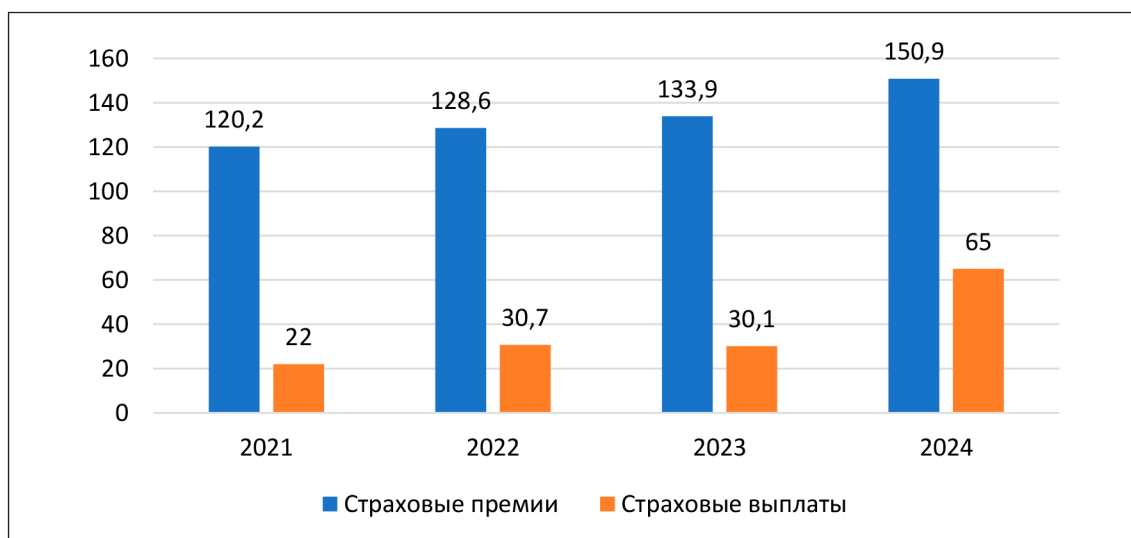

Рис. 3. Динамика страховых премий и выплат по страхованию рисков хозяйствующих субъектов Российской Федерации, млрд руб.
Источник: составлено авторами на основе [9]

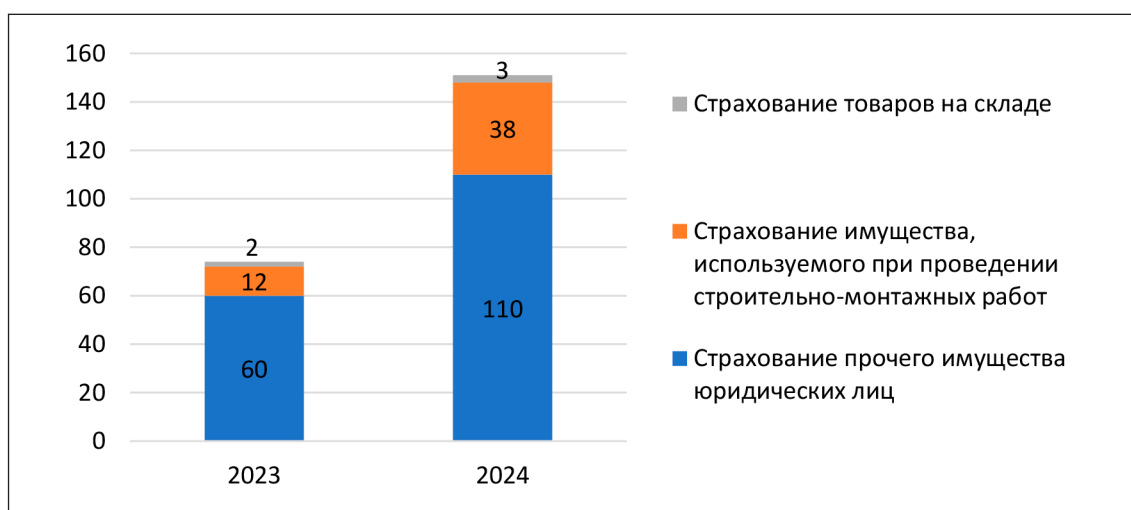

Рис. 4. Динамика страховых премий по страхованию имущества юридических лиц, млрд руб.
Источник: составлено авторами на основе [9]

Одним из видов страхования рисков хозяйствующих субъектов является обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда (рис. 5).

Цифровизация трансформирует бизнес-модели оценки и страхования рисков хозяйствующих субъектов, способствуя интеграции платформенных решений и экосистем, обеспечивая конкурентные преимущества. Оптимизация бизнес-процессов с использованием ERP, CRM, AI и Big Data ведет к автоматизации, снижению рисков и повышению управленческой эффективности (рис. 6).

С этой целью представляется необходимым усиление мероприятий по обеспечению сохранности сведений, угрожающих совершению несанкционированных переводов денежных средств хозяйствующих субъектов [12]. В отраслевом разрезе цифровая трансформация оказывает различное воздействие: в малом и среднем бизнесе она улучшает клиентские взаимодействия и расширяет рынок, в высокотехнологичных отраслях способствует автоматизации и разработке инновационных продуктов, а в финансовом секторе внедрение финтех-решений, искусственного интеллекта и блокчейна повышает прозрачность и безопасность операций.

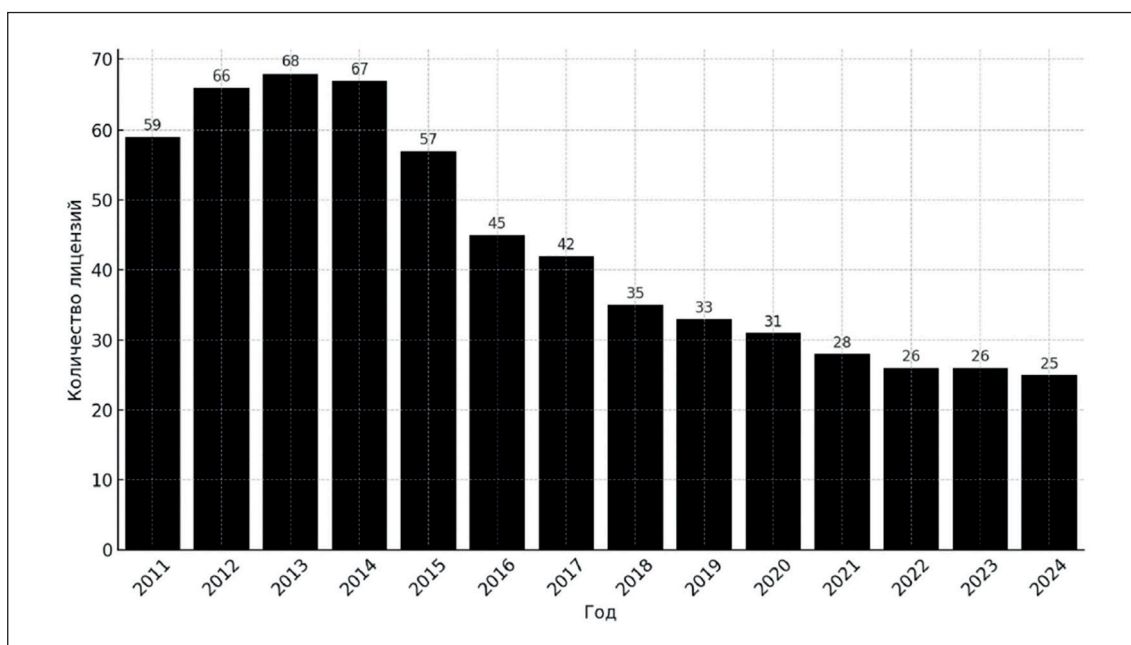

Рис. 5. Количество страховых компаний, осуществляющих ОСОПО с 2011 по 2024 г. [10]

Рис. 6. Расходы, связанные со страхованием рисков информационной безопасности [11]

Однако цифровизация сопряжена с рисками, включая киберугрозы, высокие затраты на внедрение, зависимость от IT-инфраструктуры и нехватку квалифицированных специалистов [13–15].

Заключение

В современных экономических условиях хозяйствующие субъекты сталкиваются со множеством рисков, негативно влияющих на их устойчивость. При этом оценка и страхование рисков имеют стратегическое значение в системе управления рисками. При осуществлении своей деятельности

хозяйствующим субъектам целесообразно применять комплексный подход, включающий в себя: идентификацию и оценку рисков, выбор оптимальных методов управления рисками, использование страхования там, где это экономически обосновано.

Список литературы

1. Гудиев Г.З., Сугарова И.В. Системные риски в банковской сфере // Экономические науки. 2024. № 235. С. 309–314. DOI: 10.14451/1.235.309.
2. Беспарточный Б.Д., Сафонова О.А. Управление рисками в системе экономической безопасности предприятий // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях: сборник научных

трудов Международной научно-практической конференции. В 2 т. (Курск, 06 февраля 2025 г.). Курск: Университетская книга, 2025. С. 83–85. EDN: LELGEO.

3. Попова Л.В. Система управления рисками на предприятии // Экономические и гуманитарные науки. 2024. № 1 (384). С. 86–94. DOI: 10.33979/2073-7424-2024-384-1-86-94. EDN: SJBAOM.

4. Толмачев А.А., Толмачева И.В., Чепкасова Е.А. Оценка финансовых рисков хозяйствующих субъектов // Вестник Московского международного университета. 2024. № 1. С. 302–308. EDN: ZDQGZA.

5. Коростелкин М.М., Васильева М.В. Теоретические и организационные вопросы оценки финансовых рисков в системе управления хозяйствующего субъекта // Экономические и гуманитарные науки. 2024. № 12 (395). С. 40–49. DOI: 10.33979/2073-7424-2024-395-12-40-49. EDN: WZFNNK.

6. Челак С.В. Анализ и оценка рисков // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 3. Т. 7. С. 243–249. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2024.03.07.029.

7. Гордя Д.В., Ковалюк С.А., Меркушина А.А., Фарафонов Е.А. Страхование как метод управления рисками в различных отраслях // Пространственное развитие территорий: сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции (Белгород, 28 ноября 2024 г.). Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. С. 400–404. EDN: AROEYN.

8. Зубарева В.А., Лефлер В.А. Страхование рисков: проблемы разграничения и правомерности // Столыпинский вестник. 2024. № 7. URL: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2024/07/20.pdf> (дата обращения: 12.10.2025). EDN: GTTYFC.

9. Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 30.09.2025).

10. Макаренко Е.А. Рынок обязательного страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов: риски и перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 9. Т. 5. С. 165–172. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2024.09.05.017.

11. Тургаева А.А. Активное применение страхования рисков информационной безопасности организации – устойчивое требование риск-менеджмента // Управленческий учет. 2024. № 3. С. 233–238. EDN: RNNAKU.

12. Кулумбегова Л.В. Информационная безопасность как фактор обеспечения стабильности национальной платежной системы // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2024. № 3. С. 179–185. DOI: 10.29025/1994-7720-2024-3-179-185.

13. Кучина О.В., Барабанова М.И. Управление рисками информационной составляющей экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Ученые записки Международного банковского института. 2024. № 3 (49). С. 138–153. EDN: MOMSMS.

14. Щедрина М.В., Мусаева Х.М. Диверсификация как фактор снижения рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Деловой вестник предпринимателя. 2024. № 4 (18). С. 123–125. EDN: HJFARX.

15. Кононенко Р.В., Сальников И.И., Пономаренко С.В. Управление рисками экономической безопасности предприятия на основе обеспечения информационной безопасности // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2025. № 2. С. 82–92. DOI: 10.21295/2223-5639-2025-2-82-92. EDN: VUASRO.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 336:331.5:332.02:332.05
DOI

САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ВЕКТОР БУДУЩЕГО: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Чудиновских М.В., Сербина Н.В., Гудосникова Ю.В., Янова Я.А.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный экономический университет», Россия, Екатеринбург,
e-mail: kuvaevayv@usue.ru*

В статье рассматривается феномен самозанятости как актуальное направление трансформации рынка труда в России, с акцентом на восприятие данного формата молодежью. Цель исследования заключается в анализе уровня осведомленности, мотивации, карьерных предпочтений и барьеров, связанных с выбором специального налогового режима для самозанятых. Эмпирической базой послужил анкетный опрос, проведенный в апреле – мае 2025 г. среди студентов Уральского государственного экономического университета (1041 чел.), охватывающий респондентов в возрасте от 18 до 35 лет. Методика исследования включала статистическую обработку анкетных данных с выделением возрастных и гендерных различий. Полученные результаты показали, что большинство молодых людей впервые узнают о самозанятости еще в школьные годы, но лишь 15,7% респондентов имеют официальный статус самозанятых. Основными преимуществами режима молодежь считает гибкий график, возможность самореализации и удаленный формат работы. Среди трудностей на первый план выходят нестабильность дохода и отсутствие социальных гарантий. Выявлено, что мужчины чаще связывают самозанятость с предпринимательскими перспективами, тогда как женщины склонны рассматривать ее как дополнительный источник дохода в сочетании с наемной занятостью. Авторы приходят к выводу, что самозанятость в восприятии молодежи выступает не столько альтернативой традиционному рынку труда, сколько инструментом гибкой адаптации и самореализации. Полученные данные могут быть использованы при разработке мер государственной политики, направленных на совершенствование условий для самозанятых и стимулирование молодежного предпринимательства.

Ключевые слова: самозанятость, рынок труда, студенческая среда, самореализация, карьерные предпочтения молодежи

SELF-EMPLOYMENT AS A VECTOR FOR THE FUTURE: INSIDE VIEW OF STUDENT LIFE

Chudinovskikh M.V., Serbina N.V., Gudoshnikova Yu.V., Yanova Ya.A.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State University
of Economics», Russia, Yekaterinburg, e-mail: kuvaevayv@usue.ru*

This article examines the phenomenon of self-employment as a significant trend in the transformation of Russia's labor market, focusing on young people's perception of this form. The aim of the study was to analyze awareness, motivation, career choices, and obstacles associated with selecting a special tax system for the self-employed. Data were collected through a survey conducted among 1,041 Ural State Economics students in April-May 2019. The research methodology included statistical processing of personal data, highlighting age and gender differences. The results showed that most young people first learn about self-employment during their school years, but only 15.7% of respondents have the official status of self-employed. Young people consider the main advantages of this regime to be a flexible schedule, the possibility of self-realization, and a remote work format. However, income instability and lack of social guarantees are among the difficulties. It has been revealed that men are more likely to associate self-employment with entrepreneurial prospects, while women tend to see it as an additional source of income combined with hired employment. The authors conclude that self-employment, in the perception of young people, is not so much an alternative to the traditional labor market, but rather a tool for flexible adaptation and self-realization. The data obtained can be used to develop public policy measures aimed at improving the conditions for self-employed people and stimulating youth entrepreneurship.

Keywords: self-employment, labor market, student environment, self-fulfillment, career preferences of young people

Введение

Современные российские реалии характеризуются ускоренным процессом перемен на рынке труда, вызванных рядом факторов: усиливающейся цифровизацией экономики, ростом автоматизации рабочих мест, изменениями в привычном укладе жизни и усилением конкуренции. Особенностью текущего момента выступает появление новых форм занятости, среди которых особое место занимает институт самозанятости.

На протяжении последнего десятилетия российское государство последовательно внедряет реформы, направленные на упрощение налогообложения и отчетности для малого бизнеса и фрилансеров. Ключевым этапом таких реформ стал запуск пилотного проекта по применению специального налогового режима для самозанятых («налог на профессиональный доход») в январе 2019 г. в четырех субъектах РФ (Москва, Московская область, Татар-

стан и Калужская область). Спустя год эксперимент распространили на все регионы.

Законодательные нововведения позволили многим гражданам официально зарегистрироваться в качестве самозанятых лиц, уплачивая минимальные налоговые ставки (4% с физических лиц и 6% с юридических лиц), что сделало этот формат привлекательным для широких слоев населения, особенно молодежи.

Важность изучения феномена самозанятости среди молодых россиян обусловлена несколькими причинами. Во-первых, молодое поколение зачастую проявляет высокую мобильность и адаптируется быстрее остальных возрастных групп к изменениям на рынке труда. Во-вторых, представители молодого поколения формируют новый образ жизни и ценностей, делая ставку на свободу творчества, самореализацию и личную ответственность. Наконец, молодые граждане становятся основой будущих кадров, и их восприятие моделей занятости влияет на формирование будущей структуры рынка труда и социально-экономического устройства страны.

Цель исследования – анализ уровня осведомленности, мотивации, карьерных предпочтений и барьеров, связанных с выбором специального налогового режима для самозанятых среди молодежи. В фокусе внимания находится восприятие самозанятости студентами как современной формы профессиональной самореализации и гибкой адаптации к изменениям рынка труда.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на территории Свердловской области в апреле – мае 2025 г. Работа выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Оценка влияния самозанятости на ситуацию на рынке труда Свердловской области» (договор № 11 от 17 марта 2025 г.; заказчик – ГАУ СО «ОЦТР и СТО»). В качестве основного метода сбора первичной социологической информации использовался анкетный опрос, реализованный в онлайн-формате с применением доступной (стихийной) выборки. Генеральную совокупность составила молодежь региона в возрасте от 14 до 35 лет. Объем выборочной совокупности – $N = 1041$ респондент, что обеспечивает репрезентативность данных при доверительной вероятности 95% и доверительном интервале $\pm 3\%$.

Основным инструментом исследования стала стандартизированная анкета, разработанная в Google Forms. Сбор эмпирических данных осуществлялся дистанционно посредством распространения гиперссылки

на анкету через каналы онлайн-коммуникации. Полученные данные прошли процедуру первичной статистической обработки и верификации, что обеспечило достоверность и корректность итоговых результатов.

Результаты исследования и их обсуждение

Тема самозанятости широко представлена в трудах отечественных исследователей. С целью оценки основных направлений исследования на первом этапе была составлена выборка научных статей по данным Научной электронной библиотеки (eLibrary). При отборе было использовано ключевое слово «самозанятость», указанное в названии, аннотации или ключевых словах статей. Всего были отобраны 2064 научные публикации.

Понятие «самозанятость» вошло в научный оборот сравнительно недавно: первые публикации датируются 1994 г. Одной из первых работ, индексируемых в РИНЦ, является статья Л.И. Огарковой и О.Г. Колосовой «К вопросу о женской занятости» [1]. Анализ динамики публикационной активности по теме самозанятости за период с 1994 по 2024 г. С 1994 по 2008 г. публикационная активность по теме самозанятости оставалась низкой и стабильной, составляя 1–2 статьи в год. Начиная с 2009 г. наблюдается значительный рост: с 12 статей в 2009 г. до 270 статей в 2024 г., с пиком в 2023 г. (318 статей). Таким образом, публикационная активность по теме самозанятости демонстрирует устойчивый рост с 2009 г., с резким увеличением после 2016 г. (85 публикаций в 2016 г. в сравнении с 55 публикациями годом ранее), что отражает возрастающий научный и общественный интерес к самозанятости, стимулированный законодательными инициативами и экономическими изменениями. Отметим небольшое снижение в 2024 г., что может указывать на временное насыщение темы или изменение фокуса исследований.

Анализ содержания наиболее цитируемых публикаций (200 источников) на тему самозанятости позволил выявить вклад различных исследователей в эту проблематику и сформировать авторскую позицию по данному вопросу:

1. Самозанятость и ее правовое регулирование: основное внимание правовому статусу самозанятых, формированию специальных налоговых режимов, проблемам легализации и регулирования их деятельности в России и за рубежом (А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская [2], И.В. Ершова, Е.В. Трофимова [3], Е.Ю. Цуканова, Е.А. Придатко [4] и др.).

2. Цифровая экономика и платформенная занятость: исследования сосредоточены на роли цифровых платформ, фриланса и интернет-рынков в развитии новых форм занятости, включая влияние технологий на трудовые отношения (Н.И. Глотова, Ю.В. Герауф [5], С.В. Шуралева [6], В.В. Верна, М.Н. Хойна [7] и др.).

3. Социально-экономические аспекты самозанятости: анализируются социальные, экономические и трудовые аспекты самозанятости, включая ее роль в сокращении безработицы и преодолении кризисов (К.И. Макаева, З.И. Гунзикова, К.А. Нусхаева, Е.Н. Джагнаева [8], И.И. Мухина, Д.Г. Миракян [9] и др.).

4. Неформальная и теневая занятость: исследуются проблемы теневого сектора экономики, неформальной занятости и пути их преодоления, включая налоговые и институциональные подходы (А.П. Киренко, М.О. Климова [10], Е.С. Кубишин [11], В.Б. Левитин [12] и др.).

5. Инновации и интеллектуальный капитал в занятости: фокус на роли человеческого капитала, инновационных трудовых практик и их влиянии на рынок труда, включая стартапы и высокотехнологичные проекты (О.А. Карпенко [13], Л.В. Левченко, О.А. Карпенко [14] и др.).

6. Региональные и сельские аспекты самозанятости: изучаются особенности самозанятости и предпринимательства в сельской местности и регионах, включая сельский туризм и локальные рынки труда (О.В. Ищук [15], А.Г. Иволга, Ю.М. Елфимова, И.Д. Шахрамьян [16], С.В. Борисов, Е.И. Роговский [17] и др.).

7. Отношение молодого поколения к самозанятости. Фокус на исследовании восприятия самозанятости представителями молодежи, которые находятся на старте карьеры; изучение их осведомленности в данном вопросе, ожиданий и готовности к самостоятельной профессиональной деятельности (Н.В. Сербина, М.В. Чудиновских, Ю.В. Гудошникова [18], Н.П. Касаткина, Н.В. Шумкова [19], М.Л. Груздева, У.М. Бокарюкина, А.Е. Булганина [20] и др.).

Сделаем еще несколько акцентов на содержании тематики публикаций, связанных с феноменом самозанятости. Есть мнение, что широкое развитие регулирования этого института, с фокусом на проведении налоговых реформ, имеет ряд преимуществ, основным является борьба с теневым сектором экономики. Так, К.А. Тучин и А.А. Зайцев называют создание специального налогового режима для самозанятых «инновационным подходом к борьбе с теневым рынком труда через легализацию

доходов людей, работающих в неформальном секторе» [21]. Г.Н. Семенова, соглашаясь со значимостью специального налогового режима в противодействии теневому сектору, делает акцент на необходимости более комплексного подхода, выходящего за рамки налогового законодательства [22]. По мнению Д.Л. Банниковой, государству стоит идти на диалог с сегментом самозанятых, создавая комфортные условия для их выхода из теневого сектора [23].

С.Р. Мустафина и А.А. Масалимова придерживаются, в свою очередь, следующего мнения: регулирование деятельности самозанятых в России ограничивается внедрением налоговых реформ, при этом не уделяется должное внимание определению правовой природы данного института [24], и в этой связи деятельность самозанятых не попадает под защиту гражданского и трудового законодательства, в связи с чем самозанятые лишены большинства социальных гарантий.

Тем не менее на данном этапе можно наблюдать активное развитие института самозанятости. А.Н. Покида и Н.В. Зыбуновская отмечают тенденцию рынка труда в повышении интереса к нестандартной занятости, характеризующейся мобильностью рабочих ресурсов, снижением зависимости работника от работодателя [2]. Авторы А.А. Джалаудинович, А.Д. Магомедовна, И.З. Руслановна выделяют ряд факторов, влияющих на повышение интереса населения к самозанятости: экономическая нестабильность, в связи с которой появляется необходимость поиска дополнительных источников дохода путем обращения к предпринимательской деятельности; технологические изменения и высокий уровень цифровизации экономики, позволяющие выполнять работу удаленно, и др. [25].

На фоне глобальных изменений как в экономической среде, так и в массовом сознании в целом появляется необходимость изучения места и роли молодежи на современном рынке труда. Н.П. Касаткина и Н.В. Шумкова в своих трудах подчеркивают «выявление степени выраженности роли молодежи как агента новых социальных практик» [19].

Проведенный анализ научных публикаций по теме самозанятости свидетельствует об устойчивом росте интереса российского научного сообщества к данной проблематике. Феномен самозанятости широко изучается отечественными исследователями, поэтому ключевые направления в данном вопросе нельзя однозначно категоризировать, однако можно выделить наиболее популярные аспекты. Ключевые направления

исследований включают правовое регулирование самозанятости, платформенную занятость и цифровую экономику, социально-экономические аспекты самозанятости, неформальную и теневую занятость, инновации и интеллектуальный капитал, региональные и сельские особенности самозанятости, а также изучение отношения молодежи к вопросу самозанятости. Динамика публикационной активности и разнообразие исследуемых вопросов подчеркивают актуальность темы и ее потенциал для дальнейших исследований.

Напомним, что исследование проведено методом анкетного опроса, направленного на изучение восприятия и опыта использования института самозанятости среди молодежи. Основной целевой аудиторией выступали студенты Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ) из разных регионов РФ, которые отражают интересы широкой возрастной категории (от 18 до 35 лет) и подтверждают репрезентативность опроса.

Внутри выборочной совокупности в количестве 1041 чел. отмечено разделение опрошенных по следующим возрастным группам:

- до 18 лет, 128 чел. (12,4%);
- от 18 до 24 лет, 617 чел. (59,9%);
- от 24 до 35 лет, 172 чел. (16,7%);
- старше 35 лет, 112 чел. (10,9%).

Около трех четвертей респондентов составили женщины (70,9%), а разделение по текущему статусу позволило сформировать три относительно равновесные целевые группы:

- обучающиеся в колледже составили 37,3 % от общей численности респондентов (385 чел.);
- работающие студенты, обучающиеся на очно-заочной и заочной формах обучения, – 34,3 % (354 чел.);
- студенты вуза очной формы обучения – 28 % (289 чел.).

Феномен самозанятости становится предметом пристального внимания со стороны исследователей в различных дисциплинах – от экономики и социологии до права и управления человеческими ресурсами. Самозанятость изучается как реакция на нестабильность традиционного рынка труда и одновременно как самостоятельный выбор, отражающий ценности нового поколения – стремление к свободе, гибкости и самореализации.

Классические основы анализа индивидуального труда были заложены Г. Беккером в концепции рационального выбора, где человек выступает как агент, стремящийся к максимизации личной полезности. Эти

подходы легли в основу современного понимания самозанятости как формы рационального распределения времени и ресурсов.

Зарубежные исследования связывают рост самозанятости с развитием цифровой платформенной экономики, где занятость становится все более гибкой и проектной. Молодежь, как наиболее адаптивная группа, активно выбирает фриланс, временную занятость и самозанятость как способ достижения жизненного баланса.

В российском научном дискурсе самозанятость рассматривается с разных сторон: как элемент неформальной экономики; как механизм адаптации к трансформации трудового рынка; как компонент цифровой среды. Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ указывает на то, что значительная доля молодых людей воспринимает самозанятость как стартовую площадку своей профессиональной траектории.

Гендерные различия также находят отражение в академических работах. Исследования показывают, что женщины чаще рассматривают самозанятость как временный или дополнительный источник дохода, тогда как мужчины склонны воспринимать ее как основной формат занятости.

Международный опыт, в том числе британская и шведская модели *self-employed*, показывает разнообразие подходов к регулированию и поддержке самозанятых. Эти сравнения помогают переосмыслить российскую практику и предложить пути ее совершенствования.

В итоге самозанятость предстает как многоаспектный феномен, в котором переплетаются экономические, социокультурные, правовые и психологические компоненты. Ее распространение среди молодежи отражает запрос на автономию, гибкость и смысл в профессиональной деятельности, что требует как научного осмысления, так и государственной поддержки.

Проведенное исследование авторами дало богатую пищу для анализа, позволив вскрыть ключевые аспекты отношения молодежи к феномену самозанятости и выделить ряд важных направлений для дальнейшего изучения.

Осведомленность и первый контакт. Прежде всего необходимо было оценить степень осведомленности респондентов о режиме самозанятости и понять, когда состоялось их первое знакомство с ним (получено и обработано 1035 ответов).

Большинство респондентов, около 60 %, впервые узнали о самозанятости еще в школе, а совершенно не были информированы о самозанятости на момент опроса всего 37 чел. – 3,6 % респондентов.

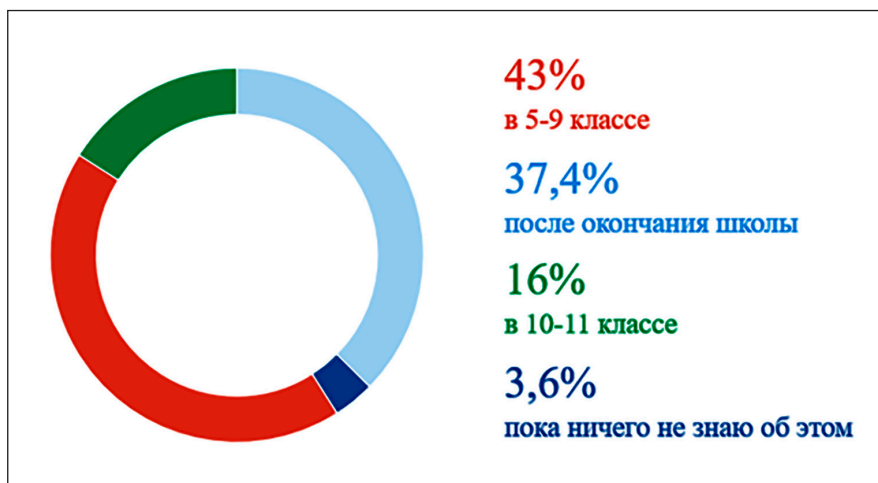

Рис. 1. Данные анкетирования при ответе на вопрос «Когда вы впервые узнали о самозанятости?»

Распределение по времени «узнавания» выглядит следующим образом:

- в 5–9 классах – 445 чел., что составляет 43 % опрошенных;
- в 10–11 классах – 166 чел., или 16% опрошенных;
- после окончания школы – 387 чел., или 37,4% респондентов.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что основная информация по самозанятости начинает поступать к молодежи во время обучения в школе на уровне основного общего и среднего общего образования (рис. 1).

Относительно гендерных различий стоит отметить, что если в 5–9 классах девочки-подростки знают о самозанятости немногим больше мальчиков (соответственно 34,7 и 24,1 % опрошенных), то к окончанию школы их осведомленность примерно выравнивается (45,6 и 48,3 % опрошенных). Таким образом, женщины чаще узнают о самозанятости в более раннем школьном возрасте, в то время как мужчины чаще узнают в старших классах или после школы. Женщины показывают тенденцию к более ранней осведомленности.

Уверен, что знает все об условиях работы самозанятых, каждый второй респондент. Об этом утверждает 571 чел., или 55,2% опрошенных. Оценили свои знания как частичные еще 362 чел., или 35% респондентов. Совсем не знающих о самозанятости оказалось меньшинство – 102 чел., или 9,9% опрошенных. Уровень осведомленности об условиях самозанятости одинаков у мужчин и женщин, гендерных различий выявлено не было. Учитывая, что в школьную образовательную программу объяснения

касательно специального налогового режима не входят, то источником информации в данном случае может выступать семья и близкое окружение подростков.

Отметим, что в экспертном сообществе в настоящее время существуют противоречивые мнения о том, насколько подростки готовы к бизнесу и стоит ли родителям восполнять эти знания. К примеру, одни представители психологической науки заявляют, что нецелесообразно раньше времени знакомить школьников с рынком, поскольку это может привести к их «зацикливанию» на зарабатывании денег, смещению акцентов с учебы. Эмпирические исследования отмечают преимущественно краткосрочное влияние программ предпринимательского образования и указывают на необходимость осторожного внедрения подобных практик в школьную программу [26]. Отечественные исследователи также отмечают, что ранняя коммерциализация образовательных практик влияет на формирование материальных установок у детей и подростков [27]. Другие авторы, напротив, поддерживают идею раннего выхода школьников на деятельность, приносящую доход. Представители этого подхода утверждают, что подростки часто идут в бизнес не ради денег (деньги – это дополнительный бонус), а для поиска себя, своей значимости и статусности в глазах окружающих одноклассников. Так, в работе Е.П. Ильина рассматриваются мотивационные аспекты творческой деятельности, включая стремление к признанию и статусу. Хотя основное внимание уделяется творчеству, многие из описанных мотивационных факторов также применимы к предпринимательской деятельности подростков [28].

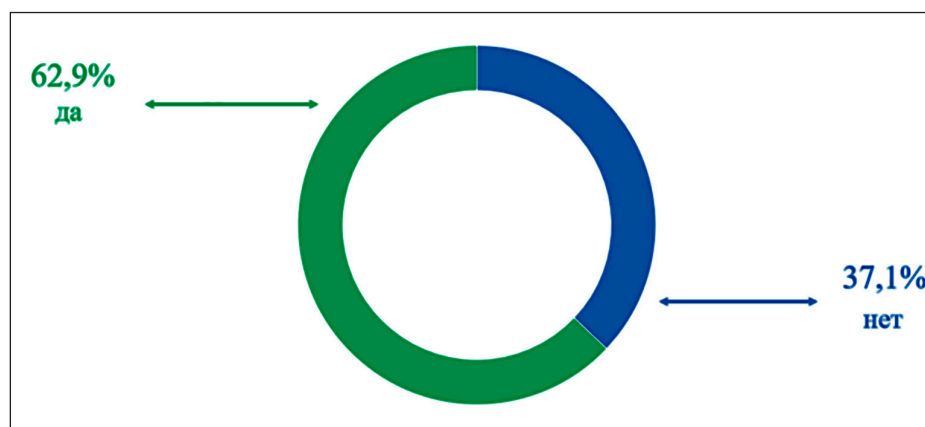

Рис. 2. Данные анкетирования при ответе на вопрос «Кто-нибудь из вашего близкого окружения работает в статусе самозанятого?»

Личный опыт и окружение. Как показало проведенное исследование (получен и обработан 1035 ответ), у подавляющего большинства респондентов статус самозанятого отсутствует (873 чел., что составляет 84,3% опрошенных). Лишь 162 чел. являлись на момент опроса самозанятыми (15,7%), при этом в ближайшем окружении этот статус имеют 650 чел. (62,9% принявших участие в анкетировании). Результаты подтверждают распространенность этой формы занятости и возможность получения респондентами информации из первых рук (рис. 2).

Исследование гендерных различий в ответах на данный вопрос позволяет сделать вывод о том, что, хотя большинство респондентов не оформлены как самозанятые, все же мужчины в незначительном большинстве случаев обладают официальным статусом плательщика налога на профессиональный доход, чем женщины. Наличие или отсутствие в близком окружении самозанятых у мужчин и женщин практически идентично, гендерных различий не выявлено.

Более детальное изучение показало, что среди имеющих статус самозанятых преимущественно молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет и от 24 до 35 лет, и лишь в единичных случаях – в возрасте до 18 лет. Это подтверждает предположение, что если школьники и знакомятся с режимом самозанятости во время обучения, то не торопятся приступать к профессиональной деятельности, как бы «наблюдая со стороны».

Отметим, что исследователи в области социологии и психологии труда проводят деление молодежи на две группы: «дети-творцы» и «дети-потребители» [29, 30]. Основное отличие между ними в том, что «потребители» рано начинают осозна-

вать, что купить можно практически все и не обязательно делать своими руками то, что другой может сделать лучше. Важно, что именно «потребители» подталкивают своих сверстников в занятия бизнесом, создавая спрос на их услуги и товары. А «творцы», в свою очередь, понимают, что они могут заработать. В результате, у подростков формируется разное отношение к деньгам и планированию своих расходов – все очень индивидуально. Однако первый полученный опыт уже помогает осознать, чего они хотят от жизни, а подработка на низкоквалифицированных работах летом подводит подростка к мысли, чем он точно не хочет заниматься и как этого избежать. Согласно данным ФНС России в конце февраля 2025 г. число несовершеннолетних самозанятых выросло на 54% и составило 146 тыс. чел., и это при том, что многие подростки занимаются самозанятой деятельностью без официальной регистрации, что несколько искажает статистику.

Занятие деятельностью, приносящей доход. В рамках такой постановки вопроса интересно было изучить возможность совмещения деятельности в формате самозанятости с работой в рамках трудового договора (получено и обработано 1032 ответа). При этом каждый пятый респондент указал работу в сфере услуг, 183 чел. (17,7%) отметили оказание бытовых услуг и репетиторство, 58 чел. обозначили свою деятельность в курьерской службе и логистике (5,6% опрошенных). В ходе опроса установлено, что значительная часть респондентов работают по трудовому договору (499 чел., или 48,4% опрошенных), остальные респонденты, 374 чел., в момент опроса никакой трудовой деятельностью, приносящей доход, не занимались (36,2%).

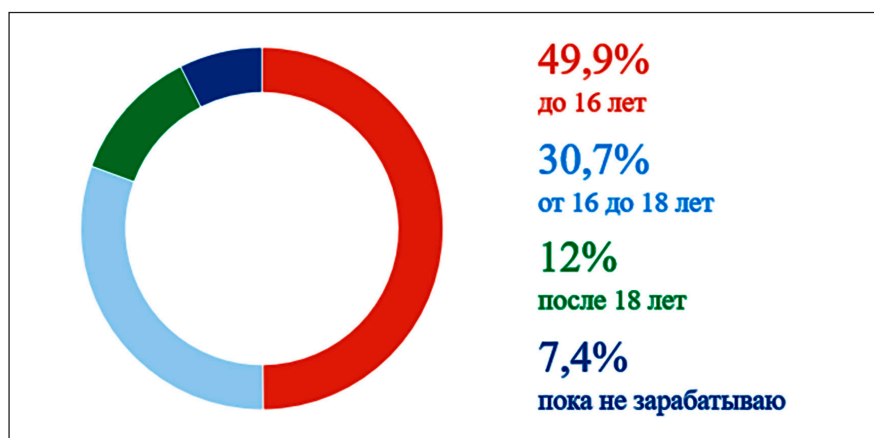

Рис. 3. Данные анкетирования при ответе на вопрос «В каком возрасте вы заработали первые деньги?»

Изучение гендерных различий в ответах на данный вопрос позволяет сделать вывод, что женщины чаще мужчин не имеют дохода от трудовой деятельности: отрицательные ответы были получены от 42,1% женщин и 36,2% мужчин. В число контингента, работающего по трудовому договору, вошли 60,9% женщин и 51,7% мужчин, то есть женщины чаще предпочитают этот формат оформления трудовой деятельности. По видам трудовой деятельности особых гендерных различий не выявлено, исключение составила лишь сфера доставки, в которой заняты преимущественно мужчины – 15,5% (занятость женщин в доставке составила всего 4,9%). Это может указывать на разные предпочтения в типах заработка или доступные возможности.

Начало занятия деятельностью, приносящей доход. Важным представляется определение возрастного диапазона, в котором молодые люди начинают зарабатывать свои первые деньги. Ответы были интересны с позиции ранней мотивации молодежи к занятию профессиональной деятельностью (получен и обработан 1031 ответ, рис. 3).

Практически каждый второй респондент получил опыт первого заработка в возрасте до 16 лет (514 чел., или 49,9% опрошенных). Вторую многочисленную группу составили респонденты которые получили такой опыт в возрасте от 16 до 18 лет (317 чел., или 30,7% опрошенных). И только 76 чел. отметили, что еще не занимались деятельностью, приносящей доход (7,4% опрошенных).

Гендерные различия в ответах на этот вопрос незначительные. Мужчины-респонденты, как правило, начинают зарабатывать первые деньги в более раннем возрасте, до 16 лет (62,9%) по сравнению с женщинами (52,2%). Женщины чаще начинают за-

рабатывать в возрасте от 16 до 18 лет (соответственно 30,1 и 23,3%) или после 18 лет (соответственно 12,3 и 7,8%).

Преимущества самозанятости. Анализ привлекательности режима самозанятости для молодежи важен, потому что именно эта группа формирует будущее рынка труда и определяет устойчивость социально-экономического развития. Учитывая прогнозируемую субъективность ответов, были предусмотрены восемь вариантов ответов, в том числе: свободный график; возможность самореализации; свобода / отсутствие начальства; низкие налоги; простота регистрации; возможность сотрудничать с цифровыми платформами и сервисами; легализация деятельности и возможность работать удаленно (рис. 4). Респондентам было предоставлено право выбрать три ответа. Получены и обработаны 1034 ответа, в результате чего стало понятно, что основным преимуществом является «свободный график» работы: его выбрали 889 чел. (86% опрошенных). Кроме того, в тройку лидеров по популярности вошли такие преимущества, как «возможность самореализации» (586 чел., или 56,7% респондентов) и «возможность работать удаленно» (531 чел., или 51,4% респондентов). На четвертом месте, с небольшим отставанием, оказалась возможность работы без начальства, самостоятельно (515 чел., или 49,8% респондентов).

К условиям, не относящимся к значимым преимуществам самозанятости, опрошенные отнесли легализацию деятельности (249 чел., или 24,1% опрошенных); простоту регистрации (218 чел., или 21,1% респондентов) и возможность сотрудничать с цифровыми платформами и сервисами (159 чел., или 15,4% респондентов).

Рис. 4. Данные анкетирования при ответе на вопрос «Каковы преимущества самозанятости для молодежи?»

Полученные результаты подтверждают информацию по проводимым ранее опросам молодежи по вопросам их карьерных устремлений. Свобода выбора вида и формата деятельности, баланс личного и рабочего времени и потребности в самореализации являются характерными ценностями поколения зумеров. Неслучайно именно это поколение, по данным ФНС России и федерального портала Самозанятые.РФ, составляет подавляющее большинство самозанятых в стране.

Отсутствие потребности в легализации деятельности тоже характеризует молодое поколение, которое живет по своим правилам и само выбирает для себя авторитеты. Для большинства молодых людей связь между их заработком и необходимостью отчислять часть денег государству в виде налога тоже далеко не очевидна. Потому среди самозанятых так много людей, работающих неофициально.

По гендерным предпочтениям на первом месте и для мужчин, и для женщин оказался «свободный график работы» (70,7% мужчин и 75,4% женщин). На второе место женщины поставили «возможность самореализации» (60,1%), тогда как мужчины – «свободу, отсутствие начальства» (46,6%). Третье место у мужчин заняла «возможность самореализации» (43,1%), у женщин – «свобода, отсутствие начальства» (57,1%). По остальным преимуществам зафиксированы незначительные расхождения.

Таким образом, гибкий график и отсутствие начальства выступают универсальными преимуществами для обоих полов. При этом женщины более ценят возможность самореализации и удаленного формата работы, что характеризует их стремление к балансу всех жизненных сфер и склонность к творческому самовыражению.

Трудности самозанятости. Именно степень сложности выбора налогового режима отражает, насколько доступным и понятным для молодежи является инструмент самозанятости, а значит, напрямую влияет на ее готовность легализовать доходы и формировать устойчивую занятость. Согласно устоявшемуся мнению по особенностям работы в статусе самозанятого, с опорой на экспертные оценки и результаты исследований рынка труда, в анкете был предусмотрен выбор из семи возможных ответов, в том числе: нестабильность дохода; отсутствие у самозанятых социальных гарантий; сложности с планированием своей деятельности (самоменеджмент); ограничение по доходу; высокая конкуренция; отсутствие социальной помощи (пособий) и отсутствие возможности работать в коллективе. Респонденты также были ограничены в своем выборе тремя ответами (получено и обработано 1024 ответа).

Список возможных трудностей возглавляет фактор нестабильности дохода самозанятого (833 чел., или 81,3% опрошенных, в том числе 81,9% мужчин и 80,6% жен-

щин). На втором месте – отсутствие социальных гарантий (отпуск, больничный и пенсия): их указали 710 чел., или 69,3% опрошенных (64,7% мужчин и 67,2% женщин). Для женщин отсутствие социальных гарантий значит немного больше, чем для мужчин. Замыкает тройку сложностей для самозанятого высокий уровень конкуренции – 402 чел., или 39,3% респондентов, в том числе 43,1% мужчин и 43,7% женщин).

Неочевидными трудностями оказались сложность личного планирования деятельности (263 чел., или 25,7% респондентов), ограничение по доходу (254 чел., или 24,8% респондентов), отсутствие рабочего коллектива (176 чел., или 17,2% респондентов). Отметим, что для женщин коллектив более важен, чем для мужчин: его отсутствие как недостаток указали 14,8% женщин и 10,3% мужчин.

В целом нестабильный доход и отсутствие социальных гарантий свойственны любой форме нетрадиционной занятости. Значимость для подавляющего числа опрошенных такого фактора, как стабильность дохода, указывает на их обеспокоенность отсутствием некой «подушки безопасности» на случай «провала» в профессиональной деятельности. Это скорее связано с внутренним ощущением беспокойства и страха работы на свободном рынке, чем с действительными рыночными реалиями. С этим же связан фактор отсутствия социальных гарантий: ничто не мешает самозанятому самостоятельно формировать свою пенсию и страховые взносы. Тем более что в числе мер по поддержке самозанятых, вводимых Правительством РФ содержатся мероприятия, связанные с включением самозанятых в программу социальных гарантий.

Предложения по улучшению условий. Выявление спектра предложений по улучшению условий для самозанятых позволяет определить меры, способные повысить привлекательность и устойчивость этого режима, стимулировать вовлечение молодежи и снизить социально-экономические риски. Респондентам были представлены пять возможных предложений для выбора, в которые вошли: предоставление самозанятым социальных гарантий; льготное кредитование; наличие организации по защите прав самозанятых; наставничество от успешных предпринимателей и освещение вопросов по самозанятости в рамках образовательных программ. Перечень предложений был разработан рабочей группой в ходе анализа актуальной информации по оценке успешности эксперимента со специальным налоговым режимом. В том числе был проведен

библиометрический анализ по вопросам самозанятости, изучены научные публикации, экспертные мнения, результаты социологических обзоров, информация с официальных источников и статистика (получено и обработано 1025 ответов).

Наиболее частым предложением закономерно стало предоставление самозанятым социальных гарантий (37% респондентов, или 307 чел., в том числе 44,8% мужчин и 45,4% женщин). Второе место по популярности заняли два предложения по наставничеству от успешных предпринимателей и включению материалов по самозанятости в учебные программы (21,3% респондентов (218 чел.) и 21,2% респондентов (217 чел.) соответственно). По данным предложениям гендерных различий не выявлено. На третьем месте – наличие организации по защите прав самозанятых (156 чел., или 15,2% опрошенных, в том числе 17,2% мужчин и 21,9% женщин). Замыкает перечень предложений услуга льготного кредитования самозанятых: ее выбрало 127 чел., или 12,4% респондентов, в том числе 23,3% мужчин и 20,5% женщин. Итак, в наличии гендерное единодушие относительно необходимости социальных гарантий, наставничества и образовательных программ.

Карьерные предпочтения молодежи. Именно они отражают ее ценности и ожидания, а значит, позволяют прогнозировать модели поведения при выходе на рынок труда и оценить, какие формы занятости будут наиболее востребованы в будущем. С учетом текущей демографической ситуации и кадрового дефицита рабочей силы отток молодежи в сектор самозанятости в перспективе может серьезно повлиять на хрупкий баланс спроса-предложения. Потребность производственных компаний Свердловской области в молодых кадрах остается довольно высокой, что требует пристального внимания как со стороны органов местного самоуправления, так и со стороны государства (получено и обработано 1034 ответа).

Оптимальным вариантом карьеры после окончания учебного заведения многие видят работу по трудовому договору (419 чел., что составляет 40,5% всех опрошенных). При этом гендерных различий в ходе исследования не выявлено. Чуть менее популярно совмещение работы по трудовому договору и самозанятости (249 чел., или 24,1% опрошенных). В данном случае уже зафиксированы определенные отличия: женщины более склонны к подобному совмещению (22,1%), чем мужчины (13,8%).

Значительная часть респондентов заявила о своих намерениях осуществлять

трудовую деятельность в качестве индивидуального предпринимателя или собственника бизнеса (289 чел., или 27,9% опрошенных), при этом мужчины планируют это чаще (37,1%), чем женщины (26,5%). Исключительно формат самозанятости выбрала незначительная часть респондентов (50 чел., или 4,8% опрошенных) при отсутствии особых гендерных различий.

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод о том, что, хотя работа по трудовому договору остается наиболее привлекательной для обоих полов, мужчины значительно чаще видят себя в роли индивидуальных предпринимателей или собственников бизнеса. Женщины, в свою очередь, чуть чаще склоняются к совмещению традиционной занятости с самозанятостью. Это может указывать на большую предпринимательскую амбициозность среди мужчин или более осторожный подход женщин к полной финансовой независимости через самозанятость. Судя по результатам, беспокойство по поводу массового ухода молодежи в самозанятость необоснованно. Большинство респондентов рассматривают ее как дополнительный источник дохода, возможно временного характера, ставя в качестве цели подобной трудовой деятельности закрытие текущих, актуальных финансовых планов и задач.

Что касается выявленной тенденции к предпринимательской деятельности, она находится в русле общероссийских тенденций. Согласно данным Министерства образования РФ, после окончания вуза открыть свой бизнес планируют около 40% выпускников. Планировать свой бизнес и заниматься своим бизнесом – это разные вещи: в ходе «естественного отбора» многие приоритеты выпускников могут и поменяться.

Будущее самозанятости. Этот вопрос был включен в анкету с целью анализа того, как молодежь воспринимает и оценивает данный формат трудовой деятельности в целом, а также для корреляции с данными, полученными в ходе ответов на предыдущие вопросы. Получено и обработано 926 ответов.

Относительно эксперимента по самозанятости (до 2028 г.) мнения респондентов разделились: продолжение эксперимента на прежних условиях поддержали 359 чел., или 38,8% респондентов. По этому предложению гендерных различий не выявлено, равно как и по предложению продолжить и улучшить условия для самозанятых (528 чел. или 57% респондентов). Незначительная часть опрошенных проголосовала за отказ от продления эксперимента в 2028 г. (39 чел., или 4,2% респондентов).

Определение самозанятости. Вопрос был нацелен на получение обобщающей информации по отношению молодежи к данному формату профессиональной деятельности. Он перекликается с другими вопросами и призван выявить отклонения в ответах респондентов. Учитывая, что вопрос формулировался как открытый, сами участники опроса формулировали для себя определяющие признаки / критерии самозанятости в субъективной интерпретации.

В результате было получено «облако» ключевых слов, с которыми ассоциируется специальный налоговый режим. Наиболее часто повторяются: «возможность», «свобода», «самореализация», «независимость», «способ заработать», «доход», «начало карьеры», «старт бизнеса». В целом полученные определения имеют выраженный позитивный либо нейтральный характер. Основные акценты связаны с независимостью и потенциалом / возможностями, которые дает самозанятость.

Ответы среди мужчин чаще сфокусированы на «возможности» (самореализоваться, заработать), «свободе» (выбора, действий), «пути к успеху/будущему», «старте в бизнесе». Некоторые упоминают «деньги», «доход», «выгодно», «круто». Есть и более прагматичные определения, такие как «оплата налогов с дохода». Ответы среди женщин часто содержат слова «свобода» (графика, выбора, действий), «возможность самореализации», «возможность работать удаленно». Чаще встречаются акценты на «саморазвитие», «независимость» (в том числе финансовая, от родителей), «новый опыт», «баланс между работой и учебой», «творческий потенциал». Некоторые видят это как «шанс» или «перспективу». Есть более осторожные определения, такие как «риски», «нестабильность», «сложность».

Заключение

По итогам проведенного исследования отметим, что самозанятость в современном российском обществе воспринимается молодежью как привлекательный и в то же время неоднозначный формат занятости. Результаты проведенного исследования подтвердили высокий уровень информированности студентов о специальном налоговом режиме и растущий интерес к гибким формам трудовой деятельности. При этом фактическое вовлечение в самозанятость остается ограниченным, а сама модель зачастую рассматривается не как основная, а как дополнительная форма занятости.

Основными преимуществами самозанятости для молодежи выступают свобода выбора графика, возможность самореализации

ции и работа в удаленном формате. Однако барьерами остаются нестабильность дохода, отсутствие социальных гарантий и высокая конкуренция. Гендерные различия проявляются в том, что мужчины чаще связывают самозанятость с предпринимательством, тогда как женщины склонны рассматривать ее как дополнение к традиционной занятости.

Таким образом, можно сделать вывод, что самозанятость является отражением трансформации ценностных установок нового поколения, ориентированного на свободу, гибкость и поиск возможностей для самореализации. Для государства актуальной задачей становится создание условий, минимизирующих риски и повышающих привлекательность данного формата, включая расширение социальных гарантий, образовательные инициативы и поддержку молодежного предпринимательства.

Список литературы

- Огаркова Л.И., Колосова О.Г. К вопросу женской занятости // *Личность – семья – общество: социальные проблемы, тенденции, прогнозы: материалы докладов на секциях областной научно-практической конференции* (Курган, 24 ноября 1994 г.) / Редколлегия: Н.М. Неупокоева, Т.Н. Смирнова, Р.П. Сысуева, В.В. Яперов. Курган: Курганская городская типография, 1994. С. 39–40. EDN: YNYCLF.
- Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 1. С. 60–85. EDN: PAXTQR.
- Ершова И.В., Трофимова Е.В. Самозанятость: реперные точки формирования правового режима // *Предпринимательское право*. 2017. № 3. С. 3–12. EDN: ZDDWVP.
- Цуканова Е.Ю., Придатко Е.А. К вопросу правового статуса самозанятых граждан // *Вопросы российского и международного права*. 2016. № 9. С. 196–203. EDN: XHPNKV.
- Глотова Н.И., Герауф Ю.В. Платформенная занятость – главный тренд развития рынка труда в современных условиях // *Экономика. Профессия. Бизнес*. 2021. № 4. С. 22–27. DOI: 10.14258/erb202151. EDN: FQPAJF.
- Шуралева С.В. Работники в «облаках»: влияние интернет-платформ на развитие трудовых отношений // *Трудовое право в России и за рубежом*. 2019. № 1. С. 15–18. EDN: YZSTR.
- Верна В.В., Хойна М.Н. Развитие платформенной занятости в Российской Федерации // *Сервис в России и за рубежом*. 2022. Т. 16. № 5 (102). С. 66–74. DOI: 10.5281/zenodo.7395087. EDN: MNMDPP.
- Макаева К.И., Гунзикова З.И., Нусхаева К.А., Джахаева Е.Н. Упадок, стабилизация и подъем самозанятости // *Факторы формирования человеческого капитала: анализ и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Калмыцкого государственного университета и 100-летию автономии Калмыкии* (Элиста, 28 ноября 2019 г.). Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2019. С. 15–16. EDN: YUDYJO.
- Мухина И.И., Миракян Д.Г. Самозанятость в России: современные тенденции и перспективы развития // *Социально-трудовые исследования*. 2021. № 3 (44). С. 21–31. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-44-3-21-31. EDN: FDGQBN.
- Кириенко А.П., Климова М.О. Самозанятость населения и теневой рынок труда в России // *Проблемы экономики* (Харьков). 2012. № 3. С. 8–14. EDN: QBZFXТ.
- Кубишин Е.С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 4. С. 521–534. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.8. EDN: HPCFYD.
- Левитин В.Б. Понятие незаконной самозанятости: уголовно-правовой и криминологический аспекты // *Российский следователь*. 2018. № 10. С. 41–45. EDN: UYRSOL.
- Карпенко О.А. Развитие человеческих качеств в современной системе образования // *Образование и социальная динамика: сборник научных трудов VIII международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Т.Н. Брысиной* (Ульяновск, 23–24 сентября 2022 г.) / Под ред. М.П. Волкова. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2022. С. 62–69. EDN: EUQCQO.
- Левченко Л.В., Карпенко О.А. Современные тенденции в развитии и накоплении интеллектуального капитала // *Экономические науки*. 2020. № 184. С. 20–25. DOI: 10.14451/1.184.20. EDN: HMBVYU.
- Ищук О.В. Формирование и использование кадрового потенциала на селе // *Экономико-математические методы анализа деятельности предприятий АПК: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Вавиловского университета* (Саратов, 21 апреля 2023 г.) / Под ред. С.И. Ткачева. Саратов: Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, 2023. С. 141–146. EDN: QDXPCA.
- Иволга А.Г., Елфимова Ю.М., Шахрамьян И.Д. Сельский туризм как перспективное направление самозанятости сельского населения // *Вестник Института дружбы народов Кавказа* (Теория экономики и управления народным хозяйством). *Экономические науки*. 2022. № 4 (64). С. 110–114. EDN: CGFCKZ.
- Борисов С.В., Роговский Е.И. Исследование особенностей организации малого и среднего предпринимательства в сельской местности // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2016. № 2 (136). С. 159–164. EDN: VQSPXB.
- Сербина Н.В., Чудиновских М.В., Гудошникова Ю.В. Самозанятая молодежь: масштабы, перспективы карьерных возможностей, ограничения // *Фундаментальные исследования*. 2024. № 10. С. 126–133. DOI: 10.17513/fr.43699. EDN: ZEDFKN.
- Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3 (157). С. 201–223. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600. EDN: MTLRBC.
- Груздева М.Л., Бокарюкина У.М., Булганина А.Е. Исследование отношения школьников Нижнего Новгорода к использованию услуг репетиторов // *Образование и проблемы развития общества*. 2020. № 3 (12). С. 121–127. EDN: OCUALS.
- Тучин К.А., Зайцев А.А. Самозанятость как инструмент противодействия теневому сектору экономики: недостатки и их решения // *Прогрессивная экономика*. 2025. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-kak-instrument-protivodeystviya-tenevomu-sektoru-ekonomiki-nedostatki-i-ih-resheniya> (дата обращения: 22.09.2025).
- Семенова Г.Н. Налог на самозанятость как способ выхода доходов из теневой экономики в России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalog-na-samozanyatost-kak-sposob-vyhoda-dohodov-iz-tenevoy-ekonomiki-v-rossii> (дата обращения: 22.09.2025).
- Банникова Д.Л. Роль самозанятости в общественной сфере современной России в условиях пандемии, санкций и изоляции // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-samozanyatosti-v-obschestvennoy-sfere-sovremennoy-rossii-v-usloviyah-pandemii-sanktsiy-i-izolyatsii> (дата обращения: 22.09.2025).

24. Мустафина С.Р., Масалимова А.А. Правовая природа и статус гражданина, зарегистрированного в качестве самозанятого // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4–2 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-i-status-grazhdanina-zaregistrirovannogo-v-kachestve-samozanyatogo> (дата обращения: 22.09.2025).
25. Айгумов А.Д., Амиралиева Д.М., Исраилова З.Р. Безработица и самозанятость: главные факторы и их влияние на экономику // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezrabotitsa-i-samozanyatost-glavnye-faktory-i-ih-vliyanie-na-ekonomiku> (дата обращения: 22.09.2025).
26. Smolka K.M., Geradts T.H.J., van der Zwan P.W., Rauch A. Why bother teaching entrepreneurship? A field quasi-experiment on the behavioral outcomes of compulsory entrepreneurship education // Journal of Small Business Management. 2024. Vol. 62, Is. 5. P. 2396–2452. DOI: 10.1080/00472778.2023.2237290.
27. Рындак В.Г., Снурицына Ю.М. Финансовая грамотность младших школьников: обзор международных программ // Современное педагогическое образование. 2024. № 7. С. 35–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-mladshih-shkolnikov-obzor-mezhdunarodnyh-programm> (дата обращения: 29.08.2025).
28. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности и одаренности. СПб.: Питер, 2012. 320 с. ISBN 978-5-4461-0271-4.
29. Калабихина И.Е., Ионцева С.В., Козлов В.А. Анализ моделей участия детей в процессах принятия решений по вопросам, затрагивающим интересы ребенка. М.: ЮНИСЕФ, 2010. 48 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://perm-deti.ru/wp-content/uploads/2016/08/Анализ-моделей-участия-детей-в-процессах-принятия-решений-по-вопросам-затрагивающим-интересы-ребенка.pdf> (дата обращения: 11.08.2025).
30. Якимова Е.В. Социология детства в десяти странах: результаты и перспективы (реферативный обзор спецвыпуска журнала Current Sociology) // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 142–149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-detstva-v-desyati-stranah-rezultaty-i-perspektivy-referativnyy-obzor-spetsvypuska-zhurnala-current-sociology> (дата обращения: 11.08.2025).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Оценка влияния самозанятости на ситуацию на рынке труда Свердловской области» (договор № 11 от «17» марта 2025 г., заказчик ГАУ СО «ОЦРТР и СТО»).

Financing: The study was conducted as part of the research project “Assessment of the Impact of Self-Employment on the Situation in the Labor Market of the Sverdlovsk Region” (contract No. 11 dated March 17, 2025, customer: State Autonomous Institution of the Sverdlovsk Region “Regional Center for the Development of Labor Resources and Social and Labor Relations”).

СТАТЬИ

УДК 332.1:338.48(470.43)
DOI

**РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
В КОНТЕКСТЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ**

¹Домнина С.В. ORCID ID 0000-0002-3805-5651,

²Вильгута О.Ф. ORCID ID 0000-0002-7531-6734,

³Рудык Н.В. ORCID ID 0000-0002-7469-0310

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный экономический университет»,
Россия, Самара, e-mail: swdomnina@mail.ru;

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет», Россия, Самара;

³Частное образовательное учреждение высшего образования
«Московский университет имени С.Ю. Витте», Россия, Москва

Целью данной статьи является обоснование теоретических и практических аспектов развития туризма в Самарской области на основе интеграции с креативными индустриями. Для достижения цели проанализированы теоретические подходы к определению и составу креативных индустрий и их роли в развитии туризма, оценено текущее состояние туризма в Самарской области, выявлены ключевые креативные индустрии региона, имеющие потенциал для развития туризма, разработан механизм взаимосвязей видов туризма с креативными индустриями, разработаны конкретные меры по стимулированию интеграции креативных индустрий в туристическую отрасль Самарской области. Новизна исследования заключается в том, что авторами представлен в графическом виде механизм взаимосвязей видов туризма с креативными индустриями, цель которого заключается в том, чтобы продемонстрировать мультимодальную схему взаимосвязей между типами туризма на территории Самарской области и креативными индустриями, обеспечивающими поддержку, сервисы и добавленную стоимость для каждого типа туризма. Схема отображает не только соответствие туристических продуктов и креативных секторов, но и конкретные инструменты или меры (контент, дизайн, цифровые решения, производство сувениров, мероприятия и т.п.), которые реализуют взаимодействие и формируют экономический и культурный эффект. Механизм взаимосвязей видов туризма и креативных индустрий в Самарской области заключается в том, что виды туризма формируют спрос на дизайн, медиа, IT и ремесла, при этом креативные индустрии создают продукты и сервисы, которые превращают ресурсы региона в конкурентоспособные туристические предложения и локальные источники дохода. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы анализа источников, методы графического и табличного представления данных, логический метод, статистические методы. Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что они могут быть полезны для туристических организаций, представителей органов власти, специалистов в области туризма. Сформированы практические рекомендации для усиления взаимодействия туризма и креативных индустрий на уровне региональной политики и проектов.

Ключевые слова: туризм, виды туризма, креативные индустрии, механизм взаимосвязей видов туризма с креативными индустриями, показатели эффективности взаимодействия туризма и креативных индустрий

**DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE SAMARA REGION
IN THE CONTEXT OF CREATIVE INDUSTRIES**

¹Domnina S.V. ORCID ID 0000-0002-3805-5651,

²Vilguta O.F. ORCID ID 0000-0002-7531-6734,

³Rudyk N.V. ORCID ID 0000-0002-7469-0310

¹Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Samara State University of Economics", Russia, Samara, e-mail: swdomnina@mail.ru;

²Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Samara State Technical University", Russia, Samara;

³Private educational institution of higher education
"Moscow University named after S. Yu. Witte", Russia, Moscow

The purpose of this article is to substantiate the theoretical and practical aspects of tourism development in the Samara Region through integration with creative industries. To achieve this goal, we analyzed theoretical approaches to the definition and composition of creative industries and their role in tourism development, assessed the current state of tourism in the Samara Region, identified key creative industries in the region with potential for tourism development, developed a mechanism for linking tourism types with creative industries, and developed specific measures to stimulate the integration of creative industries into the Samara Region's tourism sector. The novelty of the research lies in the graphical representation of the mechanism linking tourism types with creative industries, aimed at demonstrating a multimodal framework of relationships between the types of tourism being developed in the Samara region and the creative industries that provide support, services, and added value for each type of tour-

ism. The framework illustrates not only the correspondence between tourist products and creative sectors but also specific tools or measures (such as content, design, digital solutions, souvenir production, events, etc.) that facilitate interaction and generate economic and cultural impacts. The mechanism of interrelations between tourism types and creative industries in the Samara region indicates that the types of tourism generate demand for design, media, IT, and crafts, while creative industries produce goods and services that transform regional resources into competitive tourist offerings and local income sources. The research employs an interdisciplinary approach, combining source analysis methods, graphical and tabular data representation techniques, logical methods, and statistical methods. The practical significance of the findings lies in their potential utility for tourism organisations, government representatives, and tourism specialists. Practical recommendations have been formulated to enhance the interaction between tourism and creative industries at the level of regional policies and projects.

Keywords: tourism, types of tourism, creative industries, the mechanism of interconnections between types of tourism and creative industries, indicators of the effectiveness of the interaction between tourism and creative industries

Введение

Развитие туризма в Самарской области приобретает особую значимость в условиях современной экономики, где креативные индустрии (далее – КИ) выступают важным драйвером инноваций и конкурентоспособности региона и одной из крупнейших агломераций РФ – Самарско-Тольяттинской агломерации [1]. Интеграция культурных, творческих и технологических направлений способствует формированию уникального туристического продукта, привлекательного как для внутренних, так и для иностранных путешественников.

В научной литературе в последнее время стали появляться статьи, посвященные вкладу туризма в экономический рост страны. А. Thommandru, M. Espinoza-Maguiña, E. Ramirez-Asis, S. Ray, M. Naved, M. Guzman-Avalos считают, что туризм как отрасль вносит значительный вклад в экономический рост страны, предоставляя возможности трудоустройства широким слоям населения, а поддержка других сфер креативных индустрий дает дополнительный эффект (например, способствует сохранению культурного наследия страны, укреплению процесса национальной интеграции и др.) [2]. F. Sørensen, T.S. Grindsted в своей статье рассматривают, как сочетание различных подходов к устойчивому развитию, применяемых предпринимателями в сфере туризма, может препятствовать развитию продуктов природного туризма [3]. Кроме того, в статье предлагается аналитический подход, основанный на «ДНК устойчивости», для устранения ограничений, связанных с развитием туризма.

Имеются исследования, посвященные взаимосвязи между стратегиями развития креативного туризма, креативными индустриями и видами деятельности (N. Islam, S. Sadhukhan) [4].

J. Arcos-Pumarola, A.G. Paquin, M.H. Sitges изучают проблемы использования нематериального наследия и креативных индустрий в качестве туристического актива в развитии креативных городов, они пишут

в своей работе, что синергия между творческими индустриями и туризмом укореняется в культурном туризме [5].

M. Pourzakarya в своем исследовании разработала концепцию туризма, ориентированного на культурные и творческие индустрии. Ее исследование направлено на поиск возможного потенциала культурных и творческих индустрий в развитии сельского туризма [6].

Туризм рассматривается в научных работах как:

- сектор креативной экономики (С.К. Волков) [7];

- фактор формирования имиджа территории (А.А. Громов) [8];

- драйвер социально-экономического развития Самарской области (Н.В. Полянская, В.В. Каклюшкин) [9].

Д.В. Амелькина, М.С. Гусева, Н.Н. Калущкова в своей статье проводят оценку природных и экологических условий развития туристско-рекреационной деятельности в муниципальных районах Самарской области [10].

Научная проблема, на решение которой направлено данное исследование, – недостаточное использование потенциала креативных индустрий в развитии туризма в Самарской области.

Цель исследования – обосновать теоретические и практические аспекты развития туризма в Самарской области на основе интеграции с креативными индустриями, разработать механизм их взаимодействия.

Задачи:

- Проанализировать теоретические подходы к определению и составу креативных индустрий и их роли в развитии туризма.

- Оценить текущее состояние туризма в Самарской области.

- Выявить ключевые креативные индустрии региона, имеющие потенциал для развития туризма.

- Разработать механизм взаимосвязей видов туризма с креативными индустриями.

- Разработать конкретные меры по стимулированию интеграции креативных ин-

дустрий в туристическую отрасль Самарской области.

Новизна исследования заключается в том, что авторами представлен в графическом виде механизм взаимосвязей видов туризма с креативными индустриями.

Материалы и методы исследования

Объект: туризм в Самарской области.

Предмет: взаимодействие туризма и креативных индустрий в Самарской области.

Данное исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы анализа источников, методы графического и табличного представления данных, логический метод, статистические методы.

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что они могут быть полезны для туристических организаций, представителей органов власти, специалистов в области туризма.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие «креативные индустрии» остается предметом дискуссий, однако в общем смысле под ними понимается совокупность видов экономической деятельности, основанных на индивидуальном творчестве, талантах и способных создавать добавленную стоимость и рабочие места за счет производства и коммерциализации товаров и услуг, содержащих культурное или художественное содержание. В Концепции развития креативных индустрий под креативными индустриями понимаются сферы деятельности, в которых организации, индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и оказывают услуги, имеющие экономическую ценность, а также способствующие формированию гармонично развитой личности и росту качества жизни российского общества [1].

К креативным индустриям относятся следующие отрасли: ремесла, дизайн (в том числе графический), литература, мода, кино и анимация, телевидение и радио, фотография, настольные игры, музыка, музеи и галереи, издательская деятельность, СМИ, НИОКР, ПО и компьютерные игры, реклама, библиотеки и архивы, новые медиа и связь, культурно-историческое наследие, исполнительское искусство, развлечения и отдых, авторское право, образование, ювелирное дело, изобразительное искусство, архитектура, инженерия, туризм, спорт, гастрономия и др.

Ключевыми характеристиками креативных индустрий являются:

– Уникальность, оригинальность. Продукты и услуги креативных индустрий отличаются высокой степенью индивидуализации и основываются на оригинальных идеях, что делает их особенно привлекательными для туристов, стремящихся к аутентичному опыту (например, посещение мастер-классов ремесленников, знакомство с местной кухней и т.д.).

– Интеллектуальная собственность. Защита интеллектуальной собственности стимулирует создание качественного и уникального контента, который может быть использован в туристических продуктах, например в создании тематических парков, проведении фестивалей и т.д.

– Зависимость от цифровых технологий, которые играют ключевую роль в продвижении туристических направлений, предоставлении информации и бронировании услуг, а также позволяют создавать новые формы туристического опыта (например, виртуальные туры).

Как показывают результаты исследований Агентства стратегических инициатив, вклад креативных индустрий в экономику России составляет около 5 %, при этом вклад IT отрасли составляет около 60 % всего сектора креативных индустрий [11, с. 98]. При этом Самарская область с диверсифицированной экономикой имеет потенциал развития креативных индустрий выше среднего [11, с. 104], занимая 62-е место в рейтинге субъектов РФ по оценке вклада креативных индустрий в ВРП (вклад в ВРП – 4,7 %) [11, с. 111], 9-е место по количеству организаций, работающих в данной сфере [11, с. 114], и 8-е место по среднесписочной численности сотрудников данных организаций [11, с. 118]. А Сергиевский муниципальный район Самарской области занял 11-е место по вкладу КИ в ВМП среди всех муниципальных образований РФ [11, с. 121], опередив по данному показателю региональный центр (7,1 % против 6,9 %) [11, с. 458]. Всего в креативных индустриях Самарской области задействовано 9,3 % от всех организаций региона, 3,8 % от всей численности сотрудников региона и 1,4 % от выручки всех организаций [11, с. 456].

В Самарской области туризм является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития [12, с. 81] и развития КИ. Валовая добавленная стоимость туристической индустрии экономики Самарской области с 2019 по 2023 г. выросла с 2 до 2,4 % [13].

Динамика показателей развития туристской деятельности в Самарской области

Показатель развития туризма	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Численность размещенных лиц, тыс. чел.	1019	722	912	1 048	1 187
Число туристских фирм	315	327	345	355	392
Число гостиниц	212	218	213	239	240
Число турпакетов, реализованных населению, тыс.	67,1	55,8	85,9	105,7	130,8
Численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в туры по России, тыс. чел.	60,0	77,8	114,6	147,3	159,3
Число коллективных средств размещения	475	473	468	498	494
Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте субъекта РФ, %	2,0	1,7	1,6	1,9	2,4

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики: Регионы России. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 27.09.2025); Туризм в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm/publications> (дата обращения: 27.09.2025).

Рис. 1. Виды туризма в Самарской области
Источник: составлено авторами

При этом в 2022 г., по данным Агентства стратегических инициатив, вклад КИ в ВРП составил 4,7% [11, с. 456], то есть это составляет примерно 111 787,2 млн руб. (ВРП Самарской области в 2022 г. составило 2 378 451 млн руб. [14]). Следует отметить, что при определении вклада КИ в ВРП региона Агентство стратегических инициатив не включало данные по туризму, этот вид деятельности отнесли к «кандидатам на включение в расчет», поскольку туризм обладает признаками КИ, но не включен в расчет, потому что не включен в перечень отраслей КИ из-за нечастого их упоминания в имеющихся иностранных классифи-

кациях [11, с. 91–92]. Валовая добавленная стоимость туристской индустрии экономики Самарской области в 2022 г. составила 45 504,8 млн руб. [13]. Сделаем корректировку на вклад КИ в ВРК Самарской области с учетом ДС туризма:

$$111\,787,2 \text{ млн руб.} + 45\,504,8 \text{ млн руб.} = 157\,292 \text{ млн руб.}$$

Таким образом, вклад туристской индустрии в КИ составил в 2022 г. 28,93% $[(45\,504,8 \text{ млн руб.} / 157\,292 \text{ млн руб.}) \cdot 100\%]$, то есть почти треть от всех КИ, что свидетельствует о высоком потенциале туризма для развития Самарской области.

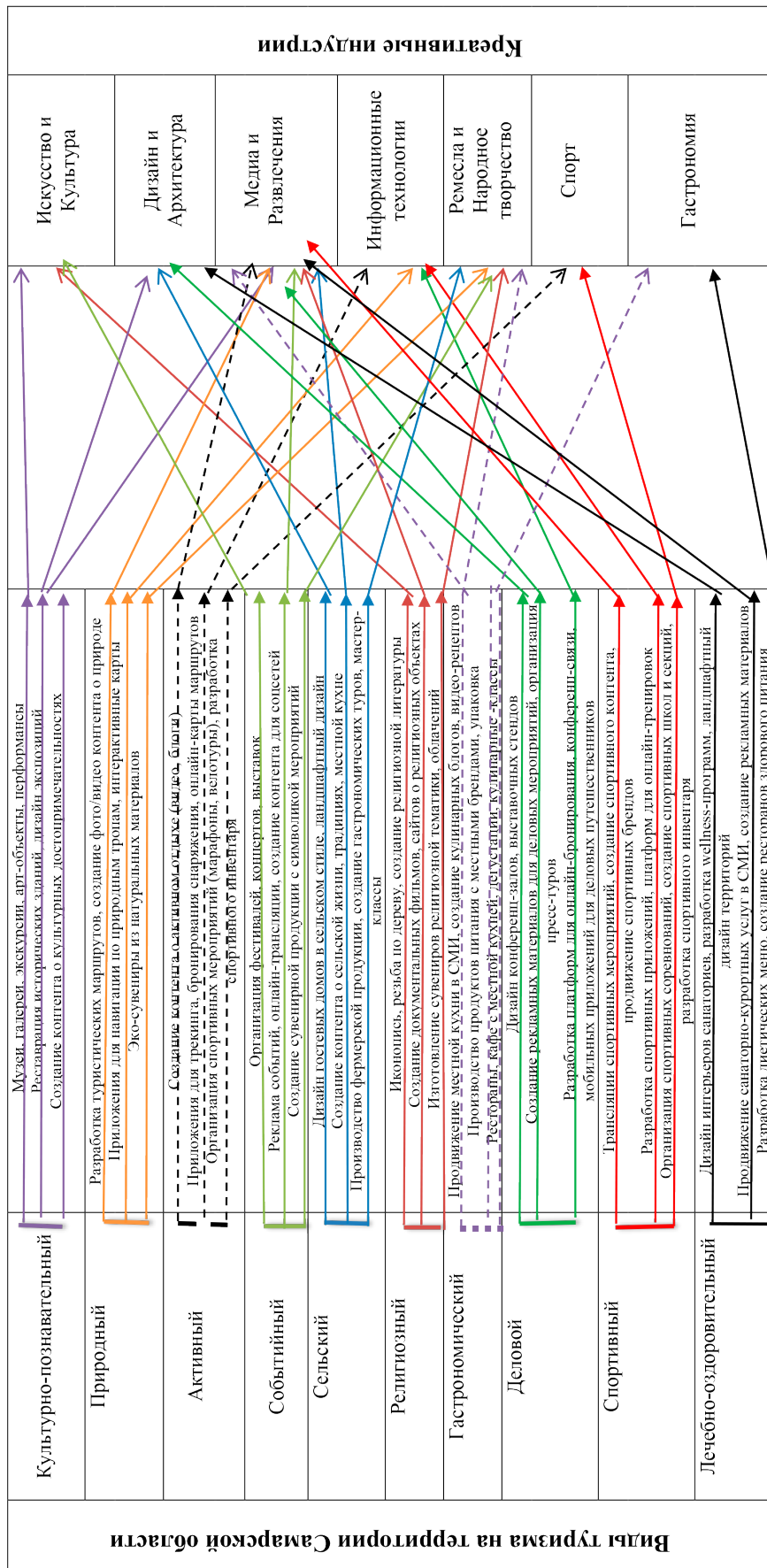

Рис. 2. Механизм взаимосвязей видов туризма с креативными индустриями
Источник: составлено авторами.

Самарская область обладает уникальным сочетанием природных, исторических и культурных ресурсов, которые создают благоприятные условия для развития различных видов туризма. С 2020 по 2024 г. поток туристов увеличился в 3,5 раза [15]. В последнее время и другие показатели развития туристской деятельности в Самарской области показывают тенденцию к росту (таблица).

Несмотря на сокращение показателей развития туристской деятельности в Самарской области в 2020–2021 гг. из-за пандемии, с 2022 г. наблюдается их рост, а в 2023 г. все показатели превысили уровень 2019 г. Так, численность размещенных лиц увеличилась почти на 17%, число туристских фирм – почти на 24,5%, число гостиниц – на 13,2%, число турпакетов, реализованных населению, – почти вдвое, а численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в туры по России, – в 2,7 раза. Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом региональном продукте Самарской области увеличилась на одну пятую по сравнению с 2019 г.

Несомненно, туризм является одной из сфер культурных индустрий Самарской области наряду с такими сферами КИ, как искусство и культура, дизайн и архитектура, медиа и развлечения, информационные технологии, ремесла и народное творчество, спорт, гастрономия и др. В Самаре на стратегических сессиях неоднократно обсуждались вопросы развития туризма во взаимосвязи с другими сферами креативных индустрий [15].

Основные виды туризма в Самарской области представлены на рис. 1.

При этом все виды туристской деятельности, которые представлены и развиваются в Самарской области [16], отраженные на рис. 1, взаимосвязаны с другими сферами креативных индустрий. На рис. 2 представлены такие взаимосвязи. Цель рисунка – продемонстрировать мультимодальную схему взаимосвязей между типами туризма, развиваемыми на территории Самарской области, и креативными индустриями, обеспечивающими поддержку, сервисы и добавленную стоимость для каждого типа туризма.

Приведенная схема отображает не только соответствие туристических продуктов и креативных секторов, но и конкретные инструменты или меры (контент, дизайн, цифровые решения, производство сувениров, мероприятия и т.п.), которые реализуют взаимодействие и формируют экономический и культурный эффект.

Механизм взаимосвязей видов туризма и креативных индустрий в Самарской области заключается в том, что виды туризма формируют спрос на дизайн, медиа, IT и ремесла, при этом креативные индустрии создают продукты и сервисы, которые превращают ресурсы региона в конкурентоспособные туристические предложения и локальные источники дохода.

Ниже показана роль КИ в развитии каждого вида туризма в Самарской области и конкретные меры по стимулированию интеграции креативных индустрий в туристическую отрасль Самарской области.

Так, роль КИ в развитии культурно-познавательного туризма (его содержание – музеи, галереи, экскурсии, арт-объекты, перформансы): реставрация и дизайн экспозиций (Дизайн и Архитектура), создание экспозиционного и промоконтента (Медиа и Развлечения), производство сувениров и арт-товаров (Ремесла). Конкретными мерами могут стать реконструкции исторических зданий, разработка медиагидов, фотосессии объектов, создание виртуальных туров.

Роль КИ в развитии природного туризма (его содержание – природные маршруты, тропы, обзорные площадки): разработка маршрутов и навигационных приложений (IT), создание фото-, видеоконтента и интерактивных карт (Медиа), производство экосувениров (Ремесла). Конкретными мерами взаимодействия могут стать цифровые карты, мобильные приложения, эко-маркетинг, устойчивые дизайн-решения для инфраструктуры.

Роль КИ в развитии активного туризма (содержание – трекинг, велотуры, водные виды, спортивные мероприятия): создание контента и трансляций (Медиа), приложения для трекинга и бронирования (IT), дизайн спортивного инвентаря и брендинг мероприятий (Дизайн и Архитектура, Спорт). Конкретные меры: платформы бронирования экипировки, видеорепортажи, организация марафонов и велотуров.

Роль КИ в развитии событийного туризма (содержание – фестивали, концерты, выставки): организация и промоподдержка мероприятий (Медиа и Развлечения), дизайн сцены и мерча (Дизайн), онлайн-трансляции и SMM. Конкретные меры: комплексная PR-кампания, производство сувениров с символикой, цифровые билеты и стриминговые платформы.

Роль КИ в развитии сельского туризма (его содержание – гостевые дома, агротуризм, мастер-классы): ландшафтный и интерьерный дизайн (Дизайн), создание контента о местной культуре и кухне (Медиа), упаковка и брендинг фермерской продук-

ции (Гастрономия, Ремесла). Конкретные меры: гастрономические маршруты, ремесленные мастер-классы, фирменная упаковка продуктов.

Роль КИ в развитии религиозного туризма (содержанием которого являются паломничества, религиозные памятники, духовные практики): реставрация и художественные ремесла (Иконопись, Резьба), документальные фильмы и сайты (Медиа), производство религиозных сувениров и облачений (Ремесла). Конкретные меры: создание цифровых каталогов объектов, организация тематических туров, публикация образовательного контента.

Роль КИ в развитии гастрономического туризма (его содержание – локальная кухня, дегустации, кулинарные классы): продвижение через СМИ и блогеров (Медиа), брендинг и упаковка продуктов (Дизайн), рестораны и формат events (Гастрономия). Конкретные меры: кулинарные фестивали, видеорецепты, местные бренды продуктов.

Роль КИ в развитии делового (конференц-) туризма (содержание – конференции, выставки, бизнес-мероприятия): дизайн конгресс-пространств и стендов (Дизайн), рекламные и PR-материалы, платформы онлайн-бронирования и конференц-связи (IT, Медиа). Конкретные меры: создание онлайн-платформ для регистрации и трансляций, организация пресс-туров, брендинговые решения для мероприятий.

Роль КИ в развитии спортивного туризма (его содержание – соревнования, спортивные лагеря, тренинги): трансляции и спортивный контент (Медиа), разработка приложений и платформ для тренировок (IT), дизайн инвентаря и инфраструктуры (Дизайн, Спорт). В качестве конкретных мер взаимодействия можно назвать спортивные трансляции, онлайн-школы, производство фирменного спортивного оборудования.

Роль КИ в развитии лечебно-оздоровительного туризма (содержание – санатории, SPA и wellness-услуги): дизайн интерьеров и ландшафта, разработка wellness-программ (Дизайн), рекламные кампании и продвижение услуг (Медиа), создание диетических меню (Гастрономия). Конкретные меры: брендинг курортов, цифровые каталоги услуг, интеграция здорового питания в сервисы.

Механизм взаимодействия видов туризма и креативных индустрий включает:

– Входы: природный и культурный ресурсы, инфраструктура, локальные сообщества и предприниматели.

– Инструменты креативных индустрий: реставрация и дизайн, производство контента, IT-решения, брендинг и сувенирная продукция, организация мероприятий.

– Процессы: формализация туристических продуктов, цифровизация (приложения/карты), промоция и монетизация (сувениры, билеты, сервисы), обучение персонала и развитие компетенций.

– Выходы: увеличенный туристический поток, рост дохода местных сообществ, усиление культурной идентичности, создание рабочих мест в креативных и туристических секторах.

– Обратная связь: данные посетителей и метрики (просмотры контента, загрузки приложений, продажи сувениров) позволяют корректировать маршруты, программы и маркетинг.

Для определения эффективности взаимосвязей туризма и других видов креативных индустрий можно предложить следующие количественные показатели:

– Количество разработанных маршрутов и приложений; число загрузок и активных пользователей.

– Число культурных мероприятий, посетителей музеев и галерей; охват медиакампаний.

– Объем продаж локальных продуктов и сувениров; выручка гостевых домов и санаториев.

– Количество реставрационных и дизайн-проектов, вовлеченных ремесленников и креативных команд.

– Количество рабочих мест в креативных индустриях, связанных с туризмом.

В качестве практических рекомендаций на уровне региональной политики и проектов можно предложить следующие:

– формировать межсекторные партнерства между туроператорами, музейными учреждениями, IT-командами и локальными ремесленниками;

– инвестировать в цифровую инфраструктуру (навигация, онлайн-продажи, виртуальные туры) и в обучение кадров креативных и сервисных компетенций;

– формировать брендинг Самарской области через уникальные сочетания культурного наследия и современного творчества, разрабатывать стандарты брендинга и упаковки для местных продуктов, стимулировать участие ремесленников в туристических цепочках добавленной стоимости. Как отметила министр туризма Самарской области Екатерина Матвеева, «развитие региональных брендов, а также популяризация региона через сувенирную продукцию – важный инструмент для правильного позиционирования Самарской области как внутри региона, так и за его пределами» [17].

– планировать пилотные проекты в ключевых кластерах (например, культурный и природный туризм), оценивать эффект

по установленным КРІ и масштабировать успешные практики;

– стимулировать публично-частное партнерство, поддержку малого и среднего бизнеса в креативном секторе грантами, льготами и др.

Выводы

Ключевые выводы исследования:

1. Креативные индустрии, имеющие наибольший потенциал для интеграции с туризмом в Самарской области, включают: культурные и музейные практики, ремесла и народное творчество, музыкально-концертную и фестивальную деятельность, гастрономию, дизайн и архитектуру, информационные технологии, медиа и развлечения, спорт.

2. Представленный графический механизм взаимосвязей видов туризма с креативными индустриями демонстрирует пути синергетического эффекта: комбинирование тематических маршрутов, событийного туризма и цифровых продуктов позволяет увеличить привлекательность региона для разных целевых аудиторий и продлить сезон посещений.

3. Основные барьеры развития интегрированного подхода: недостаточная межсекторная координация, отсутствие целевых программ поддержки малых креативных предприятий, слабая маркетинговая и брендинговая стратегия региона, ограниченное использование цифровых технологий для создания новых туристских продуктов.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (дата обращения: 27.09.2025).
2. Thommandru A., Espinoza-Maguiña M., Ramirez-Asis E., Ray S., Naved M., Guzman-Avalos M. Role of tourism and hospitality business in economic development // *Materials Today: Proceedings*. 2023. Vol. 80. Part 3. P. 2901–2904. DOI: 10.1016/j.matpr.2021.07.059.
3. Sørensen F., Grindsted T.S. Sustainability approaches and nature tourism development // *Annals of Tourism Research*. 2021. Vol. 91, 103307. DOI: 10.1016/j.annals.2021.103307.
4. Islam N., Sadhukhan S. Relationship among creative tourism development strategies, creative industries, and activities: A case study of Lucknow, India // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2025. Vol. 36, 100988. DOI: 10.1016/j.jdmm.2024.100988.

5. Arcos-Pumarola J., Paquin A.G., Sitges M.H. The use of intangible heritage and creative industries as a tourism asset in the UNESCO creative cities network // *Heliyon*. 2023. Vol. 9. Is. 1, e13106. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e13106.

6. Pourzakarya M. Searching for possible potentials of cultural and creative industries in rural tourism development; a case of Rudkhan Castle rural areas // *Consumer Behavior in Tourism and Hospitality*. 2022. Vol. 17, Is. 2. P. 180–196. DOI: 10.1108/CBTH-09-2021-0210.

7. Волков С.К. Туризм как сектор креативной экономики // *Креативная экономика*. 2021. Т. 15. № 5. С. 2153–2162. URL: <https://1economic.ru/lib/112027> (дата обращения: 27.09.2025). DOI: 10.18334/ce.15.5.112027.

8. Громов А.А. Развитие туризма как фактор формирования имиджа территории // *Научный электронный журнал «Меридиан»*. 2020. № 8 (42). С. 390–392. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42469585> (дата обращения: 27.09.2025).

9. Полянская Н.В., Каклюшкин В.В. Внутренний туризм как драйвер социально-экономического развития Самарской области // *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/89ECVN223.pdf> (дата обращения: 27.09.2025). DOI: 10.15862/89ECVN223.

10. Амеликина Д.В., Гусева М.С., Калущкова Н.Н. Оценка природных и экологических условий развития туристско-рекреационной деятельности в муниципальных районах Самарской области // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2018. № 10 (168). С. 47–60. URL: https://vestnik.sseu.ru/lk_file.php?pdf=7205 (дата обращения: 27.09.2025).

11. Атлас креативных индустрий РФ [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FWxdLb8R8Zmn8ban2lXfEapCamEoOVlg-8mGCEV0b1968uBeULtAJocKKg7klueQRuq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=%D0%90%D1%82%D0%BB%D0%B0%D1%81_2022.pdf&nosw=1 (дата обращения: 16.10.2025).

12. Цветкова И.В. Развитие туризма в контексте региональной идентичности (на примере Самарской области) // *Проблемы развития территории*. 2019. № 5 (103). С. 78–90. URL: http://pdt.vscs.ac.ru/article/28279/full?_lang=ru (дата обращения: 20.08.2025). DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.5.

13. Валовая добавленная стоимость туристской индустрии экономики субъекта Российской Федерации (ОК-ВЭД2) (с 2019 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 16.08.2025).

14. Регионы России. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 27.09.2025).

15. В Самаре обсудили развитие туризма и креативных индустрий. [Электронный ресурс]. URL: <https://sgpress.ru/news/480721> (дата обращения: 16.10.2025).

16. Постановление Администрации городского округа Самара от 11 сентября 2020 г. № 734 «Об утверждении муниципальной программы городского округа Самара “Развитие туризма в городском округе Самара” на 2021–2025 годы» (с изменениями на 29 мая 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570914447> (дата обращения: 27.09.2025).

17. В центре «Мой бизнес» обсудили развитие туризма через производство сувениров [Электронный ресурс]. URL: <https://mybiz63.ru/posts/news/v-centre-moi-biznes-obsudili-razvitie-turizma-ce> (дата обращения: 27.09.2025).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 332.1:338.012(470)
DOI

РЫБНАЯ ОТРАСЛЬ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Левченко Т.А. ORCID ID 0000-0002-9049-2971

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»,
Россия, Владивосток, e-mail: tat_levchenko22@mail.ru*

Цель статьи заключается в анализе особенностей функционирования рыбной отрасли России, с акцентом на Дальневосточный федеральный округ, выделении основных тенденций, проблем и путей их решения. Для ее достижения была проведена оценка динамики основных показателей развития рыбной отрасли, выявлен вклад Дальневосточного региона в их достижение. Отмечено, что Дальний Восток играет ведущую роль в рыбохозяйственном комплексе, обеспечив в 2024 г. 76% вылова водных биоресурсов, 24% производства аквакультуры, 76% экспорта рыбы и рыбопродукции. В работе была проанализирована динамика потребления рыбопродукции в России, иллюстрирующая вклад отрасли в обеспечение продовольственной безопасности. Недостаточный уровень потребления во многом связан с проблемами рыбной отрасли, среди которых определены следующие: высокие логистические затраты, рост финансовой нагрузки на бизнес, зависимость от иностранных кормов и оборудования для рыбопромыслового флота. Кроме того, выделен комплекс проблем, носящих системный характер: снижение конкуренции, связанное с поглощением малых и средних предприятий крупным бизнесом, высокий уровень износа рыбопромыслового флота и недостаток судоремонтных мощностей для него. По результатам работы сформулированы пути решения наиболее значимых проблем. В частности, предложено сосредоточить усилия на снижении логистических затрат через расширение субсидирования перевозок рыбы, увеличении инвестиций в обновление рыбопромыслового флота, обеспечении возможности комплексного ремонта крупнотоннажных судов в РФ, финансовой поддержке малых и средних предприятий, особенно расположенных на прибрежных территориях.

Ключевые слова: рыбная отрасль, рыбопродукция, Дальневосточный федеральный округ, проблемы рыбной отрасли, государственные инвестиции в рыбную отрасль

THE RUSSIAN FISHING INDUSTRY: MAIN TRENDS, PROBLEMS, AND DEVELOPMENT FEATURES IN THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

Levchenko T.A. ORCID ID 0000-0002-9049-2971

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University",
Russia, Vladivostok, e-mail: tat_levchenko22@mail.ru*

The purpose of this article is to analyze the functioning of the Russian fishing industry, with a focus on the Far Eastern Federal District, highlighting key trends, challenges, and solutions. To achieve this, the study assessed the dynamics of key indicators for the development of the fishing industry and identified the Far Eastern region's contribution to these indicators. It was noted that the Far East plays a leading role in the fisheries sector, accounting for 76% of aquatic bioresource catches, 24% of aquaculture production, and 76% of fish and fish product exports in 2024. The study also analyzed the dynamics of fish consumption in Russia, illustrating the industry's contribution to food security. Insufficient consumption is largely due to the problems facing the fishing industry, including high logistics costs, increasing financial burdens on businesses, and dependence on foreign feed and equipment for the fishing fleet. Furthermore, a set of systemic problems was identified: decreased competition due to the acquisition of small and medium-sized enterprises by large businesses, high levels of depreciation of the fishing fleet, and a lack of ship repair capacity. Based on the results of the study, solutions to the most significant problems were formulated. Specifically, it was proposed to focus efforts on reducing logistics costs by expanding subsidies for fish transportation, increasing investment in the renewal of the fishing fleet, ensuring comprehensive repair capabilities for large-capacity vessels in the Russian Federation, and providing financial support to small and medium-sized enterprises, especially those located in coastal areas.

Keywords: fishing industry, fish products, Far Eastern Federal District, problems of the fishing industry, government investment in the fishing industry

Введение

Одной из важнейших составляющих агропромышленного сектора России является рыбохозяйственный комплекс, обеспечивающий удовлетворение как внутренних, так и внешних потребностей в рыбопродукции. Значимость рыбной отрасли для РФ в целом и Дальневосточного региона в частности была в очередной раз подчеркнута на сес-

сии Росрыболовства, прошедшей 4 сентября 2025 г. в рамках Восточного экономического форума.

Вопросы функционирования рыбной отрасли всегда были в фокусе внимания отечественных экономистов. Так, О.И. Бетин, А.С. Труба, Т.О. Мухамедова исследуют и уточняют сущность понятия «рыбохозяйственный комплекс», рассматривая его

как предмет управления и регулирования процессов производства рыбной продукции [1]. Н.Н. Яркина и Н.А. Логунова на основе анализа статистических данных выделяют факторы и детерминанты развития рыбной отрасли [2]. О.И. Бетин, А.А. Котенко затрагивают вопросы влияния санкционного режима на рыбную отрасль [3]. Н.Д. Аварский, К.В. Колончин и С.Н. Серегин, определив проблемы рыбохозяйственного комплекса, делают акцент на роли государства в их решении [4]; Н.Ю. Титова и С.В. Иванова – на более широком внедрении кластеров [5]. Такого же мнения придерживается и В.Е. Храпов [6].

Многие авторы в своих работах основное внимание уделяют деятельности предприятий рыбной отрасли. В их числе можно отметить О.В. Демчука, который систематизировал факторы, оказывающие наибольшее влияние на развитие предприятий рыбной отрасли, и выделил угрозы их деятельности [7]. Пути повышения эффективности функционирования отрасли предложены М.А. Салтыковым и А.И. Фисенко [8]. Дальневосточные ученые главным образом анализируют состояние рыбной отрасли региона, как, например, А.М. Кайко и М.Н. Лебедева [9], Е.В. Левкина, Л.А. Сахарова, Е.Н. Стенькина [10]. При этом большинство из них исследуют функционирование рыбной отрасли в разрезе отдельных краев и областей, выделяя основные тенденции, проблемы и пути их решения, возможные направления развития. Здесь обращают на себя внимание работы С.А. Кравцова [11], В.В. Ганнесена, Е.Е. Петровой [12], Т.Г. Проценко, Н.Л. Рогалевой, Л. Е. Веняминовой [13].

Тем не менее, так как в развитии рыбной отрасли существует множество нерешенных проблем, анализ ее показателей, формулировка наиболее значимых вопросов для функционирования предприятий, особенно на Дальнем Востоке, по-прежнему является актуальным.

Цель исследования – анализ особенностей функционирования рыбной отрасли России, с акцентом на Дальневосточный федеральный округ, выделение основных тенденций, проблем и путей их решения.

Материалы и методы исследования

При написании работы были использованы общенаучные методы и подходы, в том числе системный анализ и синтез информации, сравнение и обобщение, индукция и дедукция. Информационной основой стали материалы Федерального агентства по рыболовству, ФАНУ «Восточный центр государственного планирования», Росстата, Росконгресса.

Результаты исследования и их обсуждение

Рыбная отрасль РФ в последние годы демонстрирует показатели вылова водных биоресурсов на уровне около 5 млн т в год. Так, в 2023 г. объем вылова превысил 5,3 млн т, что на 9,1 % больше, чем в 2022 г.; это наиболее высокий уровень за рассматриваемый период. Однако в 2024 г. добыча снизилась, главным образом за счет неудачной лососевой путины. В 2025 г. плановый показатель установлен на среднестатистическом уровне в 5 млн т¹. Динамика объемов вылова водных биоресурсов в 2020–2024 гг. представлена на рис. 1.

В 2024 г. Дальний Восток обеспечил 76% от общих объемов вылова. А за последние 5 лет этот показатель был в среднем на уровне 75%, что подчеркивает ведущую роль макрорегиона в отрасли. В числе лидеров по объемам вылова – Камчатский и Приморский края, а также Сахалинская область.

Все большую значимость в обеспечении россиян рыбопродукцией приобретает аквакультура. Объемы ее производства в последние 5 лет стабильно увеличивались, за исключением 2024 г. (рис. 2). Причем за 2014–2023 гг. данный показатель вырос более чем в 2 раза. К 2030 г. он должен достигнуть 600 тыс. т, что на 58 % больше, чем в 2024 г. [14].

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) занимает 3-е место среди всех федеральных округов по объемам производства аквакультуры. Причем здесь этот показатель вырос даже в 2024 г. – на 10,7% (с 84 до 93 тыс. т). В число субъектов РФ с наиболее высокими объемами производства входят Приморский край (1-е место) и Сахалинская область (7-е место).

Качественное развитие рыбной отрасли характеризует производство переработанной рыбы. В 2023 г. объем производства в РФ переработанной и консервированной рыбы составил 4,4 млн т, но в 2024 г. произошло снижение на 4,5 %, до 4,2 млн т. Однако положительным моментом можно считать то, что на фоне снижения производства мороженой рыбы (несмотря на то, что оно составляет примерно 3 млн т в год в течение последних пяти лет) вырос выпуск продукции глубокой переработки. Лидером в производстве переработанной рыбы также является Дальневосточный федеральный округ (63 % от общероссийских объемов). Крупнейший регион-производитель в округе – Камчатский край.

¹ Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2024 г. и задачи на 2025 г. // Федеральное агентство по рыболовству. [Электронный ресурс]. URL: <https://fish.gov.ru/about/kollegiya-rosrybolovstva/> (дата обращения: 22.09.2025).

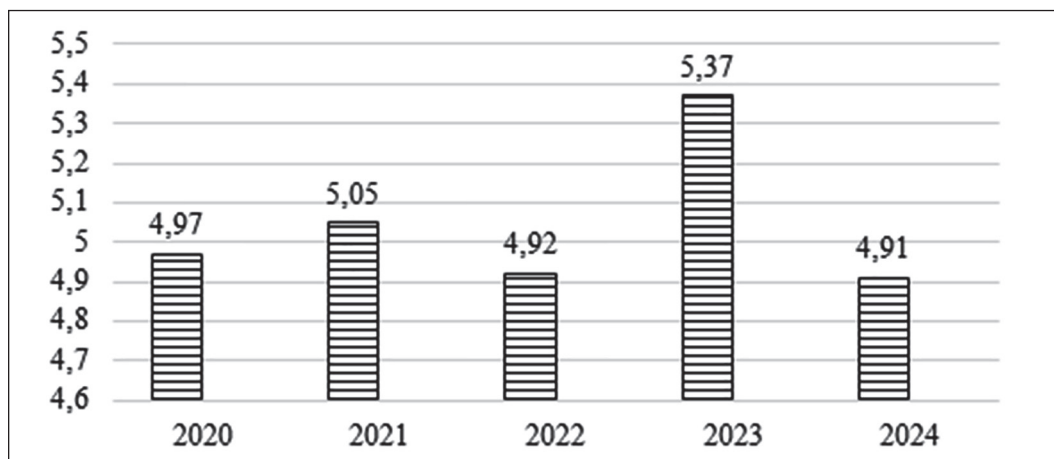

Рис. 1. Объем вылова водных биоресурсов в РФ в 2020–2024 гг., млн т
 Источник: составлено автором на основе данных
 Федерального агентства по рыболовству, Росстата

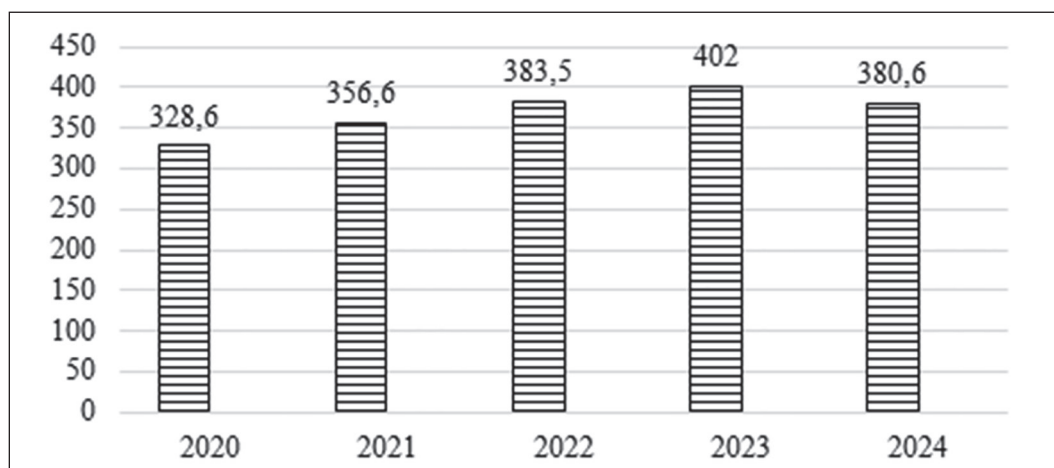

Рис. 2. Объем производства товарной аквакультуры в РФ в 2020–2024 гг., тыс. т
 Источник: составлено автором на основе данных
 Федерального агентства по рыболовству, Росстата

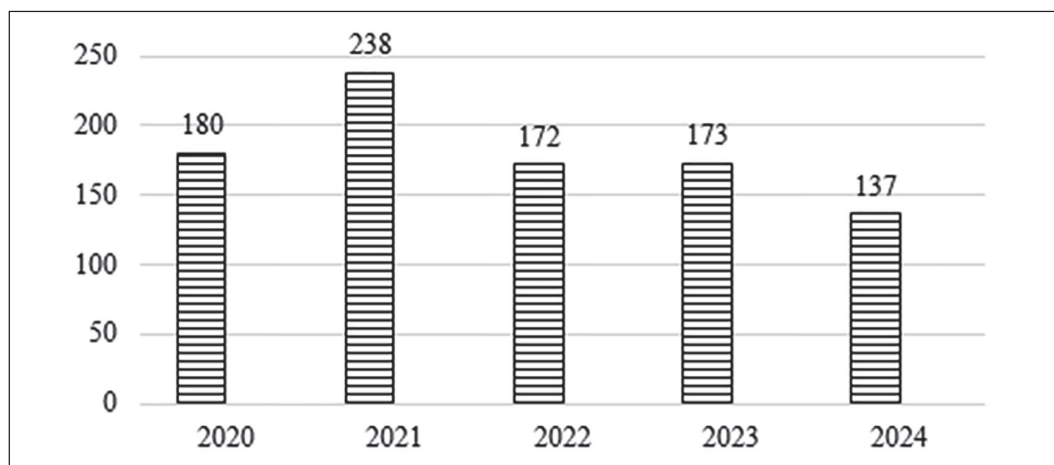

Рис. 3. Прибыль организаций рыбной отрасли в 2020–2024 гг., млрд руб.
 Источник: составлено автором на основе данных
 Федерального агентства по рыболовству, Росстата

Значительная часть рыбопродукции Россией экспортируется. Так, в 2023 г. величина экспортных поставок составила 2,3 млн т, это более 22% от объемов вылова рыбы и производства рыбопродукции и примерно соответствует показателям 2022 г. В 2024 г. экспорт снизился более чем на 17%, до 1,9 млн т. Россия лидирует в поставках на мировой рынок краба, минтая и трески. Около 76% экспорта дает Дальний Восток, что соответствует его доле в объемах производства. При этом за 2018–2023 гг. ДФО увеличил в денежном выражении объемы отгруженной на экспорт продукции на 87% (рост по РФ составил 70%). На Дальнем Востоке 87% экспорта обеспечило рыболовство (эта составляющая увеличилась в 2,2 раза), что отражает сырьевую направленность использования водных биоресурсов. Из переработанной рыбопродукции ДФО экспортирует в основном рыбное филе и рыбную муку.

Однако, несмотря на стабильные или даже растущие физические показатели деятельности предприятий рыбной отрасли, их прибыль снижается (рис. 3).

Это связано преимущественно с ростом себестоимости, высокой кредитной нагрузкой и снижением цен на российскую рыбу за рубежом. Указанная проблема характерна и для дальневосточных предприятий, особенно работающих в сфере рыболовства, где рентабельность продаж была ниже, чем по РФ (44% против 52% в среднем за 2019–2023 гг.)². Основные причины – высокие издержки производства, а также специализация на вылове относительно дешевой рыбы (минтай, сельдь).

Развитие рыбной отрасли невозможно без проведения научных исследований. Среди важнейших направлений – сохранение, рациональное использование и воспроизводство водных биоресурсов, производство аквакультуры, развитие международного сотрудничества. Проводимые на Дальнем Востоке исследования в основном сосредоточены на главных объектах рыболовства: минтай, сельдь, лосось, скумбрия. В 2024 г. филиалами Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, расположенными на Дальнем Востоке, было проведено 298 экспедиций (больше всего в Приморском крае – 97), что составляет 31% от общего числа по России.

Государство, понимая важность рыбной отрасли для экономики России, поддерживает ее развитие дополнительными

инвестициями, уделяя особое внимание Дальнему Востоку. За последние несколько лет, в целях обновления основных производственных фондов предприятий рыбохозяйственного комплекса ДФО, было построено 11 рыбопромысловых судов, 13 судов-краболовов и 14 рыбоперерабатывающих заводов, в том числе 7 заводов большой мощности.

Таким образом, рыбная отрасль России достаточно успешно развивается, в том числе благодаря государственной поддержке и инвестициям. Среди всех федеральных округов именно Дальневосточный федеральный округ занимает ведущее место в рыбной отрасли РФ. Так, по состоянию на 2024 г. Дальний Восток обеспечил:

- 76% вылова водных биоресурсов;
- 24% производства аквакультуры;
- 76% экспорта рыбы и рыбопродукции.

Рыбопромысловый флот ДФО включает 781 судно (75% от РФ), на регион приходится более 30% научных экспедиций в сфере рыбохозяйственной деятельности.

Однако можно отметить сырьевую направленность рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока, в том числе в экспорте, а также более низкую рентабельность продаж, чем в среднем по России.

Рыбная отрасль вносит вклад в продовольственную безопасность России. Однако, несмотря на усилия государства и самих рыбохозяйственных компаний, она пока не может обеспечить россиянам потребление рыбопродуктов в объемах, рекомендованных Минздравом (28 кг на человека в год) [15]. И это несмотря на то, что уровень самообеспеченности рыбопродуктами по итогам последних нескольких лет (2021 г. – 150,7%, 2022 г. – 153,7%, 2023 г. – 152,9%, 2024 г. – 138,4%) значительно превышает пороговое значение в 85%, заложенное в Доктрину продовольственной безопасности РФ^{3,4}. Причем объемы потребления остаются практически неизменными, а в некоторых округах даже падают (таблица). В силу близости к местам добычи Дальневосточный федеральный округ является лидером по объемам потребления (на 15,1% больше, чем в среднем по России), однако и здесь они меньше рекомендованной нормы на 7,5%.

³ Доклад о реализации Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации до 2030 г. в 2024 г. // Министерство сельского хозяйства РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/014/be3ujdy14w0n9dqu456dcht0rtlpp1qy.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

⁴ Доклад о реализации Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации до 2030 г. в 2023 г. // Министерство сельского хозяйства РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/d49/umvzr37i0w4jkmqp5j2i28liy5w3ekzy.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

² Рыбохозяйственный комплекс Дальнего Востока // Восточный центр государственного планирования. [Электронный ресурс]. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/rybohozjajstvennyj_kompleks_dalnego_vostoka_2024.pdf (дата обращения: 22.09.2025).

Динамика потребления рыбопродукции в среднем на человека в год, кг

Территория	2019	2021	2023	Темп прироста 2023 к 2019, %
РФ	21,9	21,7	22,5	2,7
Дальневосточный ФО	25,4	25,4	25,9	2,0
Центральный ФО	24,4	23,3	24,6	0,8
Северо-Западный ФО	17,9	17,9	17,3	-3,4
Южный ФО	22,3	21,8	23,0	3,1
Северо-Кавказский ФО	18,8	19,6	20,0	6,4
Приволжский ФО	21,1	20,8	21,6	2,4
Уральский ФО	21,0	22,3	22,8	8,6
Сибирский ФО	23,0	21,9	22,4	-2,6

Источник: составлено автором на основании данных ФАНУ «Восточный центр государственного планирования».

Основная причина такой ситуации – рост цен на рыбу, который превышает рост реальных доходов населения, то есть фактически рыбная продукция не является экономически доступной. Несмотря на достаточно высокие объемы вылова, рыба остается дорогим продуктом для большинства населения. За 2019–2023 гг. ее стоимость в среднем выросла на 30%. При этом в 2019 г. реальные располагаемые доходы населения выросли на 0,9%, в 2020 г. снизились на 3,2%, в 2021 г. выросли на 3,4%, в 2022 г. снизились на 1,0%, а в 2023 г. увеличились на 5,4%. Именно рост цен обеспечивает снижение продаж. То есть потенциал внутреннего рынка пока недоиспользуется, что негативно отражается как на финансовом состоянии конкретных предприятий, так и на отрасли в целом, в том числе ее перспективах.

Рост цен связан с проблемами отрасли, приводящими к увеличению себестоимости производимой продукции, среди которых можно выделить:

1. Высокие логистические затраты.

Стоимость доставки рыбы с Дальнего Востока, на который приходится более 75% объемов вылова, до основных мест потребления высокая и постоянно увеличивается.

2. Сохраняющаяся зависимость от импортных кормов, оборудования для рыбопромыслового флота.

3. Высокий уровень финансовой нагрузки.

На начало сентября 2025 г. объем задолженности предприятий рыбной отрасли превысил 1 трлн руб. Это связано как с ростом объемов кредитования для инвестиционных целей, так и с высокими ставками по кредитам, которые в 2024–2025 гг. стабильно превышали 20%, а в отдельные периоды доходили до 30%.

Дополнительных затрат для рыбохозяйственных компаний потребовали введение цифровой маркировки рыбной продукции и электронных рыболовных журналов.

Кроме того, с 1 сентября 2025 г. вступили в силу переходные нормы федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», согласно которым рыбодобывающие организации должны не позднее 1 июня 2026 г. заключить новый договор на пользование своими рыболовными участками [16]. Если пользователь не пойдет на переоформление, договор продолжит действовать до конца своего срока, после чего рыболовный участок будет выставлен на торги. Эти изменения вынуждают рыбодобывающие компании искать источники финансирования новых договоров, что дополнительно повышает финансовую нагрузку на них.

Кроме вышеперечисленных, рыбная отрасль сталкивается и с рядом других проблем, носящих системный характер:

1. Снижение конкуренции, связанное с поглощением малых и средних предприятий крупным бизнесом.

Особенно интенсивно эти процессы протекают на прибрежных территориях.

2. Высокий уровень износа рыбопромыслового флота.

Так, 90% судов рыбопромыслового флота ДФО эксплуатируется сверх нормативного срока, что снижает эффективность.

3. Недостаток судоремонтных мощностей для рыбопромыслового флота.

Например, сегодня на Дальнем Востоке нет предприятий, способных в полном объеме выполнить комплексное межрейсовое техническое обслуживание высокотехнологичного флота.

Рис. 4. Проблемы рыбной отрасли РФ и пути их решения
Источник: составлено автором по результатам исследования

По оценкам Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров, мощность докового судоремонта в регионе – 12–60 объектов в год, тогда как потребность только по рыбопромысловикам составляет 160⁵. В результате крупнотоннажный рыболовный флот ремонтируется за границей (преимущественно в КНР). Кроме того, на протяжении последних лет расходы на импортные услуги растут из-за санкционных ограничений на поставку комплектующих.

Возможные пути решения наиболее значимых проблем представлены на рис. 4, в процессе должны принимать активное участие федеральные и региональные власти.

Кроме того, нельзя не отметить социальную проблему, непосредственно связанную с развитием рыбной отрасли, особенно на Дальнем Востоке. Речь идет о развитии прибрежных населенных пунктов и расположенных в них береговых предприятий, которые являются градообразующими. Действующая программа комплексного развития сельских территорий подразумевает поддержку населенных пунктов, являющихся опорными для рыбной отрасли,

но под условия отнесения к таким не подходит большинство дальневосточных поселков (из-за размера и местоположения). Поэтому необходимо разрабатывать мастер-планы для прибрежных рыбацких поселков и финансировать их исполнение с использованием средств федерального и региональных бюджетов. Для поддержки рыбохозяйственных предприятий в прибрежных населенных пунктах целесообразны такие меры, как разработка законодательного механизма доступа к квотируемым объектам рыбного промысла на безаукционной основе, выравнивание энерготарифов, продление льгот по уплате сбора за водные биоресурсы для градо- и поселкообразующих рыбохозяйственных организаций.

Заключение

Проведенный анализ развития рыбной отрасли России в 2020–2024 гг. позволил выявить следующие тенденции:

- стабильные показатели вылова водных биоресурсов на уровне около 5 млн т в год;
- рост производства аквакультуры;
- незначительное снижение объемов производства переработанной и консервированной рыбы, в основном за счет снижения производства мороженой рыбы;
- снижение объемов экспорта рыбной продукции как по абсолютным показателям, так и по удельному весу в общих объемах производства;

⁵ Что нужно для развития отечественной судоремонтной промышленности на Дальнем Востоке // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/12/14/reg-dfo/chto-nuzhno-dlia-razvitiia-otechestvennoj-sudoremontnoj-promyshlennosti-na-dalнем-vostoke.html> (дата обращения: 22.09.2025).

– высокий уровень самообеспеченности рыбопродуктами в России, значительно превышающий пороговое значение, заложенное в Доктрину продовольственной безопасности РФ;

– стабильные объемы потребления рыбной продукции, которые не соответствуют рекомендациям Минздрава.

По результатам проведенного анализа были определены проблемы развития рыбной отрасли, среди которых наибольшее значение имеют: высокий уровень логистических затрат и финансовой нагрузки, сохраняющаяся зависимость от импортных кормов и комплектующих для рыбопромыслового флота, высокий уровень износа рыбопромыслового флота и недостаток судоремонтных мощностей, снижение конкуренции в отрасли.

Региональный анализ показал, что наиболее развита рыбная отрасль на Дальнем Востоке, на который приходится примерно $\frac{3}{4}$ вылова, производства и экспорта рыбы и рыбопродукции. И именно на Дальнем Востоке проблемы развития рыбной отрасли проявляются наиболее ярко.

По мнению автора, для их решения необходимо сосредоточить усилия на снижении логистических затрат, увеличении инвестиций в обновление рыбопромыслового флота, обеспечении возможности комплексного ремонта крупнотоннажных судов в РФ, поддержке малых и средних предприятий рыбохозяйственного комплекса, особенно расположенных на прибрежных территориях.

Список литературы

1. Бетин О.И., Труба А.С., Мухамедова Т.О. Рыбохозяйственный комплекс: понятие, определение, структура // Труды ВНИРО. 2022. Т. 188. С. 166–173. DOI: 10.36038/2307-3497-2022-188-166-173.
2. Яркина Н.Н., Логунова Н.А. Устойчивое развитие рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации: факторы и тенденции // Труды ВНИРО. 2023. Т. 192. С. 192–201. DOI: 10.36038/2307-3497-2023-192-192-201.
3. Бетин О.И., Котенко А.А. Оценка антисанкционного воспроизводства рыбохозяйственной деятельности страны // Балтийский экономический журнал. 2023. № 1 (41). С. 53–71. DOI: 10.46845/2073-3364-2023-0-1-53-71.
4. Аварский Н.Д., Колончин К.В., Серегин С.Н. Рыбохозяйственный комплекс России: приоритеты, цели, задачи, достижение стратегических ориентиров развития // Экономика, труд и управление в сельском хозяйстве. 2020. № 7. С. 17–40. DOI: 10.33938/207-17.

5. Титова Н.Ю., Иванова С.В. Проблемы устойчивого развития рыбной промышленности в российской экономике // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2024. № 4. С. 49–57. DOI: 10.24143/2073-5537-2024-4-49-57.

6. Храпов В.Е. Рыбопромышленный кластер как механизм повышения народнохозяйственной эффективности рыбной отрасли северного региона // Рыбное хозяйство. 2025. № 1. С. 36–44. DOI: 10.36038/0131-6184-2025-1-36-44.

7. Демчук О.В. Современная проблематика развития предприятий рыбной отрасли Российской Федерации // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2024. № 2. С. 30–39. DOI: 10.24143/2073-5537-2024-2-30-39.

8. Салтыков М.А., Фисенко А.И. Рыбохозяйственный комплекс России: нарративный анализ тенденций и стратегические задачи развития производства и потребления продукции // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 3. С. 69–81. DOI: 10.24143/2073-5537-2023-3-69-81.

9. Кайко А.М., Лебедева М.Н. Рыбохозяйственный комплекс Дальнего Востока: состояние, тенденции, перспективы развития // Управленческий учет. 2021. № 9–2. С. 388–397. DOI: 10.25806/uu9-22021388-397.

10. Левкина Е.В., Сахарова Л.А., Стенькина Е.Н. Современные подходы к оценке экономической безопасности промышленного комплекса (на примере рыбной промышленности региона) // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2022. № 4. С. 100–108. DOI: 10.24143/2073-5537-2022-4-100-108.

11. Кравцов С.А. Анализ современного состояния рыбохозяйственного комплекса Камчатского края // Вопросы рыболовства. 2023. Т. 24. № 4. С. 172–181. DOI: 10.36038/0234-2774-2023-24-4-172-181.

12. Ганнесен В.В., Петрова Е.Е. Перспективы рыбодобывающей отрасли Приморского края через анализ возрастного состава рыболовных судов // Научные труды Дальрыбвтуза. 2023. Т. 65. № 3. С. 103–109. DOI: 10.48612/dalrybvvtuz/2023-65-12.

13. Проценко Т.Г., Рогалева Н.Л., Веняминова Л.Е. Рыбохозяйственный комплекс Камчатского края: показатели работы в современных условиях // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 3. С. 885–898. DOI: 10.18334/epp.13.3.117427.

14. Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года // Федеральное агентство по рыболовству. [Электронный ресурс]. URL: <https://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/ekonomika-otrasli/strategiya-razvitiya-rybohozyajstvennogo-kompleksa-rossijskoj-federaczii-na-period-do-2030-goda/> (дата обращения: 22.09.2025).

15. Сергеев Л.И., Самсонов А.В. Тенденции развития рыбохозяйственного комплекса и потребления рыбной продукции в стране // Труды ВНИРО. 2024. Т. 197. С. 152–164. DOI: 10.36038/2307-3497-2024-197-152-164.

16. Федеральный закон от 24.06.2025 № 165-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” и отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // Администрация Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52053> (дата обращения: 22.09.2025).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 332.1:338.4
DOI

АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА СОКРАЩЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

¹Титова А.В., ²Пустуев А.А., ³Буренина И.В., ³Алчанова Р.Д.

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный экономический университет», Россия, Екатеринбург;

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
Россия, Екатеринбург;

³Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Башкирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения
Российской Федерации, Россия, Уфа, e-mail: ctig.usue@mail.ru

В статье оценивается уровень внедрения цифровых технологий в контексте снижения межрегиональных диспропорций в социально-экономическом развитии на примере Уральского федерального округа. Под межрегиональными диспропорциями понимаются устойчивые различия в доступе к услугам, производительности, доходам и качеству городской среды. Исследование опирается на официальные административные массивы данных и открытые отчеты региональных органов власти о динамике цифровой зрелости отраслей, индексе «умных» городов, переводе государственных и муниципальных услуг в электронную форму, развитии телемедицины, применении систем искусственного интеллекта в здравоохранении и промышленности, а также на кейсы внедрения цифровой платформы обратной связи. Предложена аналитическая схема «вход – механизм – эффект», сопоставляющая технологические решения с измеримыми результатами: доступность услуг, временные издержки домохозяйств и предприятий, показатели удовлетворенности, профилактические эффекты в медицине, снижение простоев на производстве и прирост управленческой прозрачности. Эмпирическая часть включает две таблицы: карта внедренных решений по регионам округа в разрезе отраслей и сопоставление эффектов для населения и бизнеса. Выявлено, что распространение электронных услуг и телемедицинских сервисов сокращает транспортные и временные издержки жителей периферийных территорий; интеграция аналитики и компьютерного зрения повышает раннее выявление рисков для здоровья; «умные» городские сервисы улучшают операционную эффективность жилищно-коммунального хозяйства и безопасность среды; цифровые производственные платформы и предиктивное обслуживание сокращают незапланированные простои и повышают выпуск. Зафиксированы эффекты выравнивания: рост охвата электронными услугами в отдаленных округах, уменьшение межмуниципального разрыва по показателям цифровой зрелости, ускорение доступа к медицинской помощи, повышение удовлетворенности граждан взаимодействием с властью. Вместе с тем сохраняются ограничения: кадровый дефицит цифровых компетенций, неоднородность инфраструктуры связи и различия в управленческом качестве. Результаты подтверждают, что при приоритизации сервисов массового спроса и институциональном сопровождении цифровые решения выступают эффективным инструментом территориального выравнивания.

Ключевые слова: цифровая трансформация, региональные диспропорции, социально-экономическое развитие, электронные государственные услуги, телемедицина, искусственный интеллект, умный город

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR REDUCING REGIONAL DISPARITIES IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT USING THE EXAMPLE OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

¹Titova A.V., ²Pustuev A.A., ³Burenina I.V., ³Alchanova R.D.

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ural State University of Economics», Russia, Yekaterinburg;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ural State Law University named after. V.F. Yakovlev», Russia, Yekaterinburg;

³Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Bashkir State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation, Russia, Ufa, e-mail: ctig.usue@mail.ru

This article assesses the level of digital technology adoption in the context of reducing interregional disparities in socioeconomic development, using the Urals Federal District as an example. Interregional disparities are defined as persistent differences in access to services, productivity, income, and the quality of the urban environment. The study draws on official administrative datasets and public reports from regional authorities on the dynamics of digital maturity in industries, the smart city index, the transition of state and municipal services to electronic form, the development of telemedicine, the use of artificial intelligence systems in healthcare and industry, as well as case studies of digital feedback platform implementation. An “input-mechanism-effect” analytical framework is proposed, comparing technological solutions with measurable results: service availability, time costs for house-

holds and businesses, satisfaction indicators, preventative effects in medicine, reduced production downtime, and increased management transparency. The empirical section includes two tables: a map of implemented solutions by region in the district broken down by industry and a comparison of the effects on the population and businesses. It was found that the spread of electronic and telemedicine services reduces transportation costs and time for residents of remote areas; the integration of analytics and computer vision improves the early detection of health risks; smart city services improve the operational efficiency of housing and utilities and environmental safety; and digital production platforms and predictive maintenance reduce unplanned downtime and increase output. Equalizing effects were observed: increased coverage of electronic services in remote districts, a narrowing of the inter-municipal gap in digital maturity indicators, accelerated access to medical care, and increased citizen satisfaction with interactions with government. However, limitations remain: a shortage of digitally skilled personnel, heterogeneous communications infrastructure, and differences in management quality. The results confirm that, with prioritization of high-demand services and institutional support, digital solutions are an effective tool for territorial equalization.

Keywords: digital transformation, regional disparities, socio-economic development, electronic public services, smart city, telemedicine, artificial intelligence

Введение

Снижение межрегиональных диспропорций остается ключевой целью социально-экономической политики. В условиях третьей волны цифровизации – перехода от точечных автоматизаций к сквозным платформенным решениям и управлению на основе данных – цифровые технологии рассматриваются как инструмент территориального выравнивания. Их теоретический канал воздействия двойственен. С одной стороны, эффекты масштаба и концентрации знаний могут усиливать асимметрии, аккумулируя выгоды в крупных центрах. С другой – цифровые сервисы снижают транзакционные издержки доступа к государственным, медицинским и образовательным услугам, сокращают пространственные барьеры, повышают продуктивность и прозрачность управления в периферийных территориях.

Уральский федеральный округ представляет собой показательный полигон для оценки этих эффектов. Здесь сочетаются индустриальные регионы с развитой добычей и переработкой, крупные городские агломерации и северные территории с низкой плотностью населения. Неоднородность инфраструктуры связи и кадровых компетенций дополняется институциональными различиями в управленческой практике. В этих условиях выбор стратегий цифровой трансформации – от массовой оцифровки государственных услуг до внедрения искусственного интеллекта в медицине и промышленности, а также развитие «умного города» – способен менять географию доступа к качественным сервисам и возможности занятости. Однако цифровизация не равнозначна автоматическому выравниванию. Требуются инфраструктурные предпосылки (связь, дата-центры, совместимые реестры), институциональная интеграция (сквозная идентификация, межведомственное взаимодействие, юридическая значимость электронных действий), управленческие компетенции и устойчивое финан-

сирование. В противном случае возникает риск «витринной» цифровизации, когда внедрение не превращается в устойчивые эффекты, а цифровые разрывы дополняют традиционные территориальные различия.

М. Trofymenko, О. Bulatova, А. Trofymenko и О. Vyshniakov показывают, что технологические инновации порождают не только рост производительности, но и новые формы неравенства; авторы подчеркивают важность институциональных механизмов, амортизирующих асимметрии [1]. В. Navryliuk, А. Hromyk, И. Semenets, Т. Rylypiuk, Р. Motsyk и А. Kostyakova, анализируя цифровизацию территориально-экономических систем, фиксируют, что ключевым драйвером выступают интеграционные эффекты межмуниципального уровня [2]. Ю.С. Матковская, К.В. Екимова и Н.В. Кузнецов связывают качество регионального развития с глубиной цифровых преобразований, отмечая, что цифровые решения эффективны там, где они встроены в управленческие контуры и систему стимулирования исполнителей [3]. В.А. Савинова, Е.В. Жегалова, J.V. Semernina и А.С. Козлова указывают на противоречия цифровой экономики на региональном уровне: технологические и кадровые разрывы, неоднородность доступа к данным, риски фрагментации [4]. С.М. Тагиров, З.К. Омарова и Н.Г. Омарова, моделируя сценарии развития региона в условиях цифровой экономики, подчеркивают приоритетность согласования государственных и корпоративных траекторий [5]. А.А. Чурсин, А.В. Юдин и П.Ю. Грошева вводят критерии predispositionality территорий к размещению «умных» компаний, апеллируя к качеству институтов, человеческому капиталу и инфраструктурной связанности [6]. И.А. Антипин, Н.Ю. Власова и Е.А. Шишкина, рассматривая практику государственного и муниципального управления, показывают, что цифровые технологии создают «окна прозрачности» и снижают транзакционные

издержки граждан при условии зрелости процессов обратной связи [7]. Г.Х. Батов на материале Северо-Кавказского округа демонстрирует, что цифровизация реально-го сектора детерминирует трансформацию производственных цепочек и расширяет пространство для импортонезависимых решений [8]. А.О. Вереникин и А.Ю. Вереникина, строя рейтинг потенциала цифровой трансформации, обнаруживают существенные межрегиональные различия и важность управленческой координации [9]. С.П. Земцов акцентирует роль новых технологий в модернизации регионов и критически рассматривает риск технологической «ловушки центра», когда эффекты концентрируются в крупных агломерациях [10]. Е.Е. Кабанова показывает, что цифровая трансформация меняет образ жизни населения, перенося часть сервисов в онлайн и повышая требования к качеству интерфейсов и скорости отклика [11].

А.А. Меликян и У.К. Джункеев связывают динамику социально-экономического развития с уровнем цифровизации, причем эффект нелинеен и зависит от комплементарных факторов – образования и институциональной среды [12]. Ю.С. Пиньковецкая, А.В. Лебедев и А.А. Сомкин выявляют региональные различия уровня цифровизации организаций и подчеркивают разрыв между фронт-офисными и бэк-офисными процессами [13]. В.В. Дядик, А.В. Игумнов, А.Р. Каньковская и А.Б. Тесля на примере моногородов Арктической зоны показывают, что стратегия градообразующего предприятия способна формировать цифровые компетенции населения и расширять локальные рынки труда [14]. С.Б. Шапошник, опираясь на статистическое исследование, выделяет структурные факторы цифрового развития регионов – уровень урбанизации, человеческий капитал, плотность сетевой

инфраструктуры и институциональную предсказуемость [15].

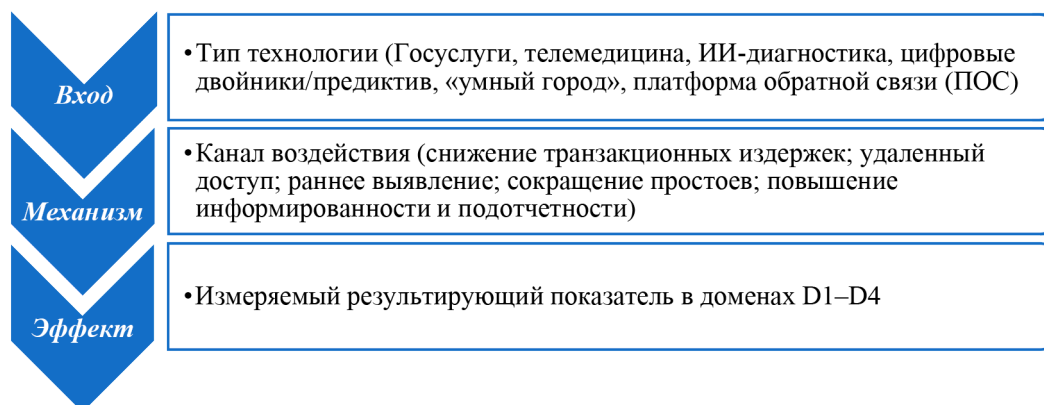
Совокупно указанные работы формируют теоретико-методологический каркас: цифровизация способна как усиливать, так и сглаживать территориальные асимметрии; решающее значение имеют институциональная интеграция, приоритет массовых сервисов, кадровая подготовка и координация акторов.

Цель научной работы – оценить влияние цифровых решений, внедренных в субъектах Уральского федерального округа в 2022–2024 гг., на показатели территориального выравнивания: доступность и качество публичных услуг, производственную эффективность, удовлетворенность граждан и управленческую прозрачность – и выявить механизмы, при помощи которых достигается сокращение межтерриториальных разрывов.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на анализе официальных административных данных и открытых сообщений региональных органов власти, отражающих внедрение цифровых решений и зафиксированные результаты их применения в 2022–2024 гг. Анализ охватывает субъекты УрФО в 2022–2024 гг. по четырем доменам итоговых результатов: (D1) доступность и качество публичных услуг; (D2) производственная эффективность; (D3) удовлетворенность граждан; (D4) управленческая прозрачность. Методологически применена схема «вход – механизм – эффект» (рисунок).

На этапе «вход» описываются внедренные технологии: электронные госуслуги, телемедицина, аналитика на основе данных, компьютерное зрение, цифровые двойники, предиктивное обслуживание, городские интеллектуальные системы и цифровые платформы обратной связи.

Методология исследования
Источник: составлено авторами

Анализ внедрения цифровых технологий в регионах УрФО

Механизм / Домены	Вход	Наблюдаемые эффекты (регион и метрика)	Оценка (канал воздействия)
A / D1, D3, D4	Перевод государственных и муниципальных услуг в онлайн; конструкторы электронных форм; единая электронная идентификация	<i>Курганская область</i> : 100 % массовых социально значимых услуг доступны онлайн (около 150 услуг; за последний год добавлено 86 новых). <i>ХМАО и ЯНАО</i> : доля оцифрованных услуг превышает 60 %. <i>ЯНАО</i> : в 2023 г. запущены 32 новые региональные услуги; подано 3 340 электронных заявлений; около 56 % заявлений удовлетворены; средняя пользовательская оценка 4,75 из 5. <i>Челябинская область</i> : 35 муниципальных образований достигли целевого порога не ниже 55 % к середине 2024 г.	Достижение порогов 55–100 % отражает приближение к лучшим практикам; расширение функционала и высокие пользовательские оценки подтверждают выравнивающий эффект
B / D1	Телемедицина; электронная регистратура	<i>УрФО (совокупно)</i> : в 2023 г. совершено более 3 млн онлайн-записей к врачу (на 500 тыс. больше, чем в 2022 г.); выполнено более 1 млн вызовов врача на дом (рост в 2 раза к предыдущему году). <i>Тюменская область</i> : в 2024 г. проведено более 250 тыс. телемедицинских консультаций; расширена подсистема «врач – врач» для фельдшерско-акушерских пунктов	Массовый переход к онлайн-транзакциям существенно сокращает дистанцию до услуг; двукратный рост вызовов врача на дом – прямой индикатор снятия барьеров для удаленных и уязвимых групп населения
C / D1, D4	Аналитика на основе данных и технологии компьютерного зрения	<i>Тюменская область</i> : 770 тыс. жителей прошли риск-стратификацию; около 40 % отнесены к высоким и очень высоким группам риска; внедрен анализ изображений на основе компьютерного зрения для компьютерной томографии, рентгенографии и маммографии	Формирование превентивного контура перераспределяет рабочее время и потоки пациентов, снижает «узкие места» доступа и усиливает управленческую подотчетность профилактических программ
D / D2	Цифровые двойники; прогнозное обслуживание оборудования	<i>Тюменская область</i> : снижение внеплановых простоев на месторождениях на 17 %. <i>Свердловская область</i> : 142 предприятия подключены к платформе повышения производительности	Сокращение простоев на 17 % дает прямой прирост выпуска и устойчивости занятости; масштабирование на сотни предприятий сокращает разрыв между передовыми и традиционными практиками
E / D3, D4	«Умный город»; платформа обратной связи с гражданами; сервис «Госуслуги.Дом»	<i>Свердловская область</i> : в 2024 г. размещено более 148 тыс. сообщений на платформе обратной связи (рост в 2,5 раза к предыдущему году); проведено 257 прямых линий; более 4 тыс. адресных обращений; доля удовлетворенных ответов превышает 60 %. <i>Челябинск</i> : входит в десятку крупнейших городов России по индексу «IQ городов». <i>Тюмень</i> : показатель «IQ городов» – 110,72 балла (первое место в своей категории); уровень цифровой зрелости транспортной отрасли – 93,8 %	Массовые обращения, регулярные прямые линии и высокие значения индекса «IQ городов» демонстрируют снижение информационной асимметрии и закрепляют подотчетность органов управления.

Источник: составлено авторами на основе данных Минцифры России. Статистика и отчеты. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/activity/statistics-reports> (дата обращения: 10.09.2025) и данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [Электронный ресурс]. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/33987> (дата обращения: 10.09.2025).

На этапе «механизм» фиксируются каналы воздействия:

1. Механизм А. Снижение транзакционных издержек через перевод услуг в онлайн (e-gov).

2. Механизм В. Удаленный доступ к мед-помощи (телемедицина, e-регистратура).

3. Механизм С. Раннее выявление рисков здоровья (ИИ-аналитика и компьютерное зрение).

4. Механизм D. Стабильность и производительность в промышленности (цифровые двойники, предиктив).

5. Механизм Е. Информированность и подотчетность (платформа обратной связи (ПОС), «умный город»).

На этапе «эффект» сопоставляются измеримые результаты: рост охвата электронными услугами, баллы индексов цифровизации, число консультаций, доля удовлетворенных обращений, снижение простоев и повышение производительности, улучшение потребительского опыта.

Применены методы сравнительного кейс-анализа и типологизации, позволяющие сопоставить разнородные отрасли и регионы по единой логике, а также элементы квази-экспериментального подхода «до – после» на уровне серий наблюдений.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим ключевые наблюдения по пяти механизмам воздействия цифровизации на территориальное выравнивание в УрФО (таблица). Для каждого механизма зафиксированы «входы» (тип внедренных решений), верифицированные количественные эффекты по конкретным регионам и интерпретация, указывающая, через какой канал достигается снижение межтерриториальных разрывов.

Сопоставление механизмов показывает, что выравнивающий эффект формируется кумулятивно и измеримо. По линии доступа к услугам достигнуты критические пороги: 55–100 % онлайн-охвата, миллионы транзакций в e-здоровоохранении и устойчиво высокие пользовательские оценки. В промышленности «жесткий» результат – 17 % внеплановых простоев конвертируется в выпуск и занятость, снижая асимметрию между территориями с разной отраслевой структурой. Блок прозрачности подтвержден массовыми кейсами обратной связи (сотни тысяч обращений, удовлетворенность > 60 %) и высокими значениями «IQ городов» (110,72 у лидера; транспорт 93,8 %), что закрепляет сервисную модель управления. Тем самым цифровизация выступа-

ет не витринным проектом, а инфраструктурным инструментом:

1. Доступ к услугам (D1). Достигнуты и превышены пороги цифровизации: Курган – 100 % массовых услуг онлайн (~150 позиций; +86 за год); Югра и ЯНАО – > 60 %; Челябинская обл. – 35 муниципалитетов на уровне $\geq 55\%$ к середине года. По здравоохранению – > 3 млн онлайн-записей в 2023 (+500 тыс. к 2022), > 1 млн удаленных вызовов ($\times 2$ год-к-году), > 250 тыс. телемед-консультаций в Тюменской обл. Эти числа свидетельствуют о масштабном снижении барьеров доступа.

2. Производственная эффективность (D2). Внедрение цифровых двойников/предиктива дало -17 % внеплановых простоев на месторождениях; 142 предприятия Свердловской обл. – подтверждение масштабирования решений повышения производительности.

3. Удовлетворенность граждан (D3). В ЯНАО 3 340 электронных заявлений по новым услугам, ~56 % удовлетворены; пользовательская оценка 4,75/5. В Свердловской обл. – >148 тыс. обращений на ПОС ($\times 2,5$ прирост), удовлетворенность > 60 %.

4. Управленческая прозрачность (D4). «IQ городов» Тюмени – 110,72 (лучший в категории), цифровая зрелость транспорта – 93,8 %; Челябинск – в топ-10 крупнейших городов; награда «Умного города» – Кыштым; 3-е место Курганской обл. по работе с обращениями через ПОС.

Совокупность этих фактов указывает на *функциональное выравнивание*: массовые пороги e-gov (55–100 %), двукратные приросты в e-здоровье, двузначное снижение простоев и высокие «IQ» нивелируют территориальные различия в доступе к ключевым сервисам, надежности городской инфраструктуры и устойчивости промышленности.

Заключение

Представленная оценка показывает, что цифровизация в УрФО действует через четыре четко идентифицируемых механизма: (А) снижение транзакционных издержек доступа к государственным и социальным услугам за счет перевода в онлайн; (В) расширение терапевтического и диагностического охвата через телемедицину и e-регистратуру; (С) увеличение превентивной мощности систем здравоохранения за счет ИИ-аналитики; (D) повышение производственной устойчивости через предиктивное обслуживание и цифровые двойники. Каждый механизм подтвержден конкретными количественными результатами: достижение уровней 55–100 % по e-gov,

кратный рост фактического использования (до миллионов транзакций), -17% незапланированных простоев, высокие значения «IQ городов» и показателей цифровой зрелости отраслей, десятки тысяч обработанных сигналов обратной связи с измеримым уровнем удовлетворенности.

Содержательно это означает, что цифровые решения не только повышают внутреннюю эффективность ведомств и предприятий, но и уменьшают пространственные разрывы по доступу и качеству: пороговые уровни охвата в северных территориях, массовая телемедицина для удаленных поселений, «умные» сервисы ЖКХ и транспорта, стабилизация производственных цепочек. Выравнивающий эффект носит институциональный характер: там, где обеспечены единая идентификация, формализованная обратная связь, межведомственная интеграция и типовые платформенные компоненты, наблюдается устойчивая конвертация внедрений в общественно значимые результаты.

Список литературы

1. Trofymenko M., Bulatova O., Trofymenko A., Vyshniakov O. Digital Development and Technological Innovations: Inequality and Asymmetry // *Marketing and Management of Innovations*. 2023. Vol. 14, Is. 3. P. 215–229. DOI: 10.21272/mmi.2023.3-19.
2. Havryliuk V., Hromyk A., Semenets I., Pylypiuk T., Motysk R., Kostyakova A. Digitalization of territorial and economic systems at the regional level // *Regional Science Inquiry*. 2021. Vol. 13, Is. 2. P. 209–226.
3. Matkovskaya Y.S., Ekimova K.V., Kuznetsov N.V. The influence of the digital economy on the quality of the region's development and on solving the problems of uneven regional development // *International Journal for Quality Research*. 2022. Vol. 16, Is. 2. P. 395–416. DOI: 10.24874/IJQR16.02-05.
4. Savinova V.A., Zhegalova E.V., Semernina J.V., Kozlova A.S. Problems of the development of the digital economy at the regional level // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 908. P. 260–268. DOI: 10.1007/978-3-030-11367-4_25.
5. Tagirov S.M., Omarova Z.K., Omarova N.G. Scenarios of Region's Development in the Conditions of the Digital Economy and Priorities of State and Corporate Management // *Advances in Science, Technology and Innovation*. 2021. P. 121–125. DOI: 10.1007/978-3-030-46394-6_21.
6. Chursin A.A., Yudin A.V., Grosheva P.Yu. Territories' Predisposition Assessment to "Smart" Companies' Location // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021. Vol. 14, Is. 3. P. 99–117. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.6.
7. Антипин И.А., Власова Н.Ю., Шишкина Е.А. Цифровые технологии в развитии территорий: возможности и проблемы применения в практике государственного и муниципального управления // *Управленец*. 2024. Т. 15. № 6. С. 17–29. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-6-2.
8. Батов Г.Х. Цифровизация как детерминант преобразования реального сектора экономики макрорегиона (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2024. Т. 15. № 1. С. 27–42. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.1.27-42.
9. Вереникин А.О., Вереникина А.Ю. Потенциал цифровой трансформации: рейтинг регионов РФ // *Экономика региона*. 2024. Т. 20. № 4. С. 1008–1025. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-4-3.
10. Земцов С.П. Новые технологии и развитие регионов в современных условиях // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021. № 3 (51). С. 196–207. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-9.
11. Кабанова Е.Е. Влияние цифровой трансформации на жизнь населения России // *Народонаселение*. 2024. Т. 27. № 1. С. 48–59. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-48-59.
12. Меликян А.А., Джункеев У.К. Влияние уровня цифровизации на социально-экономическое развитие регионов России // *Российский экономический журнал*. 2023. № 6. С. 65–81. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_6_65.
13. Пиньковецкая Ю.С., Лебедев А.В., Сомкин А.А. Региональные различия уровня цифровизации в деятельности организаций в России // *Регионология*. 2022. Т. 30. № 3 (120). С. 721–747. DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.721-747.
14. Дядик В.В., Игумнов А.В., Каньковская А.Р., Тесля А.Б. Стратегия градообразующего предприятия как фактор развития цифровых компетенций населения моногородов Арктической зоны // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2024. Т. 27. № 2 (84). С. 46–57. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2024.84.004.
15. Шапошник С.Б. Факторы цифрового развития регионов России: статистическое исследование // *Информационное общество*. 2022. № 6. С. 6–19. DOI: 10.52605/16059921_2022_06_6.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 332.012.324
DOI

ПАНДЕОРИСКИ БИЗНЕС-СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

¹Часовских В.П. ORCID ID 0000-9454-0824,

¹Стариков Е.Н., ^{2,3}Клейн Н.В., ⁴Воробьев В.И.

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный экономический университет»,
Россия, Екатеринбург, e-mail: u2007u@ya.ru;

²Публичное акционерное общество «Машиностроительный завод имени М.И. Калинина»,
Россия, Екатеринбург;

³Федеральное государственное бюджетное учреждение
Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Россия, Москва;

⁴Союз предприятий оборонных отраслей промышленности Свердловской области,
Россия, Екатеринбург

Хаотизация внешней и внутренней среды порождает множество рисков, предусмотреть возникновение и влияние которых для менеджмента предприятий невозможно. Подобное поведение риск-среды мировой глобальной экономики диктует необходимость изменения существующих подходов к восприятию риск-факторов и управленческой реакции на них. Цель работы – изменение риск-воздействий и управленческой реакции на них, приводящее к повышению сопротивляемости риску. Авторами был использован комплекс научных методов, обеспечивших всесторонний анализ проблематики существующих подходов к восприятию риск-факторов и их совершенствованию в деятельности предприятия. Авторы провели теоретический анализ научной и специализированной литературы, включая работы ведущих исследователей в области существующих подходов к восприятию риск-факторов и управленческой реакции на них. В результате исследований динамической устойчивости ресурса предприятия авторы показали, что устойчивость ресурсного параметра предприятия подвержена изменениям во времени и определяет рост негативного риска при возникновении инцидентов различной природы. Было доказано, что для предприятия, как социально-экономической системы, актуальным представляется не оценка последствий однократно свершившегося негативного инцидента (что, по сути, представляет традиционная система риск-менеджмента), а устойчивость системы к динамической природе окружающего мира, в котором случайности и неопределенность неизбежны. В результате выполненных исследований авторы предложили подход перманентной оценки «хрупкости» ключевых ресурсов предприятия при разработке стратегических планов развития, что позволяет своевременно внести необходимые коррективы в ресурсные стратегии и, как следствие, трансформировать корпоративную культуру в благоприятном направлении и качественно изменить систему риск-менеджмента отечественных предприятий.

Ключевые слова: корпоративная культура, бизнес-процессы, риск-менеджмент, пандеориск, хаос, цифровая трансформация, экспоненциальный рост

PANDEORISKS IN BUSINESS ENVIRONMENT UNDER CORPORATE CULTURE TRANSFORMATION OF AN ENTERPRISE

¹Chasovskikh V.P. ORCID ID 0000-9454-0824,

¹Starikov E.N., ^{2,3}Klein N.V., ⁴Vorobyev V.I.

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg, e-mail: u2007u@ya.ru;

²Public joint-stock company “Mikhail Kalinin Machine-Building Plant”, Russia, Yekaterinburg;

³Federal State Budgetary Institution Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Russia, Moscow;

⁴Union of Defense Industry Enterprises of the Sverdlovsk Region, Russia, Yekaterinburg

Chaotization of the external and internal environment generates many risks, the occurrence and impact of which are impossible to foresee for enterprise management. Such behavior of the risk environment of the world global economy dictates the need to change the existing approaches to the perception of risk factors and management response to them. The purpose of the work is to change the risk impact and management response to them, leading to increased risk resistance. The authors used a set of scientific methods that provided a comprehensive analysis of the problems of existing approaches to the perception of risk factors and their improvement in the activities of the enterprise. The authors conducted a theoretical analysis of scientific and specialized literature, including the works of leading researchers in the field of existing approaches to the perception of risk factors and management response to them. As a result of studies of the dynamic stability of the enterprise resource, the authors showed that the stability of the resource parameter of the enterprise is subject to changes over time and determines the growth of negative risk in the event of incidents of various natures. It was proven that for an enterprise, as a socio-economic system, it is not the assessment of the consequences of a one-time negative incident that is relevant (which, in essence, is the traditional risk management system), but the system's resilience to the dynamic nature of the surrounding world, in which accidents and uncertainty are inevitable. As a result of the research, the authors proposed an approach to the permanent assessment of the “fragility” of key enterprise resources when developing strategic development plans, which allows for timely adjustments to be made to resource strategies and, as a result, to transform the corporate culture in a favorable direction and qualitatively change the risk management system of domestic enterprises.

Keywords: corporate culture, business processes, risk management, pandeorisk, chaos, digital transformation, exponential growth

Введение

Хаотизация внешней и внутренней среды порождает множество рисков, предусмотреть возникновение и влияние которых для менеджмента предприятий невозможно. Причем неопределенность нарастает буквально во всех сферах социальной и экономической жизни: финансах, демографии, образовании, торговле, межгосударственном взаимодействии. Существующие механизмы риск-менеджмента не предназначены для работы в условиях перманентно существующего риск-шума. В предполагаемых условиях можно выделить целый класс рисков, названных авторами пандеорисками, которые имеют экспоненциальную генетику роста, а стандартная реакция компаний на подобные риски оказывается слишком запоздалой для эффективного противодействия им. Подобный характер развития внешней среды ведения промышленного бизнеса нередко несет весьма неоднозначные и зачастую негативные последствия не только для отдельных предприятий, но и целых отраслей и экономики в целом.

В этой связи, учитывая методологическую недостаточность существующих в настоящее время методик оперативного контроллинга в риск-менеджменте и ограниченность риск-факторов в принятых нормативных документах, возникла насущная потребность оперативной оценки поведения ключевых рисков бизнес-системы в динамике ее развития, что, в свою очередь, предопределило цель настоящей работы.

Цель исследования заключается в разработке математической модели механизма оценки «хрупкости» ключевых ресурсных показателей предприятия при воздействии на них внешних риск-факторов любой природы.

Материал и методы исследований.

Риски корпоративной среды

Корпоративная культура предприятий в условиях тектонических сдвигов в социуме и перехода на новый экономический уклад переживает серьезные трансформации [1, с. 10]. На эти процессы оказывают влияние и технологические изменения, и демографическая ситуация, и дефицит кадров и другие процессы в обществе. Многие ученые характеризуют данные явления как нарастание глобальных хаотических процессов. Социологические исследования последних лет убедительно доказывают, что источником рисков является не какая-то потусторонняя внешняя среда, а непосредственно само общество [2]. И деятельность этого общества рисков, по сути,

бесперспективна, поскольку она порождает решения, также порождающие риски [3; 4]. Нельзя не отметить и тот факт, что механизм негативного воздействия рисков в своей основе синергетичен, и учесть на практике вклад отдельных составляющих в принципе не представляется возможным.

Непредсказуемость и неопределенность, в свою очередь, являются генератором рисков, слабо подверженных анализу с позиций устоявшихся методик и механизмов риск-менеджмента. Подобное поведение риск-среды мировой глобальной экономики диктует необходимость изменения существующих подходов к восприятию риск-факторов и управленческой реакции на них. Также рассматриваемая среда отличается выраженной асимметрией, что проявляется в практическом отсутствии взаимной компенсации различных рисков, другими словами, риск-среда работает однонаправленно.

Характерной тенденцией становится появление таких риск-факторов, названных авторами пандеорисками (лат. Pandeo – всеобъемлющий, охватывающий все бизнес-процессы), которые отличаются развитием негативного влияния в геометрической прогрессии. В медицине данное явление известно с давних времен – это эпидемии и пандемии, порожденные отдельными видами вирусов. В экономике данные явления порождают «черных лебедей», когда, казалось бы, незначительное явление оказывается триггером, вызывающим обрушение целых отраслей или национальных экономик. Роль пандеорисков в качестве причин банкротств выявить крайне сложно, но динамика роста финансовой несостоятельности косвенно указывает на определенную долю «неожиданности» негативных последствий причин различной природы, влияющих на невозможность продолжение деятельности предприятия.

Для РФ косвенным подтверждением этого предположения является нарастание на 53,2% количества сообщений об открытии конкурсного производства юрлиц в 2023-2024 гг. Как отмечается в [5], ФНС РФ стала более активно инициировать процедуры банкротства, увеличив долю инициированных процедур в 2024 году с 14,3% до 24,3%.

Влияние корпоративной культуры на бизнес-успешность отдельных предприятий хоть и отмечается в целом ряде изданий, но по-настоящему определяется как основа успешности компании на рынке, пожалуй, лишь у основателя производственной системы Тойота Т. Оно [6, с. 84]. Родоначальник японской промышленной революции Э. Деминг также отмечал в [7, с. 301] клю-

чевую роль корпоративной культуры в решении проблемы низкой производительности. Тем не менее никто не оспаривает факт влияния корпоративной культуры абсолютно на все бизнес-процессы предприятия [8]. И, как следствие этого, риски корпоративной культуры в равной мере относятся к механизмам экосистемы компании. К числу таких факторов можно отнести:

- волатильность финансовых потоков предприятия;
- повышение текучести кадров;
- изменение структуры мотивационных доминант;
- потеря компетентности и снижение квалификации работников;
- деградация технологической и производственной дисциплины;
- нестабильность качества продукции;
- другие факторы.

Стандарт FERMA (Federation of Risk Management Association) [9] по управлению рисками, действующий в ЕС, предусматривает следующий алгоритм действий:

1. Диагностика рисков.
 - 1.1. Анализ рисков (идентификация и описание рисков).
 - 1.2. Расчет вероятности и последствий рисков.
 - 1.3. Оценка рисков.
2. Отчет о рисках.
 - 2.1. Разработка мероприятий по управлению рисками.
3. Программа управления рисками.

Таким образом, существующая методология риск-менеджмента предусматривает идентификацию риск-факторов и плановую работу по предотвращению возможного ущерба от наступления соответствующих негативных событий. Синергетический эффект от проявления ряда незначительных риск-факторов получил наименование «Швейцарский сыр», констатируя аналогию между дырками в молочном продукте с про-reхами в системе корпоративного управления рисками [10, с. 21]. Следуя этому сопоставлению, приходится признать, что размер «дырок» в этом «сыре» многократно превосходит размер сырной головки.

Но, как отмечал Н. Талеб в своей книге «Черный лебедь», человеческого природного воображения явно недостаточно для того, чтобы представить, что может произойти в реальной жизни [11, с. 226]. Еще более непредсказуема природа взаимного влияния рисков различной природы в условиях динамической взаимосвязи.

Риск-шум

Стратегии «управляемого хаоса», распространяемые на область экономики, де-

монстрируют трансформацию базовых принципов «рискового управления» и переводят его в область синергетического подхода к динамическим, вариативно связанным социально-экономическим системам. Синергетический подход к изучению рисков демонстрирует, что управление рисками требует иного понимания проблемы на методологическом уровне. Этот процесс выходит за грань статистических, математических и рациональных методов измерения или расчетов [4; 12].

Как отмечалось выше, нарастание неопределенности вызывает генерацию случайных риск-факторов, не учтенных в процессе планирования и не отраженных в риск-матрице предприятия. Таким образом, петли отрицательной обратной связи, регламентно включающиеся для противодействия инцидентам и недопущению их перерастания в кризисную ситуацию, попросту отсутствуют в самой структуре существующего менеджмента управления рисками. Риск-фактор оказывается предоставлен сам себе. И здесь последствия во многом обусловлены его поведением, характером его последующего развития. Деннис Шервуд в своей книге «Видеть лес за деревьями» замечает, что характерным поведением систем с положительной обратной связью является экспоненциальный рост, который, начинаясь едва заметно, внезапно превращается в лавину [13, с. 102]. Вопрос лишь в том, какой конкретно риск-фактор из потока риск-шума попадет в благоприятные для своего пандемийного развития условия.

Результаты исследования и их обсуждение

Хрупкое подвержено разрушению [11, с. 74]. Фактическую невозможность управлять всеми рисками отмечает Н. Талеб в другой своей книге «Антихрупкость» [11, с. 360]. Вместо расчета вероятности наступления риска (ничтожно малой в случае «Черного лебедя») Н. Талеб предлагает оперировать расчетными показателями «хрупкости» и «антихрупкости», показывающими поведение системы при воздействии явлений различной природы. Причем «хрупкость» указывает на вероятность урона для расчетного параметра, «антихрупкость» – на определенную выгоду для него.

Суть математических рассуждений заключается в следующем.

Для оценки эффектов второго порядка и хрупкости модели авторы используют функцию f :

$$f(x|\bar{\alpha}), \quad (1)$$

где α – это средняя ожидаемая вводимая переменная.

Пусть φ – это распределение α в области Y_α :

$$\alpha = \int_{Y_\alpha} \alpha \varphi(\alpha) d\alpha \quad (2)$$

Далее необходимо оценить функцию на возможность склонности к хрупкости. Однако тот факт, что параметр α явно не определен, поскольку имеется только его оценка, может очень сильно повлиять на точность результата, если начать изменять этот параметр *внутри* интеграла. Т.е., другими словами, параметр, который, по предположению, был фиксирован, на самом деле является стохастизированным. Соответственно, можно легко измерить склонность к выпуклости функции (хрупкости) как разницу между:

а) значением функции f , интегрированной в области потенциальных значений α ;

б) значением функции f для единственного значения α , которое является его средним значением.

Следовательно, склонность к выпуклости (хрупкости) ω_A – это разница между двумя частями неравенства Йенсена и соответствует дивергенции Брегмана [14]:

$$\omega_A \equiv \int_{Y_x} \int_{Y_\alpha} f(x|\bar{\alpha}) \varphi(\alpha) d\alpha dx - \int_{Y_x} f(x | (\int_{Y_\alpha} \alpha \varphi(\alpha) d\alpha)) dx \quad (3)$$

Хрупкость – это выпуклость функции в промежутке до K . Отсюда следует, что неучтенная хрупкость ω_B оценивается путем сравнения двух интегралов, взятых в промежутке до K , чтобы выявить эффект левого хвоста.

Соответственно, в свою очередь, антихрупкость ω_C представляет собой интеграл, просчитанный на промежутке K до бесконечности.

Возможно изучить ω_B путем точечных оценок для $X \leq K$, в итоге получая:

$$\omega_B(K) = \int_{-\infty}^K \omega'B(x) dx \quad (4)$$

Таким образом, формируется эвристическое правило распознавания хрупкости, в частности, если ω'_B не меняет знак для $X \leq K$, то $\omega_B(K)$ будет иметь тот же знак.

Распознать хрупкость можно по поведению в хвостах, для чего следует проверить функцию $\omega_B(K)$ для любого X .

Таким образом, вместо того чтобы пытаться рассчитать или предусмотреть вероятность наступления редкого события,

возможно изменить саму систему, делая её «антихрупкой» или неуязвимой к целому классу риск-факторов для ключевых ресурсов предприятия.

Необходимо отметить, что существующий математический аппарат искусственного интеллекта нечеткой логики [15] в состоянии осуществлять контроллинг «хрупкости» ключевых ресурсов предприятия на основе существующей регламентной финансовой и статистической отчетности предприятия.

Заключение

Предложенная авторами методика позволяет качественно оценить поведение ресурса с позиции «риск-иммунитета», прогнозируя его поведение при риск-воздействии: повышение сопротивляемости риску; индифферентное поведение либо разрушение. Кроме того, необходимо отметить, что представленный в данной статье авторский подход обладает высокой практической значимостью, поскольку изначально, на этапе постановки задачи, предусматривалась возможность его интеграции в существующий аппарат бухгалтерской и статистической отчетности.

Практическая апробация предложенной методики реализуется в настоящее время на основе исследования поведения ресурса «Эффективность кадров» на предмет «хрупкости/антихрупкости» на примере ряда крупных машиностроительных предприятий г. Екатеринбурга. Однако оценка и анализ результатов апробации не являются целью данной статьи. Данная статья носит теоретический постановочный характер, а результаты практической апробации авторы планируют представить впоследствии после её завершения и обобщения полученных результатов.

В этой связи закономерным итогом развития российской модели корпоративной культуры стал сценарий быстрого устранения фактически возникших кризисных ситуаций, пока они не перешли в стадию катастрофы. Сложившаяся российская управленческая ментальность «тушения пожаров» предполагает самоотверженность и трудовой героизм отдельных сотрудников, отвергая в своей основе научно-методический подход к прогнозированию и управлению рисками. Подобный базис отечественной корпоративной культуры несёт в себе дополнительные негативные факторы, угрожающие возникновению кризисных явлений в различных бизнес-процессах предприятий. Причем это высоковероятно при любой природе трансформации корпоративной культуры – как внутренней, так и внешней.

В то же время использование подхода перманентной оценки «хрупкости» ключевых ресурсов предприятия при разработке стратегических планов его развития позволяет своевременно внести необходимые коррективы в ресурсные стратегии и, как следствие, трансформировать корпоративную культуру в благоприятном направлении.

Внедрение системы контроллинга «хрупкости», наряду с управленческим, статистическим учетом, системой сбалансированных показателей с использованием элементов искусственного интеллекта нечеткой логики, позволит качественно изменить систему риск-менеджмента отечественных предприятий.

Список литературы

1. Свиштунов В.М., Лобачев В.В., Кузина Г.П. Необходимость трансформации корпоративной культуры компании в условиях перехода на новые технологии менеджмента // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. № 1. С. 9-15. DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-1-9-15.
2. Чепыук О.Р. Экономическая бессубъектность как фактор дегуманизации социальных отношений: дис. ... докт. филос. наук. Н. Новгород. 2021. 371 с.
3. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc. 2017. 234 с. ISBN 0-202-30764-6.
4. Чепыук О.Р., Фортунатов А.Н. Социально-философский анализ проблемы становления общества рисков // Современные проблемы исследования социальных систем. 2016. № 4-1 (28). С. 138-153. DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-1-138-153.
5. Тихов А., Шаров А., Сальников В. Инфографика: банкротные итоги 2024 от Федресурса с аналитикой АБЕРТА и мнениями экспертов. Портал ПРОбанкротство Исследования Статистика. [Электронный ресурс]. URL: <https://probankrotstvo.ru/articles/infografik-bankrotnye-itogi-2024-ot-fedresursa-s-analitiko-averty-i-mneniiami-ekspertov-8233> (дата обращения: 01.07.2025).
6. Оно Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства / Пер. с англ. М.: Институт комплексных стратегических исследований. 2018. 208 с. ISBN 978-5-902677-04-1 (рус.), 0-915299-14-3 (англ.).
7. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2025. 418 с. ISBN 978-5-9614-7101-4.
8. Зотов Ф.П. Подходы к преобразованию корпоративной культуры российского предприятия как формы развития системы управления // Управленческие науки. 2020. № 10(2). С. 88-98. DOI: 10.26794/2404-022X-2020-10-2-88-98.
9. Risk Management Standard. FERMA. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ferma.eu/app/uploads/2011/11/risk-management-standart-russian-version.PDF> (дата обращения: 16.08.2025).
10. Алферов П.А. Проектное управление. Как правильно делать правильные вещи. М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2023. 365 с. ISBN 978-5-00214-486-0.
11. Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости (сборник) / Пер. с англ. М.: Издательство КоЛибри, 2024. 560 с. ISBN/ISSN 978-5-389-25931-7.
12. Чепыук О.Р., Кравченко В.С., Демина М.Г., Седых И.О. Исследование мотивации предпринимателя на этапе создания бизнеса в социальной сфере // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3(59). С. 129-134.
13. Шервуд Д. Видеть лес за деревьями: Системный подход для совершенствования бизнес-модели / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 341 с. ISBN 978-5-9614-1896-5.
14. Nock R., Magdalou B., Nielsen F. Mining Matrix Data with Bregman MatrixDivergences for Portfolio Selection // Matrix Information Geometry. 2012. P. 373-402. DOI: 10.1007/978-3-642-30232-9_15.
15. Стариков Е.Н., Клейн Н.В., Воробьев В.И. Оценка эффективности промышленной политики в ОПК на основе нейросетей на базе нечеткой логики // Цифровые модели и решения. 2024. Т. 3. № 2. С. 43-54. DOI: 10.29141/2949-477X-2024-3-2-4. EDN: NVLDAW.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

УДК 332.1:338.2:338.43
DOI

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Шадрина Ж.А., Точилова А.Н.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Россия, Краснодар, e-mail: clouds2001@mail.ru*

Изучение вопросов цифровой трансформации важно для построения цифровой экосистемы агропромышленного комплекса, способной обеспечить эффективное сотрудничество участников инновационного процесса и ускорить внедрение перспективных технологий в сельскохозяйственное производство. Целью исследования является анализ тенденций цифрового развития предприятий агропромышленного комплекса РФ и разработка информационно-аналитической системы «Аграрные технологии и технологические решения», представляющей интерактивную B2B/B2G-платформу, предназначенную для устранения разрыва между наукой, бизнесом и практикой в агропромышленном комплексе (АПК). Исследование проведено на основе анализа научных публикаций, официальных статистических данных, с применением методов сравнительного и монографического анализа. Установлено, что наиболее высокие показатели цифровой зрелости наблюдаются в перерабатывающей промышленности и растениеводстве, тогда как животноводческий сектор демонстрирует заметное отставание по ключевым параметрам технологической трансформации. Выявлены основные проблемы цифровой трансформации агропромышленного комплекса: разнородность технологической инфраструктуры сельскохозяйственных предприятий, недостаточное развитие телекоммуникационной инфраструктуры в сельской местности, высокая капиталоемкость цифровой трансформации, дефицит квалифицированных специалистов, обладающих компетенциями как в области сельского хозяйства, так и в цифровых технологиях. Предлагается разработка информационно-аналитической системы «Аграрные технологии и технологические решения», которая позволит преодолеть существующие барьеры и обеспечить качественно новый уровень взаимодействия всех участников аграрного рынка.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, управление, преимущества, информационно-аналитическая система, проблемы, эффективность

DIGITAL TRANSFORMATION OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX ENTERPRISES

Shadrina Zh.A., Tochilova A.N.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin»,
Russia, Krasnodar, e-mail: clouds2001@mail.ru*

Studying the issues of digital transformation is important for building a digital ecosystem of the agro-industrial complex that can ensure effective cooperation between participants in the innovation process and accelerate the introduction of promising technologies into agricultural production. The purpose of the study is to analyze trends in the digital development of enterprises of the agro-industrial complex of the Russian Federation and to develop the information and analytical system “Agricultural Technologies and Technological Solutions”, which is an interactive B2B/B2G platform designed to bridge the gap between science, business and practice in the agro-industrial complex (AIC). The study is based on the analysis of scientific publications, official statistical data, using methods of comparative and monographic analysis. It has been established that the highest indicators of digital maturity are observed in the processing industry and crop production, while the livestock sector shows a noticeable lag in key parameters of technological transformation. The main problems of the digital transformation of the agro-industrial complex have been identified: the heterogeneity of the technological infrastructure of agricultural enterprises, the insufficient development of telecommunications infrastructure in rural areas, the high capital intensity of digital transformation, and the shortage of qualified specialists with competencies in both agriculture and digital technologies. It is proposed to develop an information and analytical system “Agricultural technologies and technological solutions”, which will overcome existing barriers and ensure a qualitatively new level of interaction between all participants in the agricultural market.

Keywords: digitalization, digital transformation, management, advantages, problems, information and analytical system, efficiency

Введение

Современный этап развития агропромышленного комплекса Российской Федерации характеризуется нарастанием системных противоречий между традиционными моделями хозяйствования и новыми

вызовами ресурсно-экологического и социально-экономического характера. Цифровая трансформация отечественного АПК перестает быть вопросом технологического выбора, становясь стратегическим императивом обеспечения продовольствен-

ной безопасности и конкурентоспособности национальной экономики в условиях импортозамещения и санкционного давления. События последних лет продемонстрировали уязвимость продовольственной системы России в условиях внешних ограничений. Цифровизация АПК становится элементом стратегического суверенитета, обеспечивая повышение устойчивости национальной продовольственной системы, сокращение зависимости от импортных технологий и материалов, формирование сквозной прослеживаемости от поля до прилавка.

Фундаментальной проблемой российского АПК выступает нарастающий разрыв между скоростью создания инноваций и возможностями их адаптации в реальном производственном процессе. Ежегодно отечественные исследовательские институты и вузы разрабатывают более 1000 сельскохозяйственных технологий, однако коэффициент внедрения не превышает 10–15% согласно данным Минобрнауки России¹. Этот разрыв обусловлен тремя ключевыми факторами: информационной асимметрией между разработчиками и потребителями технологий, высокими операционными издержками апробации инноваций, а также рисками внедрения. Цифровая трансформация создает инфраструктурные предпосылки для преодоления этого разрыва через формирование распределенных систем передачи знаний и создания доказательной базы эффективности технологий.

Большинство существующих научных работ сосредоточено на технических аспектах внедрения цифровых решений в деятельность предприятий агропромышленного комплекса, в то время как организационно-управленческие компоненты остаются недостаточно исследованными, что и определяет актуальность проводимых исследований [1, 2].

Цель исследования – анализ тенденций цифрового развития предприятий агропромышленного комплекса РФ и разработка информационно-аналитической системы «Аграрные технологии и технологические решения», представляющей интерактивную B2B/B2G-платформу, предназначенную для устранения разрыва между наукой, бизнесом и практикой в агропромышленном комплексе (АПК).

¹ Итоги деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/07/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.pdf> (дата обращения: 25.09.2025).

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на основе монографического анализа научных публикаций российских и иностранных ученых, посвященных вопросам цифровизации экономики и управлению современными организациями. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), аналитические отчеты известных научно-исследовательских организаций, статистические сборники по цифровизации в агропромышленном комплексе России, а также материалы федерального проекта «Цифровая экономика». Основной методологической проблемой является необходимость синтеза технологического и экономического подходов к цифровой трансформации предприятий агропромышленного комплекса.

Результаты исследования и их обсуждение

Цифровая трансформация агропромышленного комплекса России представляет собой многогранный процесс, отличающийся неравномерностью развития различных сегментов и регионов. Несмотря на отдельные успешные примеры внедрения передовых технологий, в целом отрасль демонстрирует отставание от мировых лидеров в области цифровизации. Анализ текущей ситуации позволяет выявить как достигнутые успехи, так и системные проблемы, требующие комплексного решения [3, 4].

В российском АПК можно выделить несколько приоритетных направлений технологической модернизации. Точное земледелие занимает ведущее положение в структуре цифровых проектов, однако его распространение носит очаговый характер и концентрируется преимущественно в крупных агрохолдингах. Технологии дистанционного зондирования и спутниковой навигации внедрены примерно на 35–40% посевных площадей крупных предприятий, тогда как среди средних и мелких хозяйств этот показатель не превышает 5–7%².

Цифровая логистика и управление цепочками поставок развиваются главным образом в сегменте экспортно-ориентированной продукции. Внедрение систем отслеживания на основе радиочастотной идентификации и интернета вещей позволяет сократить логистические потери на 15–20%, однако их распространение сдерживается высокими капитальными затратами и недостаточной развитостью инфраструктуры [5, 6].

² Доклад Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии делового климата в 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rspp.ru/upload/content/47c/skntv-0zurqlri3towwzz58u3e2ma38ha/> (дата обращения: 25.09.2025).

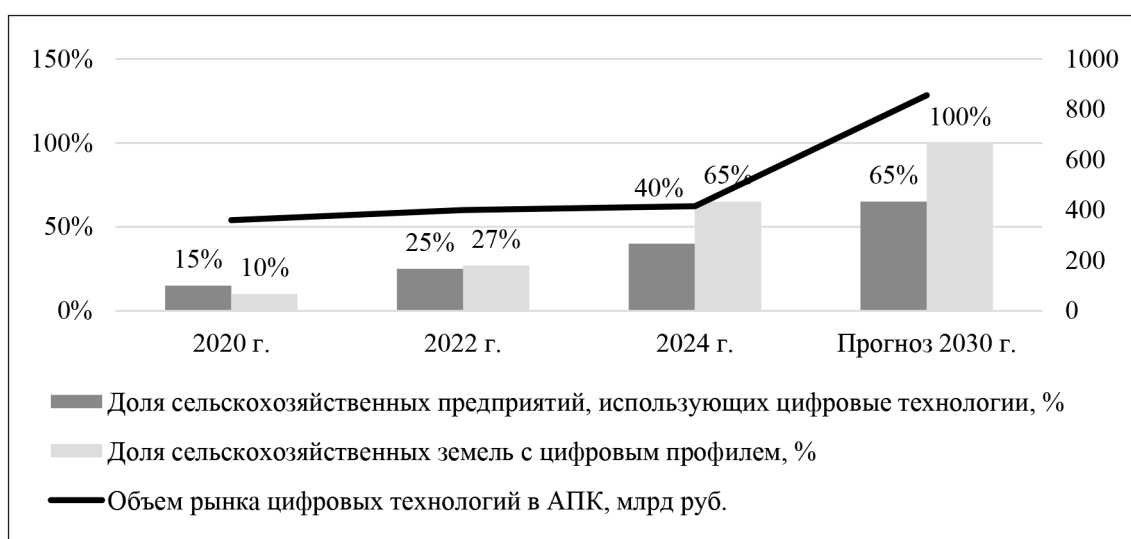

Рис. 1. Динамика процесса цифровизации АПК в РФ
 Источник: составлено автором на основе:
 URL: ВШЭ_Цифровая-экономика_2025.pdf (дата обращения: 22.09.2025)

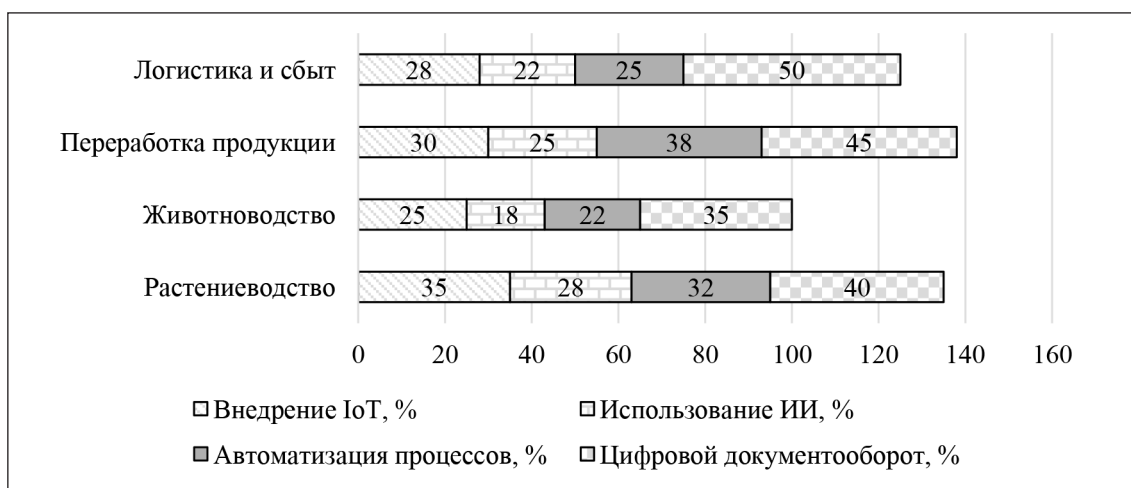

Рис. 2. Анализ отраслевой структуры цифровизации российского АПК
 Источник: составлено автором на основе [7, 8]

Развитие умного земледелия в России характеризуется выраженной поляризацией. Крупные агрохолдинги демонстрируют внедрение комплексных решений, включающих системы автоматического мониторинга состояния почв, прецизионное внесение удобрений и средств защиты растений, а также автоматизированные системы полива. В то же время для большинства средних и мелких хозяйств характерно точечное внедрение отдельных элементов цифровизации. Основными препятствиями выступают высокие капитальные затраты, недостаток квалифицированных кадров и слабая технологическая инфраструктура

в сельских регионах. Процесс динамики цифровизации агропромышленного комплекса Российской Федерации наглядно представлен на рис. 1.

Анализ отраслевой структуры цифровизации российского АПК выявляет существенные диспропорции в уровне технологического развития различных сегментов агропромышленного комплекса (рис. 2).

Наиболее высокие показатели наблюдаются в перерабатывающей промышленности и растениеводстве, что объясняется большей концентрацией капитала и наличием экономических стимулов для внедрения цифровых технологий.

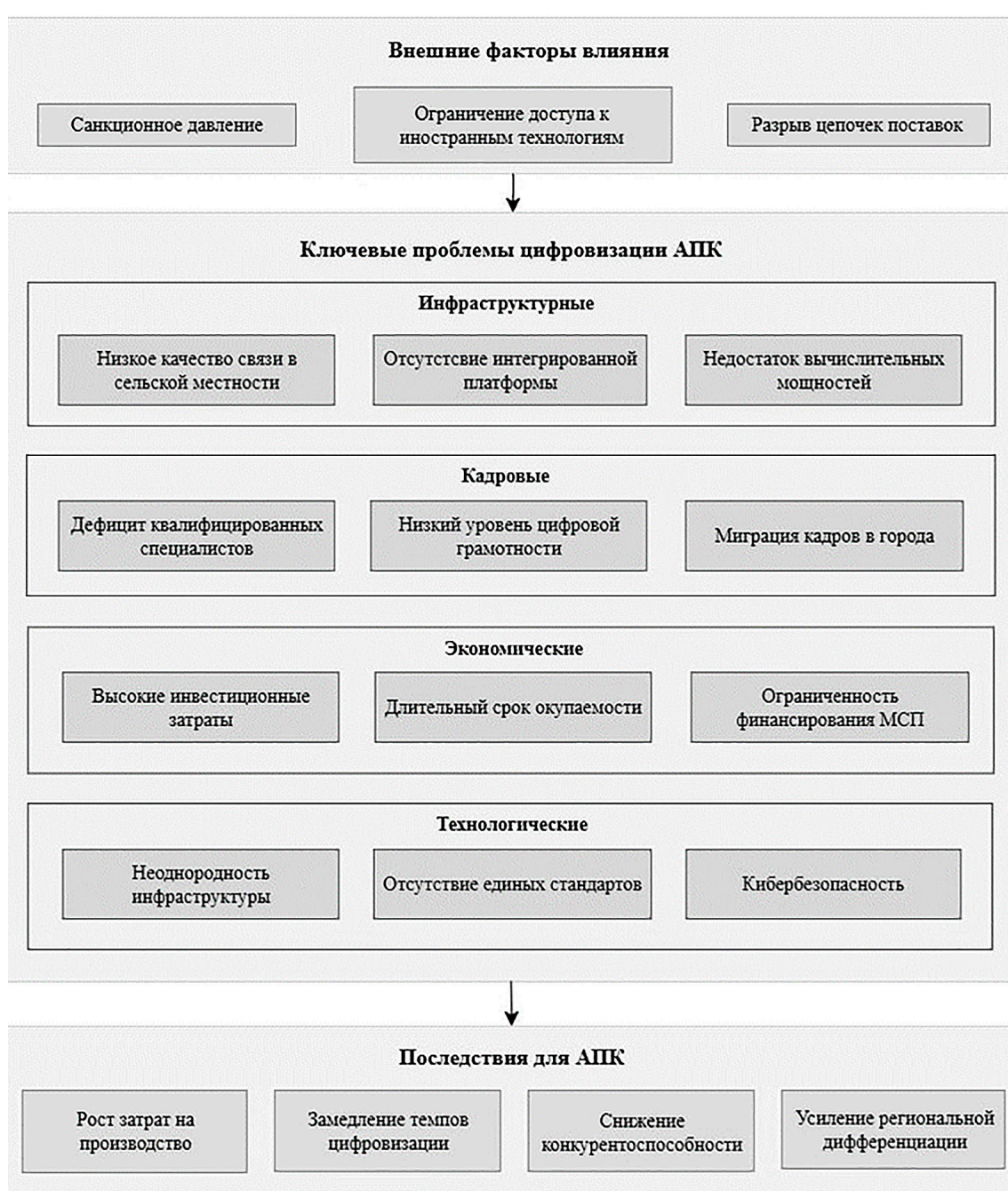

Рис. 3. Структурно-логическая схема системных проблем цифровой трансформации агропромышленного комплекса в России
Источник: составлено авторами по результатам данного исследования

В животноводческом комплексе наблюдается низкий уровень внедрения современных технологий искусственного интеллекта и автоматизации процессов – не более 18–22%. Одновременно отмечается достаточно высокий уровень цифровизации документооборота по всем отраслям (35–50%), что свидетельствует о первичном характере цифровой трансформации, скорее ориентированной на

автоматизацию рутинных операций, чем на комплексную технологическую модернизацию³. Системная классификация проблем цифровой трансформации АПК в России приведена на рис. 3.

³ Статистический сборник «Цифровая трансформация отраслей народного хозяйства Российской Федерации» за 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).

Рис. 4. Архитектоника информационно-аналитической системы
«Аграрные технологии и технологические решения»
Источник: составлено авторами по результатам данного исследования

Преодоление данных проблем требует комплексного подхода и координации всех участников процесса цифровой трансформации [9, 10]. Приоритетными направлениями должны стать развитие цифровой инфраструктуры в сельских территориях, создание системы финансовой поддержки, разработка образовательных программ, формирование единых отраслевых стандартов и нормативной базы, а также внедрение механизмов стимулирования технологической модернизации. Выявленные диспропорции указывают на необходимость разработки дифференцированных отраслевых программ цифровизации с учетом специфики различных подсекторов АПК и их технологической готовности к трансформации.

Разработка комплексных рекомендаций по повышению эффективности цифровой трансформации агропромышленного комплекса требует применения системного подхода, учитывающего технологические, организационные и экономические аспекты. Предлагаемые рекомендации должны базироваться на анализе успешного опыта внедрения и быть направлены на преодоление выявленных барьеров цифровизации [11, 12].

Формирование целостной цифровой стратегии должно стать фундаментом предстоящих преобразований [13, 14]. Существенное значение имеет определение приоритетных направлений цифровизации с учетом особенностей различных подотраслей АПК и типов хозяйств [15]. Ключевыми условиями успеха являются системный и сбалансированный подход ко всем аспектам трансформации, учет специфики различных категорий сельхозпроизводителей, постоянная адаптация мер поддержки к изменяющимся условиям, активное изучение лучших практик и своевременная коррекция подходов.

Для повышения эффективности цифровой трансформации предлагается создание информационно-аналитической системы «Аграрные технологии и технологические решения», включающей технологический и функциональный компоненты (рис. 4).

Предполагается, что платформа должна интегрировать каталог технологий с системами рейтинговой аналитики, рекомендательными сервисами, инструментами для пилотного тестирования инноваций и образовательными модулями.

Для практической реализации и внедрения в реальный сектор экономики информационно-аналитической системы «Аграрные технологии и технологические решения» необходимо осуществить проектирование архитектуры системы, разработать функциональные модули (интерактивный каталог технологий с рейтинговыми оценками, рекомендательные сервисы, виртуальные полигоны для тестирования и образовательные модули), осуществить тестирование, масштабирование платформы и поддержку пользователей. Реализуя данные этапы, удастся создать эффективную и надежную информационно-аналитическую систему, способствующую ускоренному развитию цифровых технологий в агропромышленном секторе России.

Заключение

Таким образом, современный этап развития цифровых технологий в отечественном АПК демонстрирует ограниченность точечных решений. Эффективная трансформация требует создания интегрированных платформ, объединяющих все этапы производственно-сбытовой цепочки. В качестве ключевых элементов такого подхода выступают единое информационное пространство для всех участников рынка, сквозная цифровизация процессов от производства до конечного потребителя, гармонизация стандартов и протоколов обмена данными, а также создание распределенных реестров для обеспечения доверия и прозрачности.

Предлагаемая информационно-аналитическая система позволяет преодолеть существующие барьеры и обеспечить качественно новый уровень взаимодействия всех участников аграрного рынка. Ключевыми условиями успешной реализации являются согласованность действий всех заинтересованных сторон, поэтапность внедрения с демонстрацией быстрых результатов, непрерывная адаптация к изменяющемуся технологическому ландшафту и активное изучение лучших практик.

Технологические преимущества проявятся в создании единого стандарта обмена данными, формировании доказательной базы эффективности технологий и развитии экосистемы цифровых инноваций. Социальные эффекты включают повышение привлекательности аграрных профессий, создание новых высокотехнологичных рабочих мест и улучшение качества жизни в сельских территориях.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Список литературы

1. Зинич Л.В., Астахова Е.А., Кузнецова Н.А. Модель внедрения цифровых технологий в деятельность предприятий агропромышленного комплекса // Вопросы инновационной экономики. 2025. Т. 15. № 1. С. 213–224. DOI: 10.18334/vinec.15.1.121999.
2. Торохова М.С. Цифровизация и инновации в системе развития и управления агрохолдингов и кластеров, как наиболее перспективных интегрированных структур АПК // Modern Economy Success. 2023. № 4. С. 122–126.
3. Тимиргалеева Р.Р., Вердыш М.В., Попова А.А. Развитие агропромышленного комплекса в цифровой среде на основе интеграционных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2022. № 4. С. 51–56. DOI: 10.17513/mjrf.13378.
4. Белова Е.С., Волокитин П.Н. Оценка цифровой зрелости сельскохозяйственных организаций региона как инструмент цифровой трансформации АПК // International Agricultural Journal. 2023. Т. 66. № 6. DOI: 10.55186/25876740_2023_7_6_22.
5. Парпиева Н.Р. Цифровая трансформация АПК: новые вызовы и возможности // Вопросы отраслевой экономики. 2025. № 1 (9). С. 65–72. DOI: 10.24888/2949-2793-2025-9-65-72.
6. Погребная Н.В., Барышева Д.Н., Ламазян Л.С., Плаксий В.В. Цифровая трансформация в сельском хозяйстве: проблемы и перспективы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 9–1. С. 118–123. DOI: 10.17513/vaael.2401.
7. Нормативные документы и информационные сервисы в сфере цифровой трансформации агропромышленного комплекса России. Информационное издание. М.: ФГБНУ «Росинформатех», 2024. 136 с.
8. Сальников С.Г., Горбачева М.В., Селина М.В., Тухина Н.Ю. Информатизация и цифровизация сельского хозяйства: ранговый подход. Монография. М.: ООО «Типография Айколорит», 2023. 121 с. EDN: QAXAGW. ISBN 978-5-605-05260-9.
9. Девятко В.А. Цифровая экономика: трансформация бизнеса и общества в эпоху цифровой революции // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 1. С. 105–109. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.1.1.014.
10. Рачковский И.Б., Яковлев А.Р. Оценка эффективности цифровой трансформации. Понимание цифровой трансформации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 1. № 8 (161). С. 214–225. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2025.08.01.022.
11. Отекина Н.Е. Основные направления цифровой трансформации в АПК // Экономика и предпринимательство. 2024. № 4 (165). С. 1289–1292. DOI: 10.34925/EIP.2024.165.4.259.
12. Щедрина М.В., Белова Л.А. Цифровые трансформации в системе обеспечения устойчивого развития АПК // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). С. 443–450.
13. Галимова М.П., Галимов Т.С. Выбор траекторий цифровой трансформации промышленного предприятия на основе оценки цифровой зрелости: методические подходы // Экономика и управление. 2024. № 3 (177). С. 41–46. DOI: 10.34773/EU.2024.3.7.
14. Анзиевич Д., Иванов В., Согласнова Н., Балашова Н., Немченко А. Цифровые технологии и цифровая трансформация под современные реалии аграрного производства // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2024. № 204 (10). URL: <https://ej.kubagro.ru/2024/10/pdf/51.pdf> (дата обращения: 24.09.2025).
15. Эпштейн Д.Б. Цифровая трансформация АПК и ее проблемы // Российский экономический журнал. 2023. № 3. С. 63–80. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_3_63.

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

УДК 338.242.2
DOI**МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ПРОМЫШЛЕННОЙ КОМПАНИИ****¹Капустина Л.М., ¹Власова Н.Ю., ²Нурматов В.А.**

¹*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный экономический университет»,
Россия, Екатеринбург, e-mail: lakapustina@bk.ru*

²*Общество с ограниченной ответственностью «Прософт-Системы»,
Россия, Екатеринбург, e-mail: dakotaskyeon@gmail.com*

В статье рассматриваются методы оценки конкурентоспособности организации, анализируются классификации методов в научной литературе. Целью исследования является разработка комплексного методического подхода к оценке конкурентоспособности промышленной компании на основе анализа классификаций методов оценки конкурентоспособности организации. Анализ показал, что не существует единого показателя конкурентоспособности компании и универсальной методики оценки для предприятий всех отраслей экономики. Предложен комплексный методический подход к оценке конкурентоспособности промышленной компании, который включает пять этапов: определение уровня и интенсивности конкуренции в отрасли промышленности, расчет доли рынка ведущих компаний, выявление конкурентных преимуществ анализируемой компании и ключевых конкурентов по выбранным отраслевым критериям, расчет динамической конкурентоспособности предприятия и его ключевых конкурентов. Предложенный методический подход объединяет совокупность методов: модель пяти сил конкуренции М. Портера, SWOT-анализ, экспертные методы, многоугольник конкурентоспособности, индексный, матричный и графический методы; обеспечивает высокий уровень достоверности оценки конкурентоспособности посредством сочетания экономических, технических и финансовых показателей и позволяет прогнозировать конкурентоспособность компании на основе построения матрицы конкурентных позиций. Комплексный методический подход апробирован для инженерной компании ООО «Прософт-Системы» на российском рынке промышленной автоматизации и релейной защиты. Определены текущие и будущие конкурентные позиции компании относительно ключевых конкурентов и предложены направления их усиления.

Ключевые слова: конкурентоспособность организации, рынок промышленной автоматизации, методы оценки конкурентоспособности

**A METHODOICAL APPROACH TO ASSESSING
THE COMPETITIVENESS OF AN INDUSTRIAL COMPANY****¹Kapustina L.M., ¹Vlasova N.Yu., ²Nurmatov V.A.**

¹*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg,
e-mail: lakapustina@bk.ru;*

²*Prosoft-Systems Limited Liability Company, Russia, Yekaterinburg,
e-mail: dakotaskyeon@gmail.com*

The article discusses methods for assessing the competitiveness of an organization, analyzes classifications of methods in the scientific literature. The research goal is to develop a comprehensive methodological approach to assessing the competitiveness of an industrial company based on an analysis of classifications of methods for assessing the competitiveness of an organization. The analysis showed that there is no single indicator of the company's competitiveness and a universal assessment methodology for enterprises in all sectors of the economy. A comprehensive methodological approach to assessing the competitiveness of an industrial company is proposed, which includes five stages: determining the level and intensity of competition in the industry, calculating the market share of leading companies, identifying the competitive advantages of the analyzed company and key competitors according to selected industry criteria, calculating the dynamic competitiveness of the enterprise and its key competitors. The proposed methodological approach includes a set of methods: a model of the five forces of competition. Porter's analysis, SWOT analysis, expert methods, competitiveness polygon, index, matrix and graphical methods; provides a high level of reliability in assessing competitiveness through a combination of economic, technical and financial indicators and allows predicting the competitiveness of a company based on the construction of a matrix of competitive positions. A comprehensive methodological approach has been tested for the engineering company Prosoft-Systems LLC in the Russian market of industrial automation and relay protection. The current and future competitive positions of the company relative to key competitors are determined and the directions of their strengthening are proposed.

Keywords: competitiveness of the organization, industrial automation market, methods of competitiveness assessment

Введение

За долгий период научных исследований конкурентоспособности предприятий данная тема не утратила свою актуальность. С развитием рыночных отношений и появлением новых технологий компаниям все труднее удерживать свои конкурентные позиции, что обуславливает значимость оценки их конкурентоспособности. Традиционно под конкурентоспособностью понимают способность организации успешно противостоять конкурентам и обеспечивать устойчивый рост и прибыльность. Гарчук И. акцентирует внимание на динамическом характере данного понятия, изменчивости рыночных позиций и эффективности использования ресурсов [1]. Как правило, оценка конкурентоспособности базируется на своевременном выявлении конкурентных преимуществ и анализе угроз и возможностей [2]. Чаще всего в научной литературе определение конкурентных преимуществ и слабых точек организации, а также оценка влияния факторов внешней среды проводятся с использованием SWOT-анализа [3], а основным показателем конкурентоспособности выступает доля рынка компании [4].

Наибольшее распространение получил методический подход, когда компания напрямую сравнивает себя с конкурентом или несколькими конкурентами и выявляет различия между ними. Второй подход основан на оценке выпускаемой продукции в сравнении с другими участниками рынка. При третьем подходе компания переходит в иной конкурентный статус, если сбыт и получаемая ею прибыль достигают своего максимума. Четвертый подход заключается в том, что оценивается внешняя среда, интенсивность конкуренции на рынке [5]. Пятый подход основан на составлении матриц, показывающих развернутую картину отрасли за счет охвата многих факторов, на основе комбинации которых определяются стратегии повышения конкурентоспособности компании. Шестой подход базируется на оценке эффективности использования ресурсов компании. В частности, Савич Ю.А. отмечает приоритетность эффективного применения внутренних ресурсов организации, обеспечивающих уникальность и конкурентные преимущества предприятия [2]. В связи с этим конкурентоспособность промышленного предприятия выступает результатом взаимодействия большого количества внутренних и внешних факторов, а ее оценка зависит от выбранных методов, что делает актуальным исследование методических подходов.

Цель исследования – разработка комплексного методического подхода к оценке конкурентоспособности промышленной компании на основе анализа классификаций методов оценки конкурентоспособности организации.

Материалы и методы исследования

Предложен комплексный методический подход к оценке конкурентоспособности промышленной компании, сочетающий индексные, матричные, экспертные и графические методы. Данный подход позволяет преодолеть недостатки многих представленных в научной литературе методов, заключающиеся в трудности прогнозирования конкурентоспособности организации, а также обеспечивает высокий уровень достоверности оценок за счет сочетания экономических, технических и финансовых параметров конкурентоспособности. Преимуществом методики является охват факторов внутренней и внешней среды, применение динамических методов оценки конкурентоспособности и финансовых показателей. Элементом научной новизны является предложенная матрица конкурентных позиций компании относительно ключевого конкурента. Методический подход апробирован для оценки конкурентоспособности инженерной компании ООО «Прософт-Системы» (г. Екатеринбург) на российском рынке оборудования автоматизации и релейной защиты. Информационной базой послужила бухгалтерская отчетность компаний отрасли за 2024 год.

Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее полную, развернутую и детализированную классификацию методов оценки конкурентоспособности предприятий предложили М.Б. Щепакин и Ю.В. Баженов [4]. Авторы выделяют четыре основные группы методических подходов к оценке конкурентоспособности субъекта рыночной деятельности: а) расчет интегрального показателя; б) расчет частных показателей; в) экспертные подходы; г) матричные и графические методы. Самыми популярными выступают матрица BCG (Бостонская консалтинговая группа), SWOT- и PEST-анализ и модель М. Портера [3]. Бакатин А.Н. в качестве недостатка отмечает, что матричные методы не учитывают финансовые показатели компании [6]. Также предлагается в качестве фактора конкурентоспособности компании рассматривать удовлетворенность потребителей товарами компании и дополнять известные методы моделью 4Р или 7Р [7].

Комплексный методический подход
к оценке конкурентоспособности промышленной компании

№ п/п	Этап	Метод	Показатели
1	Определение уровня конкуренции в отрасли промышленности	Модель пяти сил конкуренции М. Портера	Балльная и качественная оценка пяти сил конкуренции
2	Определение компаний-конкурентов	Количественный метод	Доля рынка
3	Определение конкурентных преимуществ относительно выявленных конкурентов	SWOT-анализ	Конкурентные преимущества, слабости компании по сравнению с конкурентами, угрозы и возможности внешней среды
4	Выявление ключевых конкурентов по выбранным параметрам, специфичным для анализируемого рынка	Графический метод, многоугольник конкурентоспособности	Балльная оценка параметров конкурентоспособности по каждой компании и интегральная балльная оценка по совокупности параметров
5	Оценка динамической конкурентоспособности компании на основе динамики выручки, эффективности использования ресурсов и ликвидности	Комбинация индексного, матричного и графического методов	Индексы динамики выручки, рентабельности и ликвидности, коэффициент динамической конкурентоспособности по отношению к каждому ключевому конкуренту

Источник: составлено авторами.

Индексные методы оценки конкурентоспособности получили большое применение. Как отмечают И.Е. Петрова и О.А. Козлова, индексы позволяют сравнить конкурентоспособность различных товаров или организаций, но их значение зависит от выбранной системы весов и базы сравнения [8]. Графические методы используют одновременно с аналитическими, чтобы наглядно продемонстрировать конкурентную ситуацию. Самым распространенным инструментом выступает многоугольник конкурентоспособности. По выражению Юровой Ю.П., при применении метода складываются баллы, характеризующие конкурентные преимущества организаций [9]. Можно согласиться с Харламовым М.Д., считающим, что чем более востребован товар на рынке у потребителей, тем более конкурентоспособна фирма, его производящая [10]. Шишлонова А.А. отмечает, что до сих пор не выработана единая общепринятая методика оценки конкурентоспособности компании, и расчеты показателей конкурентоспособности разных предприятий одной отрасли могут значительно различаться [11].

Для оценки конкурентоспособности промышленных компаний применимы все группы проанализированных методов, но имеется и специфика. На промышленном рынке преобладает внутриотраслевая конкуренция, борьба за рынки сбыта [12]. Ограничен как круг поставщиков, так и перечень корпоративных клиентов.

По мнению Ван. Д., конкурентоспособность промышленной компании не может быть сведена к одному универсальному показателю [13]. Можно согласиться с мнением, что низкая рентабельность обрабатывающей промышленности России в долгосрочном периоде негативно сказалась на ее конкурентоспособности, поэтому в управлении конкурентоспособностью важно отслеживать показатели динамики продаж, доли рынка, операционной эффективности, инновационной активности и ряда других [14]. В таблице представлены предложенные этапы и комплекс методов по оценке конкурентоспособности промышленной компании.

В основу пятого этапа положен методический подход Э.Ф. Файзуллиной, предложившей рассчитывать конкурентоспособность организации как произведение коэффициентов стратегического позиционирования, операционной эффективности и финансового состояния [15]. В развитие данного динамического подхода предложено рассчитывать коэффициенты конкурентоспособности как произведение индекса выручки за установленный период, индекса рентабельности и индекса ликвидности. Индекс выручки характеризует потенциал увеличения доли рынка, индекс рентабельности – рост эффективности использования ресурсов и индекс ликвидности – динамику финансовой устойчивости компании. Превышение коэффициента динамической конкурентоспособности

компания относительно ключевых конкурентов свидетельствует о наличии достаточных средств у компании для реализации конкурентной стратегии в будущем. Далее строятся матрицы конкурентных позиций попарно с каждым ключевым конкурентом, по оси Y откладываются индексы показателей динамической конкурентоспособности анализируемого предприятия, а по оси X – аналогичные показатели ключевого конкурента. Координатами выступают: I – индекс выручки; E – индекс рентабельности; L – индекс ликвидности; K – коэффициент конкурентоспособности. Выделение четырех квадрантов позволяет проанализировать состояние конкурентной борьбы между организациями. Методический подход реализован для инженерной компании ООО «Прософт-Системы» по данным за 2024 год.

Этап 1. Определение уровня конкуренции в отрасли. Угроза со стороны товаров-заменителей на рынке автоматизации и релейной защиты оценивается как низкая или умеренная. Интенсивность соперничества определена как высокая. К ключевым факторам конкурентной борьбы относятся качество продукции, уровень технологической инновационности, цены и дополнительные услуги. Высокие барьеры входа, такие как значительные капитальные затраты на создание производственных мощностей, необходимость наличия квалифицированного персонала и сложные технологические требования, ограничивают возможность быстрого выхода на рынок новых компаний. Несколько игроков не смогут контролировать больше половины рынка. Покупатели обладают большой властью, что обусловлено их способностью диктовать условия контрактов, требовать индивидуальных решений и снижения цен. Отрасль сильно зависима от поставщиков.

Этап 2. Определение компаний-конкурентов. Расчеты доли рынка показали, что компания «Прософт-Системы» за 2024 год заняла среди конкурентов лидирующие позиции с удельным весом 9,6% в общем объеме российского рынка промышленной автоматизации. На втором месте находится ООО «Юнител-Инжиниринг» с долей рынка 8,2%. Далее следуют: ООО «НИИЭФА-ЭНЕРГО» (7,1%), ООО «Вест-Инжиниринг» (6,9%), ООО «НПО Электроавтоматика» (3,6%), ООО «ТСН-ЭЛЕКТРО» (3,3%).

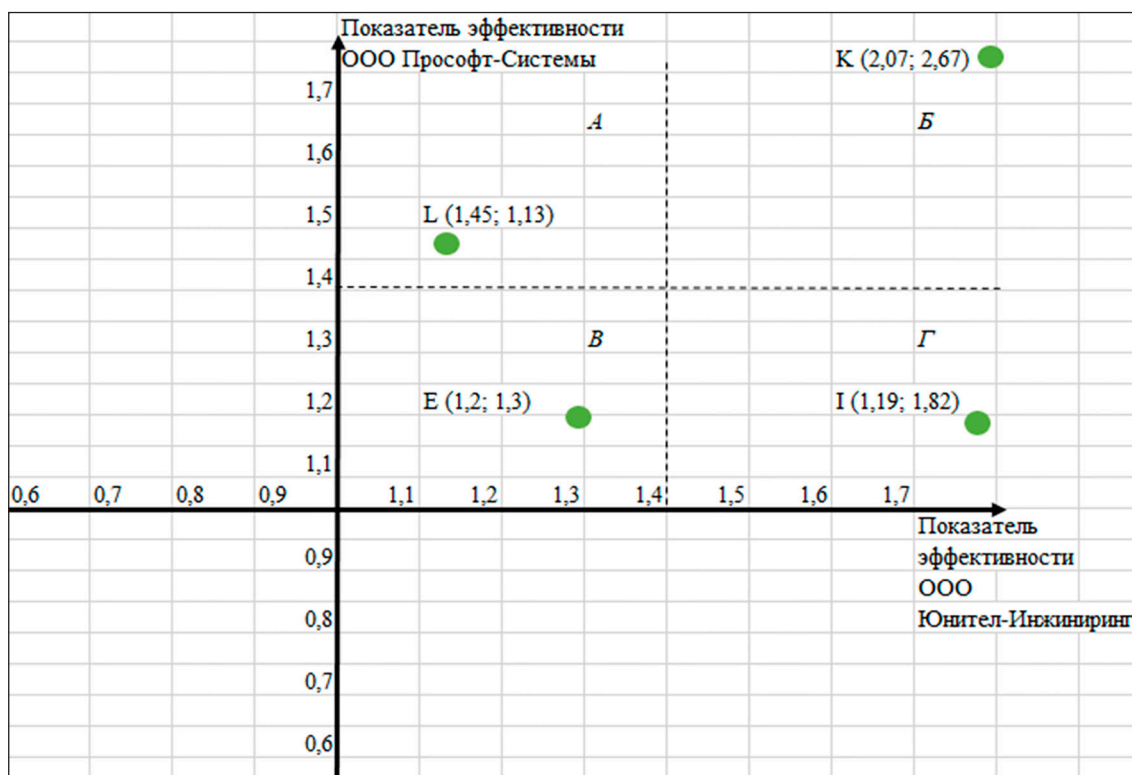
Этап 3. Определение конкурентных преимуществ относительно выявленных конкурентов. На основе SWOT-анализа выявлены конкурентные преимущества компании: наличие собственных производственных и научно-исследовательских

баз, полный цикл и гибкость производства, контроль качества, наличие сертификатов, возможность адаптации решений под конкретные требования заказчика, позволяющая подобрать индивидуальный подход к каждому потребителю, делая компанию клиентоориентированной. Большое значение имеют развитая сеть филиалов и представительств в разных регионах РФ и стран СНГ. К слабым сторонам отнесены: зависимость от одного канала продаж – тендеры, что удлиняет процесс принятия решения о покупке сложного оборудования; медленное расширение продуктовой линейки и игнорирование политики диверсификации. Возможностью для ООО «Прософт-Системы» может стать искусственный интеллект, который уже используется компанией на некоторых моделях автоматизации и релейной защиты. Инвестиции в исследования искусственного интеллекта для автоматизации процессов могуткратно усилить позиции ООО «Прософт-Системы» относительно конкурентов.

Этап 4. Выявление ключевых конкурентов. Определены параметры конкурентоспособности на рынке промышленной автоматизации: качество, цена, сроки поставки, инновационность продукции, доступность комплектующих, экологичность, послепродажное обслуживание, качество работы службы поддержки, удобство для клиентов веб-ресурсов компании. На основе расчета баллов с использованием оценок экспертов и построения многоугольника конкурентоспособности можно сделать вывод о том, что ключевыми конкурентами ООО «Прософт-Системы», получившего суммарно по всем параметрам 36 баллов, являются компании «ТСН-ЭЛЕКТРО» (38 баллов) и «Юнител-Инжиниринг» (39 баллов). «Юнител-Инжиниринг» опережает ООО «Прософт-Системы» по качеству и инновационности продукции, срокам поставки и веб-ресурсам компании. У ООО «ТСН-ЭЛЕКТРО» выше показатели качества продукции и веб-ресурсов. Однако обе компании отстают от «Прософт-Системы» по показателю цены.

Этап 5. Оценка динамической конкурентоспособности относительно ключевых конкурентов. Матрица конкурентных позиций ООО «Прософт-Системы» и «Юнител-Инжиниринг» представлена на рисунке.

Показатель динамической конкурентоспособности ООО «Юнител-Инжиниринг» со значением 2,67 превысил ее уровень у ООО «Прософт-Системы» (2,07), что отражено в квадранте Б матрицы и означает более высокий потенциал повышения конкурентоспособности в будущем.

Матрица конкурентных позиций ООО «Прософт-Системы» и ООО «Юнител-Инжиниринг» на российском рынке оборудования автоматизации и релейной защиты за 2024 год
 Источник: рассчитано авторами по: Бухгалтерия России: Бухгалтерская отчетность предприятий РФ / Audit-It, 2025. URL: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/ (дата обращения: 15.08.2025).

Наибольшее отставание от ключевого конкурента произошло по динамике выручки (квадрант Г), примерно равны показатели рентабельности за 2024 год (квадрант В). Лучше обстоят дела по ликвидности, которая у ООО «Прософт-Системы» составила 1,45, а у ООО «Юнител-Инжиниринг» – 1,13 (квадрант А). У ключевого конкурента имеется обширная клиентская база, готовая платить за ее инновационные решения, и рентабельность продаж находится на высоком уровне, но компания имеет малый ресурс на НИОКР. «Юнител-Инжиниринг» активно рекламирует себя, специалисты компании регулярно посещают технические вузы с лекциями и интерактивными презентациями. Компания ведет блог о своей работе на веб-сайте, а также пишет статьи для технических и специализированных журналов на русском и английском языках, много вкладывает в развитие своего имиджа в отрасли, и это дает свои плоды, как показал анализ. ООО «Юнител-Инжиниринг» выступает самым сильным конкурентом на рынке промышленной автоматизации и релейной защиты для ООО «Прософт-Системы».

Аналогичная матрица построена для второго ключевого конкурента ООО «ТСН-ЭЛЕКТРО». Коэффициент динамической конкурентоспособности выше у «Прософт-Системы», 2,07 и 1,36 соответственно, но выручка у второго ключевого конкурента растет быстрее. Данные за 2020-2024 годы показывают, что ООО «ТСН-ЭЛЕКТРО» имеет потенциал роста и устойчивости на рынке, что может сделать ее серьезным противником на рынке промышленной автоматизации.

Заключение

Можно заключить, что оценку конкурентоспособности промышленной компании целесообразно проводить при помощи совокупности различных методик, что дает более достоверную информацию о ее конкурентной позиции в отрасли за счет взаимодополняемости методов относительно друг друга. Предложенный комплексный методический подход включает пять этапов и комбинацию индексного, матричного, графического и экспертных методов. Его сильной стороной является включение динамики финансовых показателей компа-

ний как основы реализации их конкурентных стратегий. Методический подход апробирован на примере ООО «Прософт-Системы», что позволило сделать вывод об устойчивых конкурентных позициях компании на российском рынке промышленной автоматизации и релейной защиты. «Прософт-Системы» обладают потенциалом для дальнейшего роста конкурентоспособности. Конкурентные стратегии компании связаны с диверсификацией каналов продаж, расширением продуктовой линейки, внедрением инновационных решений и искусственного интеллекта, постоянным контролем качества, бенчмаркингом выявленных ключевых конкурентов.

Список литературы

1. Garchuk I.M. Competitiveness, competitive advantages of the organization: concepts, factors of ensuring competitiveness // Vestnik of Brest State Technical University. 2024. No. 3(135). P. 160-163. DOI: 10.36773/1818-1112-2024-135-3-160-163.
2. Савич Ю.А. Инструментарий стратегического управления конкурентоспособностью предприятия // ЭКОНОМИНФО. 2019. Т. 16. № 1. С. 27-32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentariy-strategicheskogo-upravleniya-konkurentosposobnostyu-predpriyatiya> (дата обращения: 22.08.2025).
3. Benzaghta M.A., Elwalda A., Mousa M.M., Erkan I., Rahman M. SWOT analysis applications: An integrative literature review // Journal of Global Business Insights. 2021. № 6(1). P. 55-73. DOI: 10.5038/2640-6489.6.1.1148.
4. Щепакин М.Б., Баженов Ю.В. Классификация подходов к оценке конкурентоспособности субъекта рыночной деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-podhodo...> (дата обращения: 14.08.2025).
5. Потеева М.А., Бондарева Е.Р. Методология системной оценки конкурентоспособности предприятия по пяти конкурентным силам // Экономические исследования и разработки. 13.10.2017. URL: <http://edrj.ru/article/03-10-2017> (дата обращения: 17.08.2025).
6. Бакатин А.Н. Анализ методов оценки конкурентоспособности предприятия // Прогрессивная наука. 2021. № 1. С. 18-30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-metodov-otsenki-konkurentosposobnosti-predpriyatiya-2> (дата обращения: 07.09.2025).
7. Ulhaq T.Z. Business to Business (B2B) Marketing Strategy for Construction Industry Equipment Manufacturing Company, CV. Ziaulhaq Solution // Return: Study of Management, Economic and Bussines. 2025. Vol 4(1), January 2025. P. 36-49. URL: <https://return.publikasikupublisher.com/inde...> (дата обращения: 03.09.2025).
8. Петрова И.Е., Козлова О.А. Методические подходы к оценке конкурентоспособности организаций // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 4. С. 2245–2256. DOI: 10.18334/epp.15.4.122972.
9. Юрова П.Н. Многоугольник конкурентоспособности как метод оценки конкурентоспособности кластера и кластерной продукции // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. 2022. № 2. С. 30-41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogougolnik-konkurentosposobnosti-...> (дата обращения: 06.09.2025).
10. Харламов М.Д. Сравнительный анализ методов оценки конкурентоспособности современного предприятия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. С. 207-211. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-4-2-207-211.
11. Шишлонова А.А. Конкурентоспособность предприятия: принципы и методы оценки // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 1-2. С. 159-161. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-1-283-159-161.
12. Селютин Л.Г., Бородунова В.В., Песоцкая Е.В. Методологические аспекты управления конкурентоспособностью промышленных предприятий в условиях современной экономики // Kant. 2020. № 4. С. 191-195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty> (дата обращения: 19.08.2025).
13. Ван Д. Методологические подходы к формированию сущности понятия «конкурентоспособность промышленности» // Региональная экономика. Юг России. 2025. Т. 13, № 1. С. 112–119. DOI: 10.15688/re.volsu.2025.1.11.
14. Афанасьев А.А. Промышленность России: текущее состояние и условия формирования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 105-126. DOI: 10.18334/vinec.13.1.116946.
15. Файзуллина Э.Ф. Сравнительный анализ подходов к оценке конкурентоспособности // Многополярный мир в фокусе новой действительности: материалы XIII Евразийского экономического форума молодежи, Екатеринбург, 24–28 апреля 2023 года. Т. 2. Екатеринбург: УрГЭУ, 2023. С. 71-73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54166127> (дата обращения: 10.08.2025).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

УДК 332.05
DOI

**ДИНАМИЧНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ
СБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ**

¹Шохнех А.В., ²Кокодей Т.А., ²Григоренко Л.А.,
³Мифтахов Т.С., ³Ахметшин Р.Ф.

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»,
Россия, Волгоград, e-mail: shokhnekh@yandex.ru;

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет», Россия, Севастополь;

³Казанский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой
образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации», Россия, Казань

Цель исследования заключается в применении динамического подхода к раскрытию уровня региональной сбалансированной системы для гармоничного взаимодействия всех элементов, обеспечивающих ресурсную обеспеченность и безопасность, удовлетворение спроса на качество жизни населения и устойчивое развитие региона. Задачи исследования определены в направлении: 1) выделения существенных и знаковых подходов к пониманию сбалансированной региональной системы; 2) теоретического анализа показателей, отражающих сбалансированность региональной системы; 3) влияния статических и динамических факторов на региональную сбалансированность; 4) обоснование динамичности региональной сбалансированной системы; 5) анализа уровня сбалансированной региональной системы. Аналитический и синтетический методы, динамический подход применялись в исследовании теоретического обзора сущностных понятий и направлений формирования сбалансированной системы. Сравнительный анализ научных материалов проводился в процессе выявления и классификации показателей динамической модели сбалансированной системы социально-экономического развития региона. В статье обоснованы и уточнены основные подходы к формированию сбалансированной региональной системы, которые находятся в постоянном динамическом развитии. Динамический подход строится на основе статистических показателей, обеспечивая сглаживание неблагоприятных территориальных географических, пограничных, гидрографических, рельефных, почвенных, природных, климатических, погодных условий. Гибкость и адаптивность динамического подхода позволяет балансировать региональную систему политическими стимулирующими механизмами, расширяющими экономические возможности отраслей, обеспечивающих формирование инвестиционных благоприятных условий и рост региональных рынков. Определены перспективы и потребности применения инструментария и показателей, позволяющих установить уровень сбалансированности региональной системы, что позволит обосновывать приоритетность динамической стимулирующей политики, устраняя конфликты интересов субъектов в региональном управлении. Показатель региональной сбалансированности может отражать степень равномерного социально-экономического развития различных территорий в регионе с позиции динамики: распределения ресурсов, капиталов, инвестиций; локального уровня доходов населения, локального уровня бытового комфорта населения; развитости инфраструктуры, коммуникации и транспортного сообщения; экономической активности.

Ключевые слова: регион, сбалансированность, динамичность, сбалансированная система показателей, уровень сбалансированности, внутренний региональный продукт, региональная инфраструктура, экономическое развитие региона

DYNAMICS OF A REGIONAL BALANCED SYSTEM

¹Shokhnekh A.V., ²Kokodey T.A., ²Grigorenko L.A.,
³Miftakhov T.S., ³Akhmetshin R.F.

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Volgograd State
Socio-Pedagogical University, Russia, Volgograd, e-mail: shokhnekh@yandex.ru;

²Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol;

³Kazan Cooperative Institute (branch) of the Autonomous Non-Profit Educational
Organization of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation
"Russian University of Cooperation", Russia, Kazan

The purpose of the study is to apply a dynamic approach to revealing the level of a regional balanced system in order to ensure harmonious interaction between all elements that ensure resource security, meet the demand for quality of life, and promote sustainable development in the region. The research objectives are as follows: 1) to identify significant and iconic approaches to understanding a balanced regional system; 2) to theoretically analyze indicators that reflect the balance of a regional system; 3) to examine the impact of static and dynamic factors on regional balance; 4) to justify the dynamism of a balanced regional system; and 5) to analyze the level of a balanced regional system. Analytical and synthetic methods, a dynamic approach were used in the study of a

theoretical review of essential concepts and directions of formation of a balanced system. A comparative analysis of scientific materials was carried out in the process of identifying and classifying indicators of a dynamic model of a balanced system of socio-economic development of the region. The article substantiates and clarifies the main approaches to the formation of a balanced regional system, which are in constant dynamic development. The dynamic approach is based on statistical indicators, ensuring the smoothing of unfavorable territorial, geographical, border, hydrographic, relief, soil, natural, climatic, and weather conditions. The flexibility and adaptability of the dynamic approach allows the regional system to be balanced by political incentive mechanisms that expand the economic opportunities of industries, ensuring the formation of investment-friendly conditions and the growth of regional markets. The prospects and needs for the use of tools and indicators that allow for the establishment of the level of balance in the regional system have been identified, which will allow for the justification of the priority of dynamic incentive policies, eliminating conflicts of interest among regional management entities. The indicator of regional balance can reflect the degree of uniform socio-economic development of various territories in a region from the perspective of dynamics: distribution of resources, capital, and investments; local income levels, local living standards, infrastructure development, communication, and transportation, and economic activity.

Keywords: region, balance, dynamism, balanced scorecard, level of balance, internal regional product, regional infrastructure, economic development of the region

Введение

Генезис сбалансированной региональной системы проявляется как концепт гармоничного развития структурных элементов различных аспектов территории в направлении устойчивого и эффективно-го исполнения функциональной организации. Основные подходы к сбалансированной региональной системе реализуются через ключевые элементы, которые находятся в постоянном динамическом развитии, включая: 1) направления, формирующие благоприятные условия роста бизнеса, в условиях инвестирования в инфраструктуру; 2) благоприятные социальные условия высокого уровня жизни как доступность к здравоохранению, образованию и социально-бытовым услугам; 3) условия экологической устойчивости как обеспечение: сохранность и восполняемость природных ресурсов, охраны окружающей среды; применения экологически чистых технологий; 4) условия институциональной эффективности как гибкость управления и прозрачность решений органов власти; 5) культурное обогащение через поддержку инициатив, сохранение региональных традиций и идентичности; 6) инновационную направленность на безопасные технологии и научные разработки; 7) инфраструктурно-коммуникационное сообщение территории с центрами и периферией, технологическое и цифровое обеспечение территорий субъектов, направленное на расширение бытового комфорта населения; 8) ресурсная обеспеченность региона в трансформации шести видов капитала.

Цель исследования – применение динамического подхода к раскрытию уровня региональной сбалансированной системы, позволяющей гармонично взаимодействовать субъектам в условиях достижения ресурсной обеспеченности и безопасности, удовлетворенности спроса на каче-

ство жизни населения и устойчивое развитие региона.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования включают: 1) теоретическое и практическое обоснование генезиса и внедрение региональной сбалансированной системы, включающей показатели и параметры; 2) обзор уже полученных классификаций показателей региональной сбалансированности; 3) исследование статических и динамических показателей с позиции сбалансированности региона; 4) результаты уточнения динамического подхода в условиях регионального социально-экономического развития. В теоретическом и практическом анализе синтетический и аналитический методы позволили, во-первых, установить основные тенденции социально-экономического развития региона в финансовых и нефинансовых показателях; во-вторых, выявить особенности применения классификаций показателей динамической модели сбалансированной системы социально-экономического развития региона, мобилизующие через стимулирующую политику ресурсный потенциал субъектов, учитывая природно-климатические условия, пограничное расположение субъекта, ресурсную обеспеченность, традиции и культурные особенности населения.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Теоретическое и практическое обоснование генезиса и внедрение региональной сбалансированной системы, включающей показатели и параметры, фокусируется на построении системы, обеспечивающей гармоничное взаимодействие всех ее элементов для повышения качества жизни населения и устойчивого развития региона. В процессе научного обзора динамичности

региональной сбалансированной системы выявлены альтернативы оптимальных условий существования регионального баланса. Так, по мнению Д.С. Кеменева, сбалансированность региона проявляется в балансе между краткосрочными и долгосрочными целями, финансовыми и нефинансовыми показателями, ключевыми и вспомогательными параметрами, внешними и внутренними влияющими факторами, что предполагает формирование концепции для стратегирования и понимания методико-технологической системы сбалансированных показателей как достижение целевого состояния объекта управления [1]. Формирование и реализация сбалансированной системы показателей обосновывается Э.В. Поповой как управленческая непрерывная взаимосвязанная деятельность оценки финансовых состояний и достижений в концепции процессно-структурированного подхода [2]. И.А. Жужгина, П.С. Харламов обозначают целесообразность применения подходов к формированию методики сбалансированной системы показателей как обеспечение информацией об изменении внешне политически граничащих регионов и муниципальных образований, непрогнозируемых влияний человеческих факторов [3]. Следовательно, в настоящее время выявляется единое мнение об установлении и внедрении региональной сбалансированной системы, которая позволит формировать информационный ресурс для управления на региональном уровне тактическими и стратегическими приоритетами.

2. Обзор уже полученных классификаций показателей региональной сбалансированности отражает ключевые факторы и информационные потребности групп акторов, которые стремятся к количественной идентификации на основе данных государственной статистики. В научном труде В.Н. Мякшиной и др. устанавливаются к исследованию 12 показателей, контролирующих применение принципов сбалансированного подхода [4]. Однако важно отметить, что в исследованиях авторов научных статей предлагается принцип общих механизмов регионального регулирования построения и анализа сбалансированной системы показателей для формирования информационного ресурса о направлениях благоприятных условий экономического развития территорий [5, 6].

В атрибутах современных тенденций В.Н. Мякшина и соавт. предлагают проводить именно сбалансированный анализ на региональном и муниципальном уровнях. Такой подход позволил через синтез нескольких методик обосновать сбаланси-

рованную систему в фокусе инвестиционной привлекательности и выделить четыре крупных блока интегральных показателей, включая:

- 1) группу производственно-финансовых и институциональных показателей;
- 2) группу природно-ресурсных показателей;
- 3) группу инфраструктурных показателей;
- 4) группу политико-экономических и социальных показателей [7].

Некоторые исследователи поддерживают понятие региональной сбалансированности как ресурсный и политический подход к миссии организации во взаимосвязи с резервами роста бюджетных доходов. Анализ условий комплексного влияния на стабилизацию региональной политики рассматривается как важный подход, где предлагается учитывать: во-первых, инновационно-инвестиционную привлекательность рынка как финансовую стабильность и высокий уровень результативности отраслей и рынков; во-вторых, реализацию поддержанных государством инноваций как сбалансированность внутренних процессов; в-третьих, монополистическое регулирование общественной инфраструктуры для производственно-инновационной эффективности как обеспеченность и удовлетворенность потребителей; в-четвертых, реализацию инновационных государственных проектов, стимулируемую через региональные предприятия как инновационно-технологическое и компетентностное развитие в регионе [8, 9].

3. Однако авторы данной статьи предлагают фокусироваться на статических и динамических показателях экономической независимости и безопасности в условиях обеспеченности региональной сбалансированности, что раскрывается через географическую характеристику (расположение, площадь, природные ресурсы); демографическую ситуацию (численность населения, возрастная структура, миграционные процессы); экономический потенциал, основанный на лидирующих и «западающих» отраслях; качественный уровень производства, уровень доходов; социальную обеспеченность региона, которая характеризуется обеспеченностью качественным образованием, здравоохранением, транспортной коммуникацией региона; культурно-исторические и этнические территориальные особенности.

В условиях устойчивого развития скорость сменяющихся событий, открытий современного мира обуславливает динамическое состояние экономики, которое проявляется во всех сферах жизнедеятельности

общества, включая экологию, социальную среду, технологическое развитие. Такое течение регионального развития обосновывают требования, предъявляемые к управлению сложной динамической системой, которая должна характеризоваться гибкой адаптивностью к внешним и внутренним трансформациям. Именно поэтому в странах с большой территорией очевидна эффективность управления в региональных системах как части целостной территории. Отдельные региональные системы позволяют мобилизовать ресурсный потенциал субъектов, учитывая климатические условия, пограничное расположение субъекта, природные ресурсы, культурные и этнические особенности населения. В.К. Верхолева и др. утверждают, что в новых требованиях к устойчивости развития региональной экономической системы определяется потребность в разработке новых инструментов управления экономических систем мезоуровня [10].

На этапе исследования статических и динамических показателей с позиции сбалансированности региона разграничиваются сущностные характеристика с позиции скорости и периодичности изменений социально-экономических факторов в измеряемый времени: месяц; квартал, полугодие; год; 3 года; 5 лет; 10 лет и далее. Существенным аспектом управления региональной социально-экономической реализации являются именно статические (устойчивые) факторы, которые не меняются с течением времени, носят устойчивые характеристики в ближайшем будущем.

В статическую группу показателей входят:

1) характеристики локализации региона на конкретной территории как географические факторы в совокупности явлений природы, рельефа, гидрографии, почвы, ресурсов и пр.;

2) характеристики экологии и природного биоразнообразия территории;

3) характеристики климатических условий как устойчивый режим погоды на определенной местности, повторяющийся из года в год;

4) характеристики погодных условий как совокупность непрерывно меняющихся значений атмосферных явлений в момент времени (ветер, облака, атмосферные осадки (дождь, снег, град), туманы, грозы, пыльные бури и метели; наводнения, торнадо и ураганы);

5) характеристики приграничных экономических регионов и зон;

6) характеристики традиционных культурных особенностей и национально-этнических условий;

7) характеристики исторических особенностей, сложившихся в условиях многовековой бытности территории.

Однако важно отразить, что и статические показатели могут со временем претерпевать изменения в условиях внешних и внутренних факторов, включая: силовые давления; нерациональное использование ресурсов; экологические катастрофы и результаты военных действий; проявление благоприятных и пагубных условий приграничных территорий. Именно объективными условиями являются статические показатели, требующие внимания и учета закономерностей повторяющихся факторов. Стратегирование сбалансированности региона напрямую коррелируется с климатом территории, ее природой, факторами географического и территориального окружения.

Однако на фундаменте статистических показателей выстраивается группа актуальной динамики данных. Динамические факторы проявляются как возможности развития региона в условиях адаптации и гибкости, что позволяет сглаживать неблагоприятные условия статических территориальных особенностей или компенсировать дефициты ресурсов для развития территории.

4. Результаты уточнения динамического подхода в условиях регионального социально-экономического развития обосновываются в изменчивости во времени политических характеристик, включая: 1) политические рычаги стимулирования экономических видов деятельности региональных отраслей; 2) смену лидеров региональных рынков; 3) формирование благоприятных условий инвестиционной привлекательности рынка; 4) расширение предложений регионального продукта; 5) условия стимулирования отраслевых тенденций роста монополизации; 6) разработку, выбор и применение оптимальных консолидированных стратегий; 7) появление квазиконкуренции [11].

Установлено, что важность нового подхода к оценке достигнутого уровня региональной эффективности определяется Е.В. Суминой с позиции динамических компетенций технологического развития и применения передовых современных технологических решений [12]. Именно в таком контексте динамические свойства сбалансированности проявляются в региональной политике, которая направлена на долгосрочные стратегии и краткосрочные интересы общества, а также на разрешение конфликтов приоритетности между разновременными стратегиями и решениями [13, 14].

Именно инструментарий и показатели динамической сбалансированности регио-

нальной системы могут указывать на приоритетность направлений политики, устраняя конфликты интересов субъектов в региональном управлении. По результатам анализа качественных и количественных данных, структурных связей между переменными или компонентами региональной системы формируется информационное обеспечение, применение которого позволит динамично балансировать решения в политике экологического, социального, культурного, экономического территориального развития, обеспечивая экономическую независимость, безопасность и качество жизни населения конкретного региона [14, 15].

В региональной диагностике на организационном этапе целесообразно установить такое понятие, как уровень региональной сбалансированности. Уровень региональной сбалансированности показывает, насколько регион экономически безопасен и независим в направлении обеспечения потребностей регионального населения. Высокий уровень региональной сбалансированности отражает равномерное распределение ресурсов между локальными территориями субъекта и полную обеспеченность спроса жителей региона, что способствует устойчивому развитию и снижению социального напряжения. Низкий уровень региональной сбалансированности, во-первых, указывает, на значительные различия между региональным спросом и предложением; во-вторых, отражает дефицит или переизбыток предложений; в-третьих, подтверждается миграцией, экономическими и социальными проблемами.

Для оценки уровня внутренней региональной динамической сбалансированности целесообразно анализировать и оценивать следующие показатели:

1) разрыв в уровне ВРП (валового регионального продукта) на душу населения между локальными территориями региона и городскими округами;

2) различия в уровне занятости и безработицы между периферийными территориями региона и городскими округами;

3) различия в уровне доходов населения между периферийными территориями региона и городскими округами;

4) различия в охвате коммуникационными инфраструктурными сетями между периферийными территориями региона и городскими округами;

5) различия в доступе к социальным услугам между периферийными территориями региона и городскими округами.

Безусловно, региональная сбалансированная система показателей и параметров формируется на количественных и каче-

ственных атрибутах: финансовые количественные показатели и параметры имеют финансовые абсолютные и относительные измерители (размер внутреннего регионального дохода (руб.)); нефинансовые количественные показатели и параметры имеют нефинансовые натуральные абсолютные и относительные измерители (число безработных в регионе); финансовые качественные показатели и параметры имеют финансовые абсолютные и относительные измерители (показатели, характеризующие эффективность вложенных инвестиций региональных правительственных программ); нефинансовые качественные показатели и параметры имеют нефинансовые натуральные абсолютные и относительные измерители (описание качества образования; описание состояния окружающей среды). Все виды показателей могут интегрироваться в региональных отчетах, отражающих сбалансированность как достигнутый уровень устойчивого развития региона, акцентируя внимание на создаваемой ценности в отраслевых производственных и воспроизводственных процессах экономических отношений.

Заключение

В статье с теоретической и практической обоснованностью уточнены сущностное понятие динамичности региональной сбалансированности и системы показателей, которые подтверждают уровень социально-экономического развития региона в условиях принятия обоснованных управленческих решений. Показатель региональной сбалансированности может отражать уровень равномерного социально-экономического развития различных территорий в регионе с позиции: распределения ресурсов, капиталов, инвестиции; локального уровня доходов населения, локального уровня бытового комфорта населения; развитости инфраструктуры; экономической активности. Динамический подход позволяет балансировать региональную систему в условиях применения политики региона, устанавливающей стимулы развития и барьеры для сдерживания, балансирующие состояние региона. Политические стимулы позволяют расширять экономические возможности отраслей в инвестиционных благоприятных условиях. Применение инструментария и показателей, позволяющих установить уровень сбалансированности региональной системы, позволит отразить приоритетность постановки стратегий на основе доказательного ресурса регионального управления, снижая конфликты интересов в экономических отношениях.

Список литературы

1. Кеменев Д.С. Сущность сбалансированной системы показателей с точки зрения стратегического финансового контроля // Вестник Московской международной академии. 2023. № 1. С. 102–104. EDN: BKKUWR.
2. Попова Э.В. Процессно-структурированный подход в формировании сбалансированной системы показателей // Экономический вестник Донбасского государственного технического института. 2022. № 11. С. 42–46. EDN: OJVCFB.
3. Жужгина И.А., Харламов П.С. Формирование модели сбалансированной системы показателей социально-экономического развития на основе методики интеллектуального анализа данных // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 3–1. С. 385–396. DOI: 10.34670/AR.2023.63.76.077. EDN: TSMXEI.
4. Мякшин В.Н., Гришина И.В. Формирование стратегии повышения инвестиционной привлекательности региона на основе сбалансированной системы показателей (на примере Архангельской области) // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9. № 1. С. 54–68. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.1.5. EDN: DZERPV.
5. Максимов Ю.М., Митяков С.Н., Митякова О.И., Бондин Д.В., Бляхман А.А. Сбалансированная система показателей инновационного развития региона // Инновации. 2008. № 11 (121). С. 95–98. EDN: KXYEQH.
6. Бунимович И.Д. Подход к разработке стратегии развития региональной инновационной системы на основе системы сбалансированных показателей // Управление устойчивым развитием. 2016. № 3 (04). С. 18–24. EDN: WHDRYV.
7. Мякшин В.Н., Петров В.Н., Песьякова Т.Н. Методика оценки эффективности региональной инвестиционной политики субъектов Российской Федерации // Экономика региона. 2023. № 19 (1). С. 259–273. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-20.
8. Уткин А.И. Государственная политика совершенствования региональной кластерной системы на основе сбалансированной системы показателей // Общественные и гуманитарные науки: тенденции развития и перспективы взаимодействия: монография. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука». 2020. С. 20–34. EDN: YUVTHM.
9. Уткин А.И., Сперанский С.Н., Ермолаев М.Б. Комплексный подход к корректировке доходного потенциала региональных бюджетов (на примере Владимирской и Ивановской областей) // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2019. № 2 (58). С. 106–120. EDN: UNFDYD.
10. Верхолетова В.К., Шохнех А.В., Букач Б.А., Черкашина Е.Ю. Интегрированная система сбалансированных показателей в стратегическом развитии региона // Экономика и предпринимательство. 2023. № 3 (152). С. 460–463. DOI: 10.34925/EIP.2023.152.3.089. EDN: TSENYO.
11. Ярошевич Н.Ю., Благодатских В.Г. Исследование отраслевой структуры рынка промышленной продукции: динамический подход // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 6 (74). С. 102–114. DOI: 10.29141/2073-1019-2017-74-6-8. EDN: YNERGD.
12. Сумина Е.В. Новый подход к оценке результативности инновационного развития на основе сравнительного анализа регионов по динамическим показателям инновационных изменений // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 11. С. 1781–1806. DOI: 10.18334/ce.12.11.39570. EDN: YPXLHN.
13. Скитер Н.Н., Шохнех А.В., Денисова Н.Я. Когортный подход к формированию информационно-аналитического обеспечения регионального развития // Экономика и предпринимательство. 2023. № 4 (153). С. 354–356. DOI: 10.34925/EIP.2023.153.4.068. EDN: HWETDC.
14. Шохнех А.В., Таранова И.В., Глинская О.С. Ключевые факторы в структуре управления развитием региональных социоэкономических систем // Экономика и предпринимательство. 2022. № 7 (144). С. 608–611. DOI: 10.34925/EIP.2022.144.7.115. EDN: DGSNNL.
15. Батейкин Д.В. Формирование общей модели экономики региона: системные характеристики и параметры // Экономика. Профессия. Бизнес. 2015. № 2. С. 82–85. EDN: VVJIMN.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.